

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

На правах рукописи

Кутеко Дарья Андреевна

**Особенности языка «учёных комедий» XVI века
в контексте рестандартизации итальянского литературного языка**

Специальность: 5.9.6 – Языки народов зарубежных стран (романские языки)

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук
Школьникова О.Ю.

Москва 2023

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	4
ГЛАВА I. ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА НОРМИРОВАНИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА.....	10
1.1. История формирования представлений о языковой норме в западноевропейской лингвистической традиции.....	11
1.2. Этапы развития литературного итальянского языка.....	24
1.3. Новый стандарт итальянского языка.....	42
Выводы по главе I.....	48
ГЛАВА II. ИТАЛЬЯНСКИЙ КОМИЧЕСКИЙ ТЕАТР XVI ВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ.....	50
2.1. Социолингвистические параметры исследования.....	50
2.1.1. Соотношение устной и письменной речи в неформальной коммуникации.....	53
2.1.2. Социолингвистическая ситуация в Италии XVI века.....	56
2.1.3. Социолингвистическая ситуация в современной Италии.....	60
2.2. Развитие комического театра.....	64
2.2.1. Комический театр в центральных регионах Италии.....	68
2.2.2. Комический театр на севере Италии.....	77
2.2.3. Комический театр на юге Италии.....	80
2.2.4. Феномен <i>parlato-recitato</i>	83
Выводы по главе II.....	86
ГЛАВА III. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИТАЛЬЯНСКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА В КОМЕДИЯХ XVI ВЕКА.....	88
3.1. Инновации в системе местоимений.....	89
3.1.1. Употребление личного местоимения <i>lui</i>	90
3.1.2. Употребление личного местоимения <i>lei</i>	94
3.1.3. Употребление личного местоимения <i>loro</i>	96
3.1.4. Употребление личного местоимения 2-ого лица.....	96

3.1.5. Датив	97
3.1.6. Функционирование дейктических местоимений	99
3.2. Инновации в глагольной системе	104
3.2.1. Настоящее время	104
3.2.2. Будущее время	106
3.2.3. Прошедшее время	109
3.2.4. Сослагательное наклонение	111
3.2.5. Залог	116
3.2.6. Согласование по смыслу	117
3.3. Особенности употребления служебных частей речи	120
3.3.1. Употребление союзов	121
3.3.2. Феномен « <i>che polivalente</i> »	123
3.3.3. Употребление местоименных частиц <i>ci</i> и <i>ne</i>	128
3.3.4. Употребление артиклей	131
Выводы по главе III	136
ГЛАВА IV. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИТАЛЬЯНСКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА В КОМЕДИЯХ XVI ВЕКА	138
4.1. Эмфатические конструкции	138
4.1.1. <i>Dislocazione a destra</i> (эмфатическая конструкция «вынос вправо»)	139
4.1.2. <i>Dislocazione a sinistra</i> (эмфатическая конструкция «вынос влево»)	141
4.1.3. <i>Frasi scisse</i>	143
4.1.4. <i>C'è presentativo</i>	144
4.2. Дискурсивные маркеры	148
4.2.1. Дискурсивы взаимодействия	150
4.2.2. Метатекстовые дискурсивы	152
4.2.3. Когнитивные дискурсивы	153
Выводы по главе IV	155
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156
Источники	159
Список литературы	160

ВВЕДЕНИЕ

Итальянские комедии XVI века представляют собой материал, в высокой степени изученный известнейшими историками литературы и специалистами в области истории театра [Бояджиев, 1968; 1981; Бояджиев, Дживелегов, 1941; Дживелегов, 1954, 2015; Пуришев, 1996 и др.], однако актуальным является и лингвистический аспект, так как тексты «учёных комедий» позволяют нам внести корректировку в датировку периодизации эволюции итальянского языка, а именно – времени появления итальянского как разговорного языка¹ (исследователи называют его по-разному: «italiano tendenzionale» [Mioni, 1983: 496], «italiano dell'uso medio» [Sabatini, 1985: 172-173], «italiano giornaliero» [Antonelli, 2007: 19] или же «italiano neostandard» [Berruto, 2017: 31-32]).

Время его возникновения принято относить к современности – второй половине XX века, когда распространение средств массовой информации и введение обязательного образования на общеитальянском языке наконец привели к началу его употребления в процессе повседневной коммуникации вместо многочисленных диалектов.

В связи с этим **цель диссертации** – изучение морфологических и синтаксических особенностей языка «учёных комедий» в сопоставлении с феноменами новой нормы итальянского языка.

Следует отдельно отметить, что в исследовании не будет рассматриваться фонетический аспект, поскольку значительная временная дистанцированность и отсутствие каких-либо источников, кроме письменных, не позволяют получить объективные и полные данные об этом языковом уровне, а также лексика, так как

¹ Разговорный язык – устная форма языка, которая обслуживает повседневное общение прежде всего носителей литературного языка [Михальченко, 2006: 178]. В данной работе термин «современный итальянский разговорный язык» используется в качестве наиболее адекватного перевода итальянских терминов «italiano tendenzionale», «italiano dell'uso medio», «italiano giornaliero» и «italiano neostandard» (подробнее о них пойдёт речь в параграфе «1.3. Новый стандарт итальянского языка»).

сниженные пласты, как в XVI веке, так и на современном этапе, остаются на периферии системы и не оказывают значительного влияния на норму.

Для достижения цели должны быть решены следующие **задачи**:

1). изучение основных тенденций динамики нормы итальянского языка с XVI века по современный период;

2). изучение типологий инновативных особенностей новой нормы итальянского языка;

3). изучение источников, позволяющих получить новые данные о состоянии языка в прошлом;

4). анализ выбранного материала и сопоставление выявленных феноменов с тенденциями современного итальянского разговорного языка;

5). использование полученных результатов для формирования более полного представления как о состоянии итальянского языка в более ранние эпохи, так и о текущих процессах развития языка.

Актуальность темы диссертационной работы обусловлена необходимостью расширять ограниченный круг письменных источников, фиксирующих ранние этапы бытования итальянского разговорного языка; ценнейшим образцом таких документов являются «учёные комедии» XVI века.

Степень разработанности темы изложена в теоретической части диссертации, в основу которой легли труды отечественных и зарубежных исследователей, где рассматриваются:

- эволюция представлений о языковой норме в западноевропейской лингвистической традиции (Т.Б. Алисова; В.М. Алпатов; М.М. Бахтин; Л.И. Жолудева; Н.Н. Семенюк; Ш. Балли; Г. Берруто; Т. Буэно; Ж. Вандриес; Ф. Де Соссюр; Э. Косериу; А. Миони; Ж. Мульяхич и др.);

- особенности итальянской языковой системы и её развития (А.П. Лободанов; Т.Б. Алисова; И.И. Чельшева; Л.И. Жолудева; В.Ф. Шишмарев; У. Аммон; Дж. Антонелли; А. Гаспарри; Л. Д'Онгия; Н. Де Блази; Т. Де Мауро; В. Джоберти; Б. Мильборини; А. Миони; Дж. Ненчони; Ф. Сабатини; Л. Серианни и др.);

- специфика социолингвистики как науки и особенности её методов (В.В. Виноградов; М.М. Гухман; Н.Н. Семенюк; Г.В. Степанов; В. Айрес-Беннетт; К. Бадзанелла; Г. Берруто; Т. Буэно; П. Д'Акилле; М. Дардано; Э. Косериу; У. Лабов; А. Миони; Т. Невалайнен; Х. Раумолин-Брунберг; Ф. Сабатини; П. Трифоне; Л. Флайдал и др.).

Научная новизна данного исследования связана с *материалом* – ранее итальянские комедии XVI века не рассматривались в качестве источников, представляющих интерес для лингвистического исследования, а также *ракурсом его рассмотрения* – в сопоставлении с новым стандартом итальянского языка, формирующимся на современном этапе под воздействием разговорного языка.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что результаты диссертации вносят вклад в изучение специфики итальянской языковой нормы и исторического развития итальянского языка, выявляя причины и векторы изменений, происходящих в итальянском языке в современности.

Практическая значимость работы связана с тем, что проведённый анализ может дать ответ на целый ряд частных вопросов, касающихся формирования итальянского языка, поэтому будет полезен в процессе преподавания истории и теории итальянского языка, а также при изучении типологии романских языков (особенно аспекта, касающегося динамики формирования нормы).

Материалом для исследования послужили «учёные комедии» итальянских авторов XVI века: Г. Азиани, П. Аретино, Л. Ариосто, Ф. Бело, Дж. Бруно, Б. Варки, А. Граццини, Ф. Д'Амбра, Л. Де Медичи, Ф. Де Форнариса, Дж. Делла Порта, Б. Довици Биббиена, Л. Дольче, А. Кальмо, К. Кастеллатти, К. Ланчи, Н. Макиавелли, Дж. Парабоско, А. Пикколомини, А. Рикки и неизвестного автора или целого коллектива авторов сиенской Академии Оглушённых (Академии Интронати). Важно отметить, что в большинстве случаев были доступны исключительно оригинальные издания XVI века в отсканированных версиях в связи с тем, что последующие издания не всегда содержали полный текст произведения.

Следует также обратить внимание на то, что «учёная комедия» стала предпосылкой для развития *commedia dell'arte* (впоследствии получившей даже большее по сравнению с «учёными комедиями» распространение как в Италии, так и за её пределами), однако *commedia dell'arte* относится скорее к импровизационному театру, поэтому в силу отсутствия текстового материала не рассматривается в данной работе.

Методология исследования основывается на теоретических положениях современной теории вариативности и синхронной и исторической лингвистики, а также работах, посвященных итальянской языковой системе и её эволюции, в частности трудах Т.Б. Алисовой, М.М. Гухман, Л.И. Жолудевой, Н.Н. Семенюк, Л.Г. Степановой, И.И. Челышевой, К. Бадзанеллы, Г. Берруто, Т. Буэно, П. Д'Акилле, Л. Д'Онгия, М. Дардано, Т. Де Мауро, Э. Каларезу, Э. Косериу, К. Крокко, У. Лабова, А.Миони, Ж. Мульячича, Дж. Ненчони, Дж. Патоты, Ф. Сабатини, Л. Серианни, П. Трифоне, П. Тровато, Л. Флайдала, М.Черрути и др.

В ходе работы применялась комплексная методика, включающая следующие **методы исследования**: описательный метод, реализованный в совокупности приёмов наблюдения, логического сопоставления, обобщения, классификации и структурирования анализируемого материала, методы компонентного, смыслового, социолингвистического, контекстуального и дискурсивного анализа, метод лингвокультурной интерпретации, интроспективный метод, а также метод реконструкции. Крайне важно использование некоторых методов компьютерной лингвистики: так, в ряде случаев (например, при работе с местоимениями) применялся автоматизированный поиск контекстов с последующим анализом материала; использовались материалы электронных словарей и баз данных, а также оцифрованные издания комедий XVI века.

Положения, выносимые на защиту:

1. В XVI веке возникла не только кодифицированная норма итальянского языка, но и наметились общезыковые тенденции, характерные для неформального

общения, которое, согласно общепринятой точке зрения, вплоть до середины XX века осуществлялось преимущественно на диалектах.

2. Итальянские «учёные комедии» XVI века являются источником информации о языковой норме и разговорном узусе XVI века, который отражается в имитации разговорной речи в сценическом исполнении.

3. Явления, подвергающиеся стандартизации на современном этапе развития итальянского языка, бытовали в разговорном языке носителей в разных областях Италии в течение более чем 500 лет.

4. На современной стадии развития итальянский язык претерпевает процесс рестандартизации, при котором явления, зафиксированные уже в текстах «учёных комедий» XVI века и до конца XX века считавшиеся характерными для сниженного стиля, постепенно кодифицируются и приобретают статус нормативных – таким образом, наконец происходит сближение узуса и нормы.

5. Изучение структурной и функциональной специфики итальянского языка XVI века способствует более глубокому пониманию тех актуальных тенденций, которые характеризуют развитие морфологии и синтаксиса современного итальянского языка.

Апробация результатов диссертационного исследования и проверка степени их достоверности происходили как в рамках выступлений на международных конференциях, так и благодаря публикациям статей. Основные тезисы диссертации, выработанные в ходе научного исследования, нашли отражение в 7 публикациях в научных журналах, 5 из которых входят в список рецензируемых научных изданий для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова.

Выводы, выносимые на защиту, были представлены в научных докладах на следующих конференциях: V Международной научной конференции итальянистов «Алисовские чтения» (МГУ, 2021 г.); XI международной научной конференции «Романские языки и культуры: от античности до современности» (МГУ, 2021 г.); XXIX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых

учёных «Ломоносов 2022» (МГУ, 2022 г.); VII Международной научной конференции итальянистов «Алисовские чтения» (МГУ, 2023 г.); XXX Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Ломоносов 2023» (МГУ, 2023 г.).

Структура работы отражает основные этапы проведённого исследования, определяется поставленными целями и задачами и состоит из четырёх глав, введения, заключения и списка литературы.

ГЛАВА I. ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССА НОРМИРОВАНИЯ ИТАЛЬЯНСКОГО ЯЗЫКА

Понятие «норма» и процесс нормирования языка на протяжении всей своей истории представляли собой проблемную область, по-разному осмыслявшуюся на разных стадиях своего развития. В этом нет ничего удивительного: как известно, язык является общественным явлением, поэтому очевидна его зависимость от состояния социума, который пользуется им. Но любое языковое сообщество не является застывшим, замкнутым в себе механизмом – оно эволюционирует, вырабатывает новые способы взаимодействия, претерпевает влияние со стороны других сообществ. И язык как коммуникативное средство неизбежно отражает изменения в общественной жизни, постепенно избавляясь от устаревших форм, фиксируя новые тенденции и обновляя инвентарь имеющихся в нём единиц. Это нередко приводит к вариативности и размыванию границ нормы.

В данной главе будет рассмотрена история развития представлений о языковой норме в западноевропейской лингвистической традиции с опорой на труды лингвистов, внесших вклад в разработку этого понятия, в частности, работы Фердинанда де Соссюра, Шарля Балли, Жозефа Вандриеса, Эудженио Косериу, Альберто Миони и Жарко Мульячича. Описание параметров языковой вариативности и анализ этапов развития итальянского языка от XIII века до наших дней позволят сделать вывод о специфике процесса его нормирования и лучше понять процессы, зафиксированные уже в текстах XVI века и происходящие на современной стадии.

В первом разделе будут решены следующие задачи, вспомогательные по отношению к исследованию практического материала: мы проследим историю трансформации лингвистической мысли применительно к итальянскому языку, сравним состояние языка и отношение к нему членов языкового коллектива на разных стадиях, раскроем связь размышлений о языковом нормировании с другими науками (например, такими, как философия и социология, поскольку

язык становится не только средством коммуникации, но и оплотом государственного суверенитета и национального единства), дадим поэтапное описание происходящих в языке изменений и воззрений главных «реформаторов» итальянского языка, а также обоснуем обращение к текстовому материалу именно XVI века, ответив на вопрос, почему именно Чинквеченто следует считать точкой отсчёта возникновения литературного итальянского языка в том виде, в котором он продолжает использоваться и по сей день.

1.1. История формирования представлений о языковой норме в западноевропейской лингвистической традиции

Социолингвистическая ситуация представляет собой совокупность форм существования одного языка или языков в их территориально-социальной связи и функциональном взаимодействии в определённых географических рамках, иными словами, она показывает, как используется идиом в социальной среде (с учётом культурных, исторических, демографических и географических аспектов) [Степанов, 1976: 26]. Очевидным является взаимное влияние языковой нормы и социолингвистической ситуации друг на друга: социолингвистическая ситуация оказывает значительное влияние на языковую норму, так как отражает социальный контекст использования языка в конкретной среде, а языковая норма влияет на социальную дифференциацию говорящих, поскольку нормированный узус является индикатором социального статуса и образования [Гухман, 1960: 299].

Кроме того, можно выделить функциональную, социальную и территориальную базу нормы [Жолудева, 2014: 233]. В различных социолингвистических ситуациях может происходить как превалирование какой-либо из перечисленных разновидностей, так и ситуация, при которой все перечисленные аспекты нормы имеют равную степень значимости в процессе её формирования. Функциональная база нормы определяет, устный или письменный узус оказал наибольшее влияние на норму [Семенюк, 1970: 550]. Социальная база нормы связана с тем, язык какой группы населения был взят за основу нормы. Как

правило, это язык бюрократии или королевского двора (однако в Италии подобного не случилось). Территориальная база нормы показывает связь между географическими предпосылками и процессом нормирования языка: так, на протяжении многих веков политическое выдвижение региона означало повышение престижа его диалекта. Стоит отметить, что территориальная база нормы по-прежнему имеет для Италии гораздо большее значение, чем для какой-либо иной европейской страны: в XX веке диалекты севера оказывают влияние на норму и определённо считаются более престижными по сравнению с южными [Rohfls, 1970: 230]. Все перечисленные параметры можно отнести к социолингвистическим, что даёт основание сделать вывод о постоянном взаимодействии и тесной взаимосвязи социолингвистической ситуации и языковой нормы.

Усложнение социолингвистической ситуации в середине XV века (развитие гуманистического движения, распространение городских школ и университетов, усугубление раздробленности государства в результате войны гвельфов и гибеллинов, постепенное ослабление политического влияния папства, захват власти в итальянских городах влиятельными богатыми семьями, в частности, утверждение во Флоренции семейства Медичи, и др.) и появление технических инноваций, безусловно, повлияло на характер выделения языковой нормы: в романских языках возникает норма печатная, которая достаточно быстро приобретает доминирующее значение во всех языковых сферах.

Любопытно, что изначально «письменная норма осознаётся лишь как вторичная знаковая система, надстроенная над первичной – устной нормой» [Амирова, Ольховиков, Рождественский, 2005: 172], однако статус письменной нормы меняется, когда она получает автономию относительно устной, а с возникновением книгопечатания большинство функций, ранее осуществляемых рукописным словом, вполне естественно переходят в функционал печатной нормы. Это связано и с единообразием литер, упрощающим их восприятие читателем, и с регулирующим воздействием, которое печатная норма благодаря присущей ей консервативности оказывает на речевую деятельность. В печатном тексте исчезает

фигура переписчика, соответственно, книгопечатание значительно упрощает процесс копирования и распространения текстов, что приводит к повышению уровня образованности в обществе [Гельгардт, 1961: 25].

Будучи по своей сути техническим феноменом, изобретение книгопечатания, тем не менее, становится катализатором прогресса во всех областях человеческой деятельности. В том числе особенно остро встает задача нормирования: как привести язык к общему знаменателю, сделав его понятным как можно большему числу граждан, проживающих на территории распространения и официального использования языка? Решение проблемы было важным не только на социокультурном, но и на экономическом уровне: ведь от доступности изданий широкому кругу читателей напрямую зависел успех продаж и заработок издателей.

И всё же вопрос «что считать нормой?» вызывал и вызывает затруднения. Сложность комплекса языковых явлений, традиционно относящихся к вопросам нормирования, непрерывный процесс эволюции языка и языкового сообщества (и, как следствие, самой нормы), а также обилие множества зачастую отличающихся друг от друга точек зрения и на данный момент привлекают особое внимание к понятию нормы и заставляют непрерывно пересматривать его содержание.

1.1.1. Первые грамматики народных языков и Академическое движение

Начиная с XV века деятели науки и культуры начинают писать произведения не только на латыни, но и на новых европейских языках, которые ранее служили исключительно средством устного общения. С появлением письменных памятников возникает потребность описания и нормирования языков, чтобы сделать доступными их понимание и изучение как можно большему числу говорящих. По мысли М.М. Бахтина, особое отношение к языковым вопросам в эту эпоху обусловлено ситуацией языковой смены, не знавшей аналогов в европейской истории [Бахтин, 1990: 514-515]. Благодаря идее о равенстве всех языков приходит понимание того, что народные языки достойны внимания и изучения в той же степени, что и классические. В частности, переломным моментом становится

публикация во Франции литературно-эстетического трактата «Защита и прославление французского языка» (1549), ставшего манифестом объединения «Плеяда» [Вольф, 1996: 109]. Во французском трактате также отражается влияние итальянской филологической мысли XVI века – идей Марко Джироламо Вида, Пьетро Бембо, а также представлений, которые изложил Спероне Сперони в своём «Диалоге о языке» (1542).

Впрочем, латинские и греческие грамматики признаются непригодными для народных языков. Ж. Дю Вез выражает мнение большинства своих современников, утверждая, что «грамматика создана для классических языков, а потому бессмысленно надеяться на то, что «вульгарные» языки уложатся в традиционную грамматическую схему латыни» [Михайлова, 2008: 19]. Это приводит к возникновению многочисленных грамматик, целью которых становится описание народных языков по примеру латыни и древнегреческого.

Набирает популярность и Академическое движение: появляются специальные центры для углубленного исследования языковых вопросов – Академия Круска в Италии (о ней подробнее пойдёт речь в пункте 1.2.3), а впоследствии Французская Академия во Франции и

Усилия Академий были в первую очередь сосредоточены не на вопросах нормирования, но на составлении толковых словарей, опиравшихся на язык высшего общества или культурных прецедентов, что, однако, не всегда было просто осуществить. Так, на составление словаря Французской Академией ушёл немалый срок (порядка 60 лет), двухтомный толковый словарь увидел свет лишь в 1694 году. Его авторы ориентировались на язык высшего парижского общества, а также слог французских писателей, но прециозный стиль изложения вызвал только ироническое отношение и осмеяние [Степанов, 1976: 110].

Важным событием стало появление в 1660 году «Всеобщей и рациональной грамматики», составленной двумя исследователями, трудившимися в стенах монастыря Пор-Рояль, – Антуана Арно и Клода Лансло. В задачи авторов входило нормирование языка, на что указывают подзаголовки, сопровождающие общее

название грамматики, например, «Основы искусства говорить, объяснённые ясно и естественно». Но авторы считали недостаточным исключительно описательный подход к языку, поэтому работали над объяснительной грамматикой, используя индуктивный подход и исходя из существования общей логической основы языков, от которой конкретные языки отклонились в той или иной степени. Однако грамматика Пор-Рояля была исключительно синхронной: латинский и французский язык (а также часто упоминаемые испанский, итальянский, древнегреческий и древнееврейский) рассматриваются как живые и широко употребляемые в современности. Арно и Лансло не учитывали статус латинского как языка-предка. Вероятнее всего, социолингвистическая ситуация, по-прежнему предполагавшая повсеместное применение латыни, не позволила рассматривать развившиеся из неё и существующие параллельно языки в качестве «потомков» латыни [Касаткин, 1986: 38].

Иным был опыт Испанской академии, возникшей в тот период, когда во всех областях повседневной жизни всё ещё продолжала активно использоваться латынь, однако уже имелся опыт лексикографии двух других романских Академий – следовательно, Испанская академия «располагала накопленным до неё опытом в области лексикографии» [Алисова, 2007: 420]. Поэтому, в отличие от французского словаря, испанский «Словарь Авторитетов», основу которого составили примеры, взятые из произведений классиков испанской литературы, появился уже через 13 лет после создания Академии – в 1726 году. Кроме того, была создана грамматика испанского языка. Поскольку итальянская Академия Круска, как писала Т.Б. Алисова, и по сей день не реализовала своих планов на этот счёт, а французская академия сумела составить грамматику лишь в 30-е годы XX века, именно опыт нормирования испанского языка можно признать наиболее успешным [Алисова, 2007: 414 – 424]. Однако само понятие «норма» возникло значительно позже появления первых грамматик и расцвета Академического движения.

1.1.2. Фердинанд де Соссюр и предпосылки развития понятия «норма»

Швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр (1857 – 1913) ещё не выделял норму как самостоятельное лингвистическое понятие, однако его учение содержит важные предпосылки для рассмотрения языка в качестве нормативной системы. Соссюр утверждает не только произвольность языкового знака, но и его традиционность: «Именно потому, что знак произволен, он не знает иного закона, кроме закона традиции, и только потому он может быть произвольным, что опирается на традицию» [Соссюр, 1999: 83]. Из этого следует, что именно «в традиционности языкового знака коренится и его обязательность, в свою очередь предопределяющая существование нормального плана языка» [Семенюк, 1970: 554].

Несмотря на то, что термин «норма» прямо и непосредственно не рассматривается в «Курсе общей лингвистики», именно из идей Соссюра исходили лингвисты, занимавшиеся развитием этого понятия в дальнейшем.

Кроме того, очень важно введённое Соссюром противопоставление синхронии и диахронии: учёный был убеждён, что эти области необходимо строго разграничивать и рассматривать язык как законченную систему в определенный временной отрезок, поскольку «в каждый данный момент речевая деятельность предполагает и установившуюся систему, и эволюцию; в любую минуту язык есть и живая деятельность, и продукт прошлого» [Соссюр, 1999: 34]. В связи с этим нельзя не вспомнить ещё одну оппозицию, принадлежащую лингвисту: язык и речь. Соссюр отделяет практическое применение языковых компетенций, результат подобного применения (иначе выражаясь, речь) и систему, благодаря которой становится возможным функционирование речи (то есть язык). Дальнейшая разработка ортологических проблем будет осуществляться с учетом выделенных Соссюром оппозиций.

1.1.3. Шарль Балли и ненормативные черты живого языка

Несколько иной подход использует швейцарский лингвист Шарль Балли (1865 – 1947), который обращает внимание на ненормативные черты живого языка. По Балли, «гипертрофия нормального функционирования» (или же «языковая патология») выражает стремление говорящих восполнить «пустые места» в системе или развить существующие в языке тенденции [Балли, 1955: 39]. Подобные изначально ненормативные и эпизодически встречающиеся явления вполне способны впоследствии закрепиться, поэтому изучение языковых аномалий даёт возможность прогнозировать дальнейшее развитие языка.

Нормативные способы выражения, по мысли Балли, «не существуют в языке в чистом виде, но тем не менее являются безусловной реальностью» [Балли, 1961: 46]. Источником нормы следует же признать устную речь: «Учитывая, что язык создан прежде всего для устного употребления, было бы ошибкой не принимать последнее за норму» [Балли, 1955: 34]. Лингвист убеждён, что литературный язык нельзя считать эталоном в вопросах нормирования, поскольку он ориентирован на прошлое, и только «разговорная народная речь – дверь, открытая в язык завтрашнего дня» [Bally, 1922: 134].

1.1.4. Жозеф Вандриес и языковой идеал

Интересна и отлична от других существующих точка зрения французского лингвиста Жозефа Вандриеса (1875 – 1960). В своей наиболее известной работе «Язык» Вандриес уделяет особое внимание социальному функционированию языка и социальным причинам лингвистических изменений, в связи с этим обращаясь к проблеме языковой нормы. Стоит отметить, что с формированием сравнительно-исторического метода данный вопрос ушёл на периферию и на какое-то время практически полностью исчез из поля зрения учёных. Более того, «сосредоточение послесоссюровской науки на внутренней лингвистике привело к идее о принципиальном равенстве всех языковых систем: литературных, диалектных, просторечных, индивидуальных и т.д.» [Алпатов, 2005: 148].

Вандриес не вполне соглашается с этим распространенным положением, считая, что каждый говорящий стремится реализовать в своей речи определенный языковой идеал и «инстинктивно и бессознательно сопротивляется произволу в употреблении языка» [Алпатов, 2005: 149]. Соответственно, наличие некоего языкового идеала демонстрирует невозможность уравнивания абсолютно всех языковых систем в силу их большей или меньшей приближенности к идеалу (норме).

Понятие «норма», по Вандриесу, более широкое, нежели принято в традиции, поскольку лингвист считает, что норма существует не только в языках, но и в любом диалекте или говоре. И при отсутствии фиксации на бумаге она тем строже: если литературный язык допускает вариативность, то «говорящие на говорах почти никогда не колеблются» [Кузнецов, 1937: 352]. Причём абсолютная норма в понимании Вандриеса недостижима: «Правильный язык – идеал, к которому стремятся, но которого не достигают. <...> это – становление, которое никогда не завершается» [Вандриес, 1960: 447]. Возможно, это связано с другим важным понятием в концепции учёного, а именно – прогрессом, который также осмысливается в не совсем привычном ключе: «Прогресс языка сводится к тому, что данный язык по возможности лучше приспособливается к потребностям говорящих на нём» [Вандриес, 1960: 457]. Таким образом, из-за того, что социум непрерывно меняется и развивается, обновляются и его потребности. Следовательно, и языку приходится искать новые возможности для наиболее эффективного функционирования: то есть норма, с одной стороны, должна быть устойчива, а, с другой стороны, постоянно пересматриваться на предмет удовлетворения потребностей людей, говорящих на языке. Непрерывающийся поиск баланса между двумя выделенными крайностями делает норму относительным, а не абсолютным явлением.

1.1.5. Эудженио Косериу и функционально-стилистическое варьирование

Центральное место в исследовании вопросов нормирования языка принадлежит немецкому ученому румынского происхождения Эудженио Косериу (1921 – 2002), именно его определение нормы ближе всего к современному и общепринятому. Косериу окончательно отказывается от идеи прескриптивной нормы и утверждает, что для понимания механизма языковых изменений необходимо «встать на почву речи и принять её за норму всех прочих проявлений языковой деятельности, включая язык» [Косериу, 1963: 157]. Таким образом, лингвист предлагает отталкиваться от непосредственных коммуникативных актов для описания существующей нормы, ведь язык непрерывно формируется в процессе языковой деятельности. Норма определяется им как «система обязательных реализаций, принятых в данном обществе и данной культурой; норма соответствует не тому, что “можно сказать”, а тому, что уже “сказано” и что по традиции “говорится” в рассматриваемом обществе» [Косериу, 1963: 175]. При этом, как отмечает Косериу, в устной коммуникации человек пользуется всем спектром речевых регистров, прибегает к различным языковым стилям и уровням: для описания данного параметра вариативности в работе 1956 года Косериу вводит термин «диафазия» [Coseriu, 1956], подразумевая под ним «функционально-стилистическое варьирование» [Жолудева, 2020: 501], а именно – то, как использует язык в различных ситуациях один и тот же человек.

Следует отметить тот факт, что, согласно Косериу, до начала XIX века не существовало философской концепции, которая рассматривала бы смысл использования языка человеком. Предшественником современной семантики лингвист считает Дж. Локка, и, перефразируя знаменитое высказывание Локка, Косериу утверждает, что ничто не существует в языке, чего раньше не было бы в речи. Из данного утверждения можно сделать вывод о возникновении нормы из непосредственных речевых актов.

1.1.6. Параметры языковой вариативности

Таким образом, в данной работе в качестве нормы будет пониматься *совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закреплённых общественной языковой практикой* [Семенюк, 1970: 555]. Благодаря такому подходу язык рассматривается и как структура (с точки зрения его внутренней организации), и как функционирование этой структуры. При этом важно понимать, что системные отношения внутри структуры каждого языка оставляют говорящим некоторую свободу в его использовании, – именно это и приводит к вариативности. Конечно, по мере своего развития, язык стремится избавиться от излишней вариативности, однако полностью отсутствовать она может только в мёртвом идиоме.

До двадцатого столетия норма, языковая вариативность и другие частные особенности отдельных языков изучались не совместно, а скорее параллельно с разработкой базовых закономерностей, лежащих в основе каждого языка (например, учение о количестве частей речи, их категориях и т.д.) [Семенюк, 1965: 51]. В XX веке подход несколько меняется: изучение функциональных особенностей отдельных языков приводит к типологизации описаний и повышению уровня генерализации по принципу наличия общих признаков. Появляется целый ряд работ, посвящённых формированию литературного языка в целом, безотносительного отдельно взятого языка. Это приводит к расширению терминологии и возникновению новых понятий применительно к вопросам нормирования и языкового варьирования.

Так, продолжает активно использоваться термин «диахрония», указывающий на вариативность во времени и введённый в научный обиход ещё Ф. де Соссюром. Но, помимо диахронии и диафазии (функционально-стилистической вариативности, о которой шла речь в предыдущем пункте), возникают и другие параметры вариативности. Норвежский лингвист Лив Флайдал в 1951 году выделяет вариативность в пространстве (диатопию) и вариативность по принципу социальной принадлежности (диастрацию) [Flydal, 1951: 245]. Отметим, что

диатопия особенно важна для рассмотрения языка Италии с её множеством регионов и диалектов.

В 1983 году Альберто Миони предлагает ввести ещё один параметр языковой вариативности, отсылающий к оппозиции «письменная/устная речь» и указывающий на используемый канал коммуникации, – диамезию. Но постепенно оппозиция трансформируется и превращается из бинарной в градуальную, поскольку нередко используется несколько каналов коммуникации одновременно, при этом выделить доминирующий оказывается достаточно проблематично. Данный феномен стал особенно актуален с развитием технологий, однако встречался и ранее. В частности, анализируемые в исследовании тексты комедий, имитирующих спонтанную устную речь, являются наглядным примером подобного взаимодействия.

Итальянский язык изменяется по всем осям вариативности: полюса шкалы диамезии – письменная и устная формы языка (*parlato/scritto*), диастратии – высокий и низкий стили в зависимости от уровня образования говорящего (*colto/incolto*), диафазии – формальный и неформальный регистры (*formale (=aulico)/informale (=trascurato)*), диатопии – диалект и литературный язык. Данную схему предложил Гаэтано Берруто [Berruto, 2014: 32] для описания современного состояния архитектуры итальянского языка (его положение на этой схеме будет рассматриваться далее в параграфе 1.3).

1.1.7. Динамика формирования нормы

Говоря о норме, очень важно иметь в виду её противопоставление с узусом – то есть с тем, как говорящие реально используют языковую систему. Если норма в первую очередь ориентируется на узус и в неё постепенно входят феномены, характерные для реального общения говорящих на языке, норму можно считать дескриптивной. В обратной ситуации, когда источником нормы являются искусственно созданные правила, а сама норма призвана регулировать и регламентировать узус, её принято называть прескриптивной. На протяжении

практически всей истории итальянского языка норма была прескриптивной. Только с недавних пор в связи с феноменом рестандартизации итальянского языка, произошедшей по причине сначала распространения, а затем дальнейшей трансформации нормы под влиянием региональных вариантов, можно с осторожностью говорить об обратной тенденции, давно установившейся в других странах романского ареала.

Динамику формирования литературной нормы и её усвоения языковым сообществом применительно к Италии рассматривают в своих работах разные учёные. В отечественной итальянистике данная проблематика разработана в трудах Т.Б. Алисовой, И.И. Чельшевой, В.Ф. Шишмарёва, однако рассматривается в основном через творчество писателей и их вклад в становление литературного языка, наглядно демонстрируя формирование итальянского «по праву шедевра», взявшего за основу язык выдающихся авторов [Чельшева, 2019: 128].

Иной фокус зрения можно найти в западной итальянистике. Обратим внимание на этапы формирования нормы, которые выделяют Жарко Мульячич и Томмазо Буэно.

Хорватский романист Жарко Мульячич выделяет четыре фазы этого процесса: отбор вариантов (*scelta*), кодификация (*codificazione*), распространение (*estensione*) и дальнейшая трансформация (*elaborazione*). После отбора вариантов и их кодификации, по мнению Мульячича, происходит нормирование (*normazione*), но только распространение и дальнейшая трансформация приводят к нормализации (*normalizzazione*).

Томмазо Буэно, автор диссертации, посвящённой некоторым аспектам кодификации итальянской языковой нормы, в своём исследовании выделяет аналогичные этапы, однако называет весь процесс от стихийного отбора вариантов до распространения и принятия нормы языковым сообществом «стандартизацией» [Буэно, 2003: 198].

Подобная схема применима к фазам нормирования любого языка, но для Италии крайне важно, что независимо от применяемой системы терминов в

качестве отдельного этапа развития литературного языка выделяется процесс усвоения нормы языковым коллективом – для итальянского языка именно эта стадия по причине активного употребления диалектов в ситуациях повседневной коммуникации стала наиболее длительной и непростой.

1.2. Этапы развития литературного итальянского языка

В случае с итальянским языком довольно сложно сказать, что норма возникла из непосредственных речевых актов (данная тенденция проявляется только с недавних пор, когда выросло первое поколение итальянцев, для которых литературный итальянский стал языком первичной социализации) – это связано с постоянным на протяжении всей истории его становления сосуществованием кодифицированного языка и многочисленных региональных диалектов, служивших инструментом устного общения в бытовых ситуациях. Будучи прескриптивной, норма долгое время помещала говорящих в довольно жёсткие рамки и отвергала вариативность, становясь при этом скорее номинальной, поддерживаемой лишь очень небольшой частью языкового коллектива. Не имея возможности учиться «правильному» итальянскому, носители языка отдавали предпочтение диалектам, на которых могли свободно общаться, не испытывая трудностей и не допуская грубых ошибок.

В связи с этим время возникновения итальянского языка представляет собой ещё одну проблемную область: едва ли существование только письменной формы языка можно считать свидетельством его возникновения и процветания. Не употребляясь в разговорной речи, язык становится «мёртвым» – он не является полифункциональным, в нём отсутствует вариативность, он не способен функционировать во всех без исключения языковых регистрах [Виноградов, 1967: 42]. С одной стороны, норма есть и устанавливаемые ею правила чётко соблюдаются при переписывании документов и книг, но, с другой стороны, при отсутствии вариативности и само понятие «норма» стирается, сводится к прескриптивной норме, а нормированный в подобном ключе язык блекнет и теряет экспрессивные свойства.

В силу социолингвистических и геополитических причин как появление итальянского языка в качестве отдельного самостоятельного языка, так и его нормирование растянулись на несколько столетий, эти вопросы до сих пор

продолжают вызывать полемику среди научного сообщества. Проследим, чем это обусловлено.

1.2.1. XIII-XIV века. «Три венца» итальянского языка

Безусловно, размышление об итальянском языке невозможно без обращения к фигуре Данте Алигьери (1265-1321). Великий мыслитель, творец, автор «Комедии» (впоследствии получившей эпитет «божественная» благодаря Боккаччо), он по праву считается «отцом» итальянского языка.

Ещё до изобретения книгопечатания работы Данте пользовались популярностью и авторитетом. Именно он стал автором первого лингвистического трактата общеитальянского значения («Трактата о народном красноречии», 1303-1305), посвящённого поискам «надлежащего» для литературного произведения языка. Несмотря на беспрецедентность и новизну такого рода сочинения, Данте показывает себя настоящим типологом и демонстрирует различия между романскими языками на примере утвердительной частицы «да» [Trifone, 2007: 65]. Прежде всего нас интересует первая выделенная им группа, куда Данте включает родственные романские языки. Структура оказывается достаточно сложной, поскольку группа делится на три подгруппы: язык «oc» (окситанский), язык «oi» (старофранцузский) и язык «si» (староитальянский) [Алисова, Чельшева, 2009: 144]. Таким образом, Данте сравнивает итальянский и другие романские языки, показывая, что у итальянского совершенно особенный путь развития, не похожий ни на какой другой.

Примечательно, что трактат написан на латыни. Данте объясняет популярность латинского и древнегреческого языков культурными причинами: без знания этих языков, не получится обратиться к произведениям прошлого или оставить послание для последующих поколений (видимо, автор предполагает, что латинский и древнегреческий не потеряют своей популярности и будут использоваться в качестве языков международного общения, понятных всем живущим на планете).

Новаторство Данте заключается в том, что именно он сумел увидеть в романских языках потенциал для появления собственной литературной традиции, отличной от античной: он не только уравнивает в правах латынь и народные языки, но считает вольгаре даже более благородными, поскольку они даны человеку от природы в отличие от искусственно созданной латыни. Данте предлагает взглянуть на то «богатство» вольгаре, которое на первый взгляд воспринимается недостатком, как на преимущество, позволяющее сделать язык экспрессивнее.

Несмотря на то, что среди итальянских вольгаре Данте не находит ни одного, который мог бы претендовать на звание общеитальянского, своё главное произведение – «Божественную комедию» (1308-1321) – он пишет на тосканском наречии. Вероятно, этот диалект выбран не только из-за того, что был для Данте родным, но и потому, что больше всего походил на латынь и, по мнению итальянских авторов XVI века, испытал на себе наименьшее влияние родных для завоевателей Италии языков – арабского и германского.

На самом деле, с учётом современных точек зрения, можно не преувеличивать влияние германцев и тем более арабов, которые были только на периферии и недолго. Период германских завоеваний, безусловно, был решающим для диалектной фрагментации Италии, но не в смысле непосредственного влияния германской речи, а в смысле политической децентрализации и усиления центробежных тенденций в латинских (протороманских) и затем романских диалектах Италии. Тосканский в каком-то смысле действительно больше походил на латынь за счет того, что темп протекания фонетических изменений в нём был самым медленным [Procacci, 1991: 298]. Этот фонетический консерватизм и обеспечил относительную доступность, понятность тосканского: и за счёт параллелей с латынью, и за счёт более внятной артикуляции). Следовательно, такой язык мог быть в большей или меньшей степени понятен на всей территории Италии. Именно он может называться «*volgare illustre*» – тем языком, который «принадлежит всей Италии» [Manni, 2013: 64].

Кроме того, происходит выдвижение Тосканы (и в особенности столицы региона – Флоренции), обусловленное политическими и экономическими причинами. Небывалый успех «Комедии» сделал Флоренцию также и центром культурного притяжения: поэму активно переписывали вплоть до её первого печатного издания в 1472 году [Алисова, 2007: 60].

Идею Данте писать на народном языке поддержали и другие литераторы, в том числе Франческо Петрарка (1304-1374), несмотря на свою убежденность в исключительном положении латыни как единственно достойного образца для подражания. Любопытно, что стиль поэмы Данте Петрарка определяет как «простонародный» (*popularis*) и в переписке с Джованни Боккаччо отмечает, что никогда не завидовал славе поэта, снискавшего популярность среди трактирщиков, красильщиков и мясников, а свой единственный сборник стихов на флорентийском вольгаре считает «безделушками» (*nugae*). Петрарка хочет следовать собственному пути, не оглядываясь на творчество современников и пренебрегая модой времени, ведь они могут привести на опасную тропу подражания и, как следствие, закончиться самопотерей [Андреев, 2007: 20]. Удивительно, но даже мелкие записи и пометки на полях своих итальянских стихотворений Петрарка делает на латыни [Алисова, 2007: 86].

Кроме того, изучение античных авторов принесло свои плоды и с точки зрения синтаксиса и грамматики: Джанфранческо Фортуннио, считающийся автором первой грамматики итальянского языка «Грамматические правила народного языка» («*Regole grammaticali della volgar lingua*», 1516) отмечает правильность речи Петрарки – безукоризненное соблюдение грамматических правил, от которых Данте нередко отступал [Шишмарев, 2022: 68].

Можно предположить, что обращение к диалекту в «*Rerum vulgarium fragmenta*» (как первоначально назвал «*Canzoniere*» (1348) Петрарка) обусловлено тематикой стихотворений: страсть и влечение к земной женщине Лауре воспринимаются автором как нечто греховное, недостойное быть описанным на эталонном языке.

Флорентийский вольгаре для описания современной действительности выбирает и Джованни Боккаччо (1313-1375). «Декамерон» (1352-1354) полон отсылок к телесному низу, розыгрышей, насмешек, острот, поэтому любой другой язык, кроме народного, сделал бы повествование нелепым. Введение, где описываются ужасы чумы, написано «высоким стилем», сама же «человеческая комедия» имитирует устный рассказ, так что большое внимание уделяется форме: по мнению Боккаччо, нескладное изложение испортит самую интересную историю, а блестящая форма способна облагородить даже непристойное содержание [Nencioni, 1983: 203].

Стилистически все новеллы «Декамерона» очень разные, поэтому обращение к вольгаре позволяет расширить диапазон языкового варьирования, тем самым увеличив выразительные возможности. Нередко даже внутри одного рассказа можно обнаружить разнообразие стилистических регистров (в терминологии М. Баратто – «*modi narrativi*» [Barrato, 1974: 319]). Так, Джованни Ненчони выделяет в «Декамероне» шесть стилистических регистров, от «*scritto-scritto*» (высокого стиля, тяготеющего к латыни как в порядке слов, так и в фигурах речи) до «*parlato-parlato*» (крайне сниженного стиля, характерного исключительно для разговорного общения на народном языке малообразованных людей) [Nencioni, 1983: 137].

Таким образом, именно «три венца» (как называют Данте, Петрарку и Боккаччо) стоят у истоков современного итальянского языка. Их вклад в формирование и развитие как общего для будущего итальянского государства языка, так и национального самосознания в целом трудно переоценить. Так, в XVI веке появилась и закрепилась традиция составления словарей языка писателей: достаточно упомянуть, что один из первых толковых словарей – «Словарь языка Петрарки» Ф. Алунно – представлял собой алфавитный словник петрарковских лексем «с объяснением слов и трудных мест», а словник другого важного словаря эпохи – словаря Л. Минерби – основывался на лексике «Декамерона» Боккаччо. Данте Алигьери же навсегда вошёл в историю как создатель общеитальянского литературного языка, оставаясь главным авторитетом для исследователей

итальянского языка на протяжении многих столетий (неслучайно его фигура появляется практически во всех лингвистических трактатах XV-XVI веков).

1.2.2. XV век. *La crisi quattrocentesca*

Для итальянского языка Кватроченто в какой-то степени является кризисным этапом: в Италии вновь возрастает интерес к латыни. Этот период характеризуется политической нестабильностью и войнами (в частности, Флоренция стремится расширить зону своего влияния путем военных аннексий), во многих городах появляются свои литературные центры, способные соперничать с Флоренцией [Шишмарев, 2022: 73]. При этом олигархи и короли воспринимают древний Рим как образцовый пример централизации власти, а гуманисты, видящие в латыни идеал и стремящиеся сделать её языком повседневного общения, занимают высокие государственные посты во Флорентийской республике.

Гуманистическое движение, зародившееся ещё в XIV веке (Петрарку называют первым гуманистом), становится настолько сильным, что влияние флорентийского вольгаре постепенно угасает, уступая место попыткам воскрешения латыни: появляются школы для углубленного изучения латинского языка, поощряется переписывание рукописей латинских авторов, основываются публичные и частные библиотеки, а латинская литература начинает восприниматься как «литература своего прошлого, которой не хватало только современного продолжения» [Шишмарев, 2022: 75].

Тем не менее, растёт и число сторонников флорентийского вольгаре, стремящихся повысить его престиж. Так, на защиту народного наречия встаёт Леон Баттиста Альберти (1404-1472), утверждающий, что итальянский язык не уступает латыни [Гаспари, 1897: 163]. Во второй половине XV века Лоренцо Медичи (1449-1492), восхищаясь автором «Декамерона», заявляет, что всякий, кто его читал, уверится, что итальянский язык лучше, чем какой-либо другой, пригоден для выражения человеческих чувств и страстей [Fòffano, 1908: 5]. Под влиянием Лоренцо Медичи по-итальянски пишут поэт и драматург Анджело Полициано

(1454-1494), основатель и глава Платоновской академии Марсилио Фичино (1433-1499), мыслитель-гуманист Кристофоро Ландино (1424-1498) и многие другие [Шишмарев, 2022: 80].

Диглоссийная ситуация сосуществования и даже соперничества латыни (по-прежнему недоступной малообразованным слоям населения) и народного языка обостряется, что приводит к развитию учений о языке.

Автором первой грамматики итальянского языка стал Леон Баттиста Альберти (о котором шла речь выше), высказавший идею о том, что не только у латыни есть грамматическая структура. Однако Альберти, архитектор по профессии, сознательно не опирается ни на какие литературные произведения и прецеденты, поскольку первоочередным для него было показать несущую конструкцию языка. К сожалению, его грамматика так и не была напечатана. Первая печатная грамматика появится уже в XVI веке усилиями Франческо Фортуньо (1470-1517), поднявшим вопрос о кодификации языка [Степанова, 2000: 207].

1.2.3. XVI век. Спор о языке

Итальянские гуманисты XIV-XV веков сыграли ключевую роль в формировании языка и языковой нормы, поскольку, благодаря литературному дарованию выдающихся флорентийцев Данте Алигьери, Франческо Петрарки и Джованни Боккаччо, стоящих у истоков гуманизма, тосканский диалект лёг в основу итальянской нормы.

Однако само формирование нормы итальянского языка оказывается достаточно сложным процессом. На рубеже XV-XVI вв. в Италии появилось книгопечатание, и одновременно с этим встал вопрос – на каком языке следует печатать книги, чтобы они были понятны как можно большему кругу читателей [Алисова, 1960: 180]. Конечно, до появления общеитальянского языка многие его функции выполняла латынь, в том числе она являлась языком науки, церкви, права, письменного общения образованных людей, а также языком большинства

рукописных книг [Trovato, 1994: 89]. Но проблема заключалась в том, что в Италии долгое время сохранялся огромный разрыв между образованными и необразованными слоями общества. Латынью владела лишь интеллигенция, а подавляющее большинство людей обходились своими диалектами, которые порой разительно отличались друг от друга, что делало невозможным общение выходцев из разных регионов [Челышева, 1990: 64]. «Литературный язык должен был обладать популярностью диалекта и в то же время универсальностью латыни: он должен был быть итальянским языком» [Canello, 1880: 313]. Поэтому современники активно полемизировали относительно того, какую лингвистическую модель следует принять за основу единого языка, понятного всем его носителям, а не только узкому кругу наиболее образованных лиц [Жолудева, 2013: 38]. Это явление получило название *Questione della lingua* (так называемого «Спора о языке»), в котором Бруно Мильборини выделил три основных течения: поэт и драматург Джанджорджо Триссино и его сторонники были приверженцами «придворной теории», убежденными, что в вопросах языкового нормирования следует равняться на наиболее престижные слои общества; политический деятель и писатель Никколо Макиавелли выражал мнение флорентийцев, считавших источником нормы географический центр; гуманист Пьетро Бембо был носителем «венетской точки зрения», примыкая к лагерю архаизирующих пуристов, и предлагал ориентироваться на выдающиеся литературные образцы прошлого [Migliorini, 1994].

Теория Бембо оказала решающее влияние на дальнейшее развитие итальянского языка: впоследствии сложилась именно прецедентная норма, опиравшаяся не на один из живых диалектов Италии, а на прецедент – письменные источники, в которых нашёл отражение образцовый укус Данте, Петрарки и Боккаччо [Vitale, 1978: 339]. Кроме того, Бембо предсказал живучесть диалектов в устном общении (в отличие от Триссино, видевшего книгу проводником в устную речь, Бембо не считал устную форму языка нуждающейся в немедленной нормализации и стремился нормировать только его письменную форму) [Бембо,

1980: 40]. Однако все участники полемики оказались в чем-то по-своему правы и внесли важнейший вклад в судьбу итальянского языка. Так, сторонники придворной теории угадали лингвоним, которым в итоге будет называться единый язык (название было важно с идеологической точки зрения – помимо «итальянского», предлагались варианты «тосканский» или «флорентийский», а Бембо и архаисты его круга чаще употребляли термин «volgare», то есть «народный язык»), флорентийцы же предсказали территориальную базу нормы [Степанова, 2005: 189].

Кроме того, в XVI веке появляются первые печатные итальянские грамматики: в 1516 году выходит грамматика Франческо Фортуньо «Regole grammaticali della volgar lingua», далее следуют работы Никколо Либурнио «Le vulgari eleganzie» (1520) и «Le tre fontane» (1526), а также Джанджорджо Триссино «Grammatichetta» (1529) [Шишмарев, 2022: 84]. Самой значительной грамматикой эпохи принято считать труд Леонардо Сальвиати «Degli avvertimenti della lingua sopra 'l Decamerone» (1584-1586), в котором грамматика осмыслялась через текст «Декамерона».

Творение Боккаччо бралось за основу не только при составлении грамматик, но и лексических словарей и римариев: в 1535 году Лючилло Минерби издал словарь к «Декамерону», а год спустя Фабрицио Луна выпустил словарь пяти тысяч тосканских слов из работ Данте, Петрарки, Боккаччо, Ариосто и других. Лексике «трёх венцов» посвятил свой труд «La fabrica del mondo» (1548) и Франческо Алунно [Шишмарев, 2022: 84].

Важно отметить, что центральная роль в нормировании языка (причём не только в Италии) принадлежала специальным филологическим центрам – академиям: возникшей в 1583 году Академии Круска в Италии (любопытно название Академии: оно происходит от итальянского существительного «cusca», то есть «отруби», и связано с пуристской установкой очистить итальянский язык от всего наносного и неграмотного), Французской Академии (1635 г.), Королевской Академии в Испании (1713 г.). Все три академии с момента своего появления

сосредоточили усилия на составлении толковых словарей, поскольку своей основной задачей считали зафиксировать родной язык в том виде, в каком им пользуется высшее общество. Таким образом, с одной стороны, источником нормы мыслились привилегированные классы, с другой стороны, норма была прецедентной, о чём и пойдёт речь далее.

1.2.4. XVII-XVIII вв. Разделение нормы и узуса

В XVII-XVIII веках академическое движение набирает популярность, возрастает интерес к лексикографической практике, ведётся активная деятельность по составлению словарей. В Италии подготовленный и выпущенный в 1612 году Академией Круска словарь был полностью ориентирован на классический тосканский образец: язык Данте, Петрарки и Боккаччо, которые жили и творили тремя веками ранее. Примечательно, что, помимо толкования лексем, словарь содержал стилистические пометы, такие, как «просторечие», «архаичное», а также многочисленные цитаты из художественных произведений, пословицы и поговорки, латинские (а иногда и греческие) эквиваленты итальянских слов. По задумке Леонардо Сальвиати словарь должен был не только опираться на лучшие литературные образцы, но и учитывать живую разговорную речь образованных жителей Тосканы. Тем не менее это не было реализовано, в окончательной редакции словаря отсылки на язык XVI века даны только в том случае, когда он совпадает с языком «трёх венцов» или же содержит неологизмы [Шишмарев, 2022: 85].

Однако несмотря на повышенный интерес к лингвистическим вопросам и составление многочисленных словарей и грамматик уровень образования населения по-прежнему остается довольно низким, у многих нет возможности изучать литературный итальянский язык, поэтому в повседневном общении продолжают использоваться диалекты. Даже представителям высших социальных слоёв оказывается непросто в совершенстве освоить принятый в качестве общеитальянского языка вольгаре, в связи с чем становится крайне

распространённой практика «выписывать» учителей или слуг-флорентийцев с целью усовершенствовать свои знания флорентийского наречия и избавиться от диалектизмов родного региона. Это пародируется даже в комедиях – например, образ венецианца из комедии Пьетро Аретино «Таланта» («La Talanta», 1542), вероятно, списан с натуры. «Прежде держали гуманистов, чтобы усовершенствоваться в латинском и греческом языке. Теперь приглашают людей, от которых можно перенять чистую тосканскую речь» [Дживелегов, 2015: 146].

Важно учесть и то, что язык «трёх венцов» несколько утратил свою актуальность за то время, пока велись споры и решалось, какой диалект взять за образец для всей территории будущего Итальянского государства: в XVII-XVIII веках так, как писали Данте, Петрарка и Боккаччо, уже никто не говорил несмотря на то, что происходила постепенная кодификация нормы благодаря появлению словарей и грамматик.

Подобная ситуация двуязычия (если раньше оно существовало из-за оппозиции «латинский язык vs вольгаре», то сейчас латынь сменил флорентийский диалект, ставший основой кодифицированной нормы) приводит к окончательному разделению нормы (того, как следует говорить) и узуса (того, как говорили реально). Основные усилия прилагаются к преодолению расхождений между ними. Но, если следует ориентироваться на живой язык, снова возникает вопрос, на какой именно. Если во Франции искали *bon usage* при дворе, в Италии ориентировались на культурные слои общества – таким образом, за образец брали узус образованных людей [Marazzini, 1993: 136].

Необходимо учитывать и сильную децентрализацию Италии рассматриваемой эпохи: в XVII веке Испания владеет областью Милана, частью Тосканы, Сардинией, Сицилией и Неаполем, центр полуострова принадлежит церкви (так называемая «Папская Республика»), а на севере находится Савойское герцогство; в XVIII веке после войны за испанское наследство (1701-1714) Испанию сменяет Австрия [Шишмарев, 2022: 104, 109]. При этом уровень торговли падает, в сложившейся геополитической обстановке становится не до неё, и тем

более не до литературы. В эту эпоху развиваются социально-политические науки, составляются проекты реформ, как никогда становится актуальной идея национального единства.

Вместе с тем в Италию проникают и становятся популярными идеи философа Джона Локка (1632-1704), в частности его убежденность в произвольности связи между словом и символом. Из неё следует вывод о второстепенном значении словесного выражения и, шире, об отсутствии смысла и необходимости в чистоте языка: идеи приобретают несравнимо большее значение, нежели их форма в языковом выражении.

Развивает эту мысль и падуанец Мелькиорре Чезаротти (1730-1808) в своём трактате «Очерк философии языка в приложении к итальянскому» («Saggio sulla filosofia delle lingue applicato alla lingua italiana», 1785). Он исходит из общности фундаментальных свойств различных языков и единстве их рационального, мыслительного содержания и отмечает, что совершенного языка не существует, однако каждый язык способен совершенствоваться. Постоянно возникают новые идеи, понятия, явления, в связи с чем и язык постоянно должен находиться в движении, адаптируясь под непрерывно меняющуюся реальность. Причём основная роль в этом процессе принадлежит разуму.

Любопытны и наблюдения Чезаротти о соотношении разговорной и письменной форм существования языка: по его мнению, разговорный язык всегда богаче, но письменный – правильнее, поскольку более продуман и «отделан». Чезаротти критикует чрезмерное преклонение перед литературными авторитетами и попытки равняться на шедевры прошлых веков, поскольку это приводит к тому, что разговорный язык становится более скудным, иссякает, тем самым наносится вред его развитию. При этом он не отрицает примат флорентийского диалекта над всеми остальными, его исключительную ценность среди других вольгаре и длительную традицию господства – по мнению Чезаротти, совершенно естественно, что Академия Круска брала за основу язык флорентийских писателей XIII века. Деятельности Академии просветитель уделяет особое внимание,

подробно описывая её структуру и функции, а также предлагает создание особого Национального совета по делам языка, который включал бы в себя самых образованных и осведомленных в языковых вопросах представителей крупных итальянских городов [Шишмарев, 2022: 116].

Не будет преувеличением утверждать, что идеи Мелькиорре Чезаротти так же значимы для своего времени, как когда-то трактаты Данте. Важно то, что Чезаротти стремился найти компромисс между складывавшейся на протяжении нескольких веков традицией, тенденциями современной эпохи и запросами людей с новым образом мышления. Уважая деятельность академий, он всё же не поддерживал крайности и выступал против абсолютно пуристских установок, заявляя, что заимствования из других языков – явление неизбежное и совершенно нормальное. Отрицая возможность существования совершенного языка, он признавал неоспоримый статус флорентийского диалекта в качестве единственно возможного общеитальянского языка. Концепция Чезаротти была новаторской и в то же время весьма последовательной.

Чем более устаревшими и чрезмерно педантичными казались обществу пуристические установки Академии делла Круска, тем большую популярность приобретал Чезаротти. Казалось совершенно естественным не пытаться контролировать неудержимую мощь языка, дав ему возможность развиваться свободно и тем самым позволив проникнуть заимствованиям и диалектизмам.

1.2.5. XIX-XX вв. Italiano standard

В начале XIX века продолжателем концепции Чезаротти стал Винченцо Монти (1754-1828). Он был убежден в необходимости очистить современный язык от архаизмов, при этом обогатив терминами и новыми словами, характерными не только для Тосканы. Эти идеи нашли отражение в работе Монти «Proposta di alcune correzioni ed aggiunte al Vocabolario della Crusca» (1817-1826). Важно, что, как и Чезаротти, Монти полностью признавал особое положение флорентийского наречия и не пытался его оспаривать. Однако, принимая разум в качестве

основного движущего фактора в развитии языка, Монти, вероятно, не уделял должного внимания узусу, не всегда подвластному рациональным законам.

В связи с чем разумным и своевременным кажется предложение писателя Алессандро Мандзони (1785-1873) «омыть итальянский язык в водах Арно» [Nencioni, 1999: 311], которым он отрицает искусственную фабрикацию языка (пусть даже и по законам разума) и стремится дать традиции новую жизнь и новое развитие, опираясь для этого на конкретный живой диалект.

Проблема языкового нормирования и отсутствие единого стандарта (хотя бы на письме) были особенно актуальными для Мандзони как для писателя, решившего создать исторический роман, но используя при этом общепонятный язык – задача кажется почти что невыполнимой. В связи с этим представляют интерес две редакции его главного романа «Обрученные» («I promessi sposi», 1825-1827; 1840-1842). В первом издании Мандзони исходит из мысли о том, что в основе всех диалектов есть некая общая база, общий лексический фонд, который можно использовать в письменной речи для того, чтобы сделать книгу общепонятной независимо от региона и родного читателю диалекта. Однако во втором издании писатель целиком и полностью придерживается флорентийского наречия, придя к выводу, что с практической точки зрения гораздо проще будет не изучать многочисленные и зачастую очень разные фонетически и лексически диалекты с целью выявления в них общих черт, но овладеть одним и впоследствии придерживаться именно его [D'Ovidio, 1933: 53-54]. Вероятно, такое решение было связано с поездкой Мандзони во Флоренцию в 1827 году, когда ему предоставилась возможность увидеть, что формы, изучаемые в других регионах Италии исключительно по словарям и грамматикам, действительно активно употребляются в разговорном общении образованных флорентийцев и совершенно не противоречат узусу.

Таким образом, на смену *ratio*, который являлся главным регулятором развития языка в концепции предшественников Мандзони – Чезаротти и Монти, наконец пришёл живой узус, что стало поворотным моментом и главным вкладом

Алессандро Мандзони не только в процесс нормирования итальянского языка, но и в становление национальной идентичности итальянцев.

Так, в оде Алессандро Мандзони «Март 1821» («Marzo 1821»), написанной в 1848 году, отчетливо прослеживается идея о том, что нацию определяют не только географические границы или единая политика, но прежде всего общие военные силы, язык и религия:

*Una gente che libera tutta,
O fia serva tra l'Alpe ed il mare;
Una d'arme, di lingua, d'altare
Di memorie, di sangue e di cor. //*
Народ, ставший свободным,
Или меж моря и Альп заточённым;
Единый в речи, вере, войсках,
Воспоминаниях, крови, сердцах.²

Без этого существует не нация, а лишь «*un volgo disperso che nome non ha*»/ «разнородная и безымянная толпа», как описывает италиков Мандзони в трагедии «Адельки» («Adelchi», 1822), указывая на отсутствие общественного самосознания ещё в далекие годы противостояния с франками и лангобардами. То есть, по мнению Мандзони, формирование общего языка – необходимая предпосылка для возникновения единой нации и государства.

Противоположную точку зрения в своем «Дневнике размышлений» («Zibaldone», 1817-1829) высказывает современник Мандзони поэт Джакомо Леопарди: «чтобы в действительности «поставить на ноги» итальянский язык, необходимо сначала «поставить на ноги» Италию и итальянцев»³. Таким образом, Леопарди предлагает добиться политического объединения и процветания Италии, вследствие чего рано или поздно появится и общий для всех итальянцев язык.

² Здесь и далее перевод на русский язык принадлежит автору диссертационного исследования.

³ В оригинале «per rimetter davvero in piedi la lingua italiana, bisognerebbe prima in somma rimettere in piedi l'Italia, e gl'italiani» [Leopardi, 1991: 494].

Промежуточную позицию занимает итальянский философ Винченцо Джоберти, разграничивая письменную и устную формы существования языка. В труде «О нравственном и гражданском превосходстве итальянцев» («*Del primato morale e civile degli italiani*», 1843) философ утверждает, что «существует скорее Италия и некий итальянский род, сплочённые кровью, религией, выдающимся письменным языком, но разделенные правительством, законами, социальными структурами, народным наречием, обычаями, привязанностями, традициями»⁴, подразумевая под «народным наречием», по всей видимости, бывшие в течение длительного времени в широком употреблении в самых разных речевых ситуациях (в противовес книжному языку) диалекты [Gioberti, 1925: 105].

С политической точки зрения XIX век отмечен феноменом Рисорджименто (национально-освободительным движением итальянского народа, целью которого являлось избавиться от власти иноземцев и объединить крайне раздробленные с геополитической точки зрения территории), которое в конечном счёте завершается Объединением Италии в 1861 году и присоединением Рима к Итальянскому королевству в 1870. Однако в повседневном общении продолжают использоваться многочисленные диалекты.

Встаёт вопрос о возможности следования норме в неформальном дискурсе и её распространении – это было важно не только с экономико-практической точки зрения, но и, в первую очередь, с идеологической: как и предсказывал Мандзони, общий язык был призван повысить чувство сплочённости и братства единого народа и помочь итальянцам найти национальную идентичность и некий общий знаменатель после многих лет обособленности и раздробленности (этому способствовала также литература на диалекте, ставшем основой нормы, поэтому фигуры Данте, Петрарки и Боккаччо продолжают почитаться и становятся общим культурным кодом для многих поколений итальянцев) [Trifone, 2006: 77].

Проблема заключалась в том, что в большинстве своём население Италии было неграмотным. Так, Серианни пишет, что неграмотными были свыше 75%

⁴ В оригинале «V'ha bensì un'Italia e una stirpe italiana congiunti di sangue, di religione, di lingua scritta ed illustre; ma divisa di governi, di leggi, d'instituti, di favella popolare, di costumi, di affetti, di consuetudini» [Gioberti, 1925: 92-93].

граждан нового королевства, а на юге уровень неграмотности и вовсе доходил до рекордных 95% [Serianni, 1993: 293]. Классовое разделение являлось чрезвычайно сильным, и по причине неграмотности населения (в совокупности с отсутствием возможности получить образование) новая норма по-прежнему не входит в узус, её распространение несколько затрудняется [D'Onghia, 2018: 36].

Согласно Бруно Мильорини, в XIX веке «итальянский был преимущественно письменным языком, на котором за пределами центральной Италии практически не говорили» [Migliorini, 1994: 33]. Туллио де Мауро подкрепляет наблюдения Мильорини точными числами: «В годы национального объединения италофонов, далёких от того, чтобы представлять всю совокупность итальянских граждан, насчитывалось чуть более 600 тысяч, а народонаселение превосходило 25 миллионов человек. Таким образом, италофоны едва составляли 2,5% населения» [De Mauro, 1997: 43].

Данная точка зрения несколько дополнилась в более поздних работах: например, Микеле Лопоркаро соглашается с тем, что в традиционном итальянском обществе до объединения Италии подавляющее большинство являлось исключительно диалектофонами, однако отмечает, что наблюдалось строгое разграничение в сферах использования итальянского языка и диалекта [Loporcaro, 2009: 174]. Таким образом, даже те, кто владел литературным языком, не использовали его в ситуациях повседневной коммуникации.

Правительство нового государства принимает решение о введении специальных государственных мер, призванных несколько улучшить ситуацию и помочь распространению нормы. Так, насаждается обязательное школьное образование, но не на диалекте, а на общеитальянском языке – во Флоренции специально готовили учителей, которых впоследствии отправляли преподавать по всей стране. Служба в армии могла проходить только в отдалённых от родного городах, дабы при общении сделать необходимым использование некоего языка-посредника, роль которого должен был выполнять кодифицированный

итальянский. И, конечно, в большей степени распространению новой нормы способствовало появление радио и телевидения [De Mauro, 1991: 316].

Этот общепитальянский литературный язык получил название *italiano standard*. Термин употребляют для обозначения кодифицированной, наддиалектной, обработанной формы языка, уместной не только в устной, но и в письменной речи и используемой в неформальном общении представителями образованных классов населения [Ammon, 1986: 12].

Важным этапом стало появление новых словарей и грамматик, благодаря которым и происходила кодификация *italiano standard*. Примечательно, что автор одного из самых известных пособий «*Grammatica italiana dell'uso moderno e Sintassi italiana dell'uso moderno*» (1881) Раффаэлло Форначари по-прежнему опирался на примеры из шедевров Данте, Петрарки и Боккаччо, но также обращался и к языку писателей XIX века – Алессандро Мандзони, Джузеппе Джусти, Никколо Томмазо.

Кроме того, в 1863 году выходит Словарь Академиков делла Круска, в котором, как пишет Б. Мильорини, «учитывался живой тосканский узус» [Migliorini, 1963: 858]. Также к началу XX века начинают публиковаться словари специальной лексики, среди которых можно выделить «Словарь сельского хозяйства» (*Vocabolario di agricoltura*, 1892) Каневацци и Маркони, «Словарь исторического и административного итальянского языка» (*Dizionario del linguaggio italiano storico ed amministrativo*, 1881) Джулио Редзаско, «Военный и морской словарь» (*Vocabolario marino e militare*, 1889) отца Гульельмоти [Migliorini, 860], что свидетельствует о распространении общепитальянского языка в самых разных сферах деятельности.

1.3. Новый стандарт итальянского языка

Как можно понять из предыдущего параграфа, стандартизированный подобным образом язык обладает определенным уровнем искусственности. Его формирование всегда является социальным и культурным процессом, в котором действуют совместно несколько движущих сил [Ammon, 2003: 3-4]: носители языка, создающие образцовые тексты, которые впоследствии принимаются в качестве основы нормы (для итальянского языка это, конечно, Данте, Петрарка и Боккаччо); регулятивные институты, которые вносят в принятую языковую модель коррективы (как, например, Академия делла Круска); справочные описательно-нормативные руководства: языковые трактаты, словари, грамматики (например, многочисленные словари и грамматики, анализирующие лексику и синтаксис «Декамерона» или многократно переиздававшийся словарь Академии делла Круска); специалисты-языковеды, оценивающие значимость тех или иных литературных произведений для нормирования языка, а также языковую ситуацию в целом. К последним можно отнести и Данте, и Мандзони, и представителей Академии делла Круска в различные периоды её истории, и всех тех лингвистов и историков языка, работы которых послужили теоретической базой данного диссертационного исследования – Альберто Миони, Франческо Сабатини, Бруно Мильорини, Гаэтано Берруто, Паоло Д’Акилле, Джузеппе Антонелли, Луку Д’Онгия и многих других. Все они описывают итальянский язык на современной стадии развития, поскольку та его форма, на которой говорят образованные итальянцы сейчас, отличается от *italiano standard*.

Если обратиться к параметрам языковой вариативности, о которых шла речь в пункте 1.1.5, *italiano standard* смещён «в сторону письменной речи, высоких/формальных стилистических регистров и языка привилегированных слоёв общества» [Жолудева, 2020: 501]. В отличие от *italiano standard*, итальянский язык на текущем этапе, обладая всеми характеристиками стандарта, допускает гораздо бóльшую степень вариативности, поэтому находится ровно в центре схемы, равноудалённо от крайних полюсов.

Причём единообразие в терминологии для обозначения современного итальянского разговорного языка отсутствует. Альберто Миони называет его «italiano tendenzionale» [Mioni, 1983: 496], Франческо Сабатини – «italiano dell'uso medio» [Sabatini, 1985: 172-173], Джузеппе Антонелли – «italiano giornaliero» [Antonelli, 2007: 19]. Наиболее употребителен термин, предложенный Гаэтано Берруто – «italiano neostandard» [Berruto, 2017: 31-32]. Помимо более широкой вариативности, другое принципиальное отличие от italiano standard заключается в том, что neostandard допускает регионально маркированные черты. Более того, диалекты становятся основным источником его пополнения.

К появлению italiano neostandard и этому новому витку в развитии итальянского языка привела вся его история: принятые после объединения Италии правительственные меры по распространению и популяризации национального языка, с одной стороны, подействовали, но, с другой стороны, и искусственность предложенного в качестве нормы языка, и достаточно медленное повышение уровня образованности населения привели к тому, что italiano standard, начав использоваться в ситуациях повседневной коммуникации, подвергся сильному влиянию региональных вариантов. Прежде «неживой» и крайне рафинированный язык начал оживать и развиваться по своим правилам и законам, результатом чего стало появление в нём ряда синтаксических и морфологических инноваций. В области фонетики и вовсе норма начинает восприниматься очень широко, поэтому почти что стирается: исчезает необходимость в искоренении регионально маркированных черт, по произношению итальянца (даже если речь идёт о более формальном дискурсе, например, политических выступлениях) практически всегда можно определить, откуда он родом.

Как уже было отмечено выше, очень важно, что к характеристикам современного итальянского разговорного языка многие исследователи относят наличие ряда инновативных черт. Так, Лука Серианни утверждает, что «в разговорном языке произошло утверждение инновативных тенденций, что

привело к появлению разновидности *italiano medio*»⁵. Гаэтано Берруто допускает сосуществование в *italiano neostandard* как инновативных, так и используемых ранее характеристик, однако в целом соглашается с Серианни: «складывается впечатление, что *neostandard* укрепляет свои позиции на фоне судорожно меняющегося языка, в котором к давно и прочно устоявшимся традициям добавляются новые тенденции»⁶.

В настоящем исследовании с помощью обращения к языку прошлых эпох будет предпринята попытка выявления реального статуса выделяемых Г. Берруто, П. Д'Акилле, А. Миони, Ф. Сабатини, Л. Серианни и другими лингвистами черт современного итальянского разговорного языка, среди которых:

1). использование местоимений *lui, lei, loro* в синтаксической функции подлежащего вместо *egli/ella/esso/essa/essi*, которые начинают считаться маркерами высокого или чрезмерно официального стиля:

Lui è venuto a trovarmi [Orioles] / Он пришёл навестить меня.

Lei ma ha raggiunto al mare [Orioles] / Она догнала меня на море.

Loro ci invidiano [Orioles] / Они нам завидуют.

2). употребление *te* вместо *tu* в синтаксической функции подлежащего:

hai ragione te [Orioles] / ты прав.

3). появление нового значения у косвенного дополнения *gli*, которое способно заменять не только ударные формы третьего лица единственного числа мужского рода *a lui* и третьего лица множественного числа *a loro*, но и третьего лица единственного числа женского рода *a lei* (т.н. *gli unificato*);

4). упрощение трёхчастной системы указательных местоимений *questo/codesto/quello* до двухчастной (с потерей дейктического местоимения *codesto*);

5). замена указательного местоимения *ciò* на указательные местоимения *questo/quello* (особенно в контекстах вроде *tutto ciò*):

⁵ В оригинале: «nel parlato vi è stata l'affermazione di tendenze innovative, che hanno portato ad un nuovo "italiano medio"» [Serianni, 1986: 49]

⁶ В оригинале: «sembra comunque che il neostandard si stia consolidando sullo sfondo di una lingua in convulso movimento che al permanere di differenziazioni antiche ne aggiunge la formazione di nuove» [Berruto, 2014: 63].

Ti dico tutto quello che so [Sabatini, 1985: 46] / Я говорю тебе **всё**, что знаю.

6). распространение усечённых форм *'sto/'sta* вместо полных *questo/questa*, что проявляется даже в таких формах, как «*stamattina*» (сегодня утром), «*stasera*» (сегодня вечером) и т.д. [Sabatini, 1985: 30]

7). усиление указательных местоимений наречием *qui*:

È questo qui il vestito che vorresti? [Sabatini, 1985: 42] / **Это вот это вот** платье ты бы хотела?

8). замена союзов, требующих сослагательного наклонения, на союзы, употребляющиеся с индикативом (например, *sebbene/nonostante/malgrado/benché* на *anche se*) [Berruto, 2014: 63];

9). употребление Presente Indicativo в значении ближайшего будущего времени:

Vado in pensione fra due anni [Berruto, 2017: 41] / **Я уйду** на пенсию через два года.

10). появление у Futuro Semplice и Futuro Anteriore эпистемической модальности (оттенка значения сомнения/неуверенности):

Ora saranno le tre [Orioles] / **Должно быть**, сейчас три.

Avrà trovato un ingorgo, per questo non è ancora arrivato [Orioles] / **Должно быть**, он попал в пробку, поэтому ещё не приехал.

11). употребление Imperfetto Indicativo при вежливых просьбах (так называемый *l'imperfetto di cortesia*)

Volevo un chilo di mele [Berruto, 2017: 41] / **Я бы хотел(а)** килограмм яблок.

12). тенденция к замещению сослагательного наклонения изъявительным, особенно в условных периодах третьего типа:

Se me lo dicevi che venivi, ti aspettavo. [Sabatini, 1985: 80] / Если бы ты **сказал(а)** мне, что придёшь, я бы тебя **подождал(а)**.

13). активное употребление *ci* в роли местоименного актуализатора (*ci attualizzante*), а именно – десемантизация *ci*, потеря исходного локативного значения и использование преимущественно в составе прономинальных глаголов:

Noi non ci abbiamo la televisione [Orioles] / У нас нет телевизора.

14). многофункциональный союз *che* (*che polivalente*), способный заменять относительные местоимения и большинство существующих в итальянском языке союзов:

*La sera **che** ti ho incontrato.* [Sabatini, 1985: 71] / Вечер, **когда** я тебя встретил(а).

*Vieni qui, **che** te lo spiego...* [Sabatini, 1985: 72] / Иди сюда, **чтобы** я тебе объяснил(а).

15). плеонастическое употребление *ci* и *ne*, а также их использование в составе прономинальных глаголов:

*È una cosa di cui se **ne** discute ormai da quindici giorni* [Berruto, 2017: 46] / Это то, что обсуждают вот уже 15 дней.

*Questo non ci **c'entra** niente* [Berruto, 2017: 41] / Это тут не при чём.

16). эмфатическое употребление безударной и ударной форм датива одновременно типа *a me mi*:

***a me mi** piace di più la musica leggera* [Orioles] / **мне** больше всего нравится лёгкая музыка.

17). эмфатическая конструкция «вынос вправо» (*dislocazione a destra*):

*Non **lo** vedo quasi mai, **mio fratello**.* [Sabatini, 1985: 51] / Я **его** почти никогда не вижу, **своего брата**.

18). эмфатическая конструкция «вынос влево» (*dislocazione a sinistra*):

***Mio fratello**, non **lo** vedo quasi mai.* [Sabatini, 1985: 50] / **Мой брат**, я **его** почти никогда не вижу.

19). клефтинг, или же сегментированное предложение (*frase scissa*):

*È la **cioccolata bianca** che piace a Mario, non quella fondente.* [Sabatini, 1985: 53] / **Именно белый шоколад** нравится Марио, а не тёмный.

20). эмфатическая конструкция *c'è* с репрезентативным значением (*c'è presentativo*):

***C'è un gatto** che gioca* [Berruto, 2017: 41] / **Это кот**, который играет.

21). согласование по смыслу:

Gran parte degli studenti sono stati respinti all'esame. [Sabatini, 1985: 76] / **Большая часть студентов были завалены** на экзамене.

22). употребление конструкции «предлог+партитивный артикль»:

*L'esame era **su degli** argomenti che non conoscevo.* [Sabatini, 1985: 162] / Экзамен был **по тем** темам, которые я не знал(а).

23). частотная замена пассивной диатезы конструкциями с *si passivante* и *si impersonale*;

24). частотное использование, а также расширение ряда дискурсивных маркеров (особенно образованных от глаголов речи, например, *parlare* или *dire*) [Chalupinski, 2013: 119].

Выводы по главе I

Таким образом, подход каждого из лингвистов, внёсших свой вклад в развитие понятия «норма», был новаторским для своего времени. Обзор подходов помог всесторонне рассмотреть понятие «норма» и выделить аспекты, применимые к архитектуре итальянского на протяжении всей истории его развития.

Чрезвычайно значимым в связи с выбранным для исследования методом (социолингвистическим) представляется пункт 1.1.6, посвящённый параметрам языковой вариативности, а именно – диахронии (вариативности во времени), диатопии (территориальной вариативности), диафазии (функционально-лингвистическому варьированию), диастратии (классовой стратификации) и диамезии (вариативности по каналу коммуникации – устному или письменному). Эти параметры необходимы не только для описания состояния языка в определённый отрезок времени, но и для сравнения различных форм существования итальянского языка (например, формальный литературный язык, региональный вариант, диалект и т.д.), а также отслеживания изменения положения нормативного итальянского по различным осям с течением времени – так, становится очевидна большая степень вариативности, характерная для современного итальянского языка неформального общения, по сравнению с нормой, активно распространяемой после объединения Италии.

Кроме того, с опорой на итальянистов Жарко Мульячича и Томмазо Буэно рассматриваются этапы нормирования итальянского языка – от отбора вариантов до распространения и принятия нормы языковым сообществом, что помогает сопоставить исторические вехи развития языка со стадиями его кодификации, а также выделить проблемные для итальянского зоны на каждой из них. Наибольшие трудности представлял заключительный этап – усвоение нормы языковым коллективом. Пожалуй, можно было бы прийти к выводу, что он продолжается до сих пор, однако сейчас в итальянском языке наблюдается изменение характера нормы: из прескриптивной она наконец превращается в дескриптивную, поэтому у

носителей языка исчезает необходимость встраивать живую речь в систему правил многовековой давности.

Второй раздел главы посвящён этапам развития нормы литературного итальянского языка – от Треченто до XX века. В качестве точки отсчёта принимается Треченто, поскольку именно в это время жили и творили писатели, чьи произведения впоследствии стали основой нормы (для которой, применительно к итальянскому языку, всегда была характерна литературоцентричность). Особое внимание уделяется лингвистическому кризису XV века, спору о языке (*questione della lingua*), произошедшему веком позже, последующему разделению нормы и узуса в XVII-XVIII веках, а также возникновению *italiano standard* – общенационального литературного итальянского языка, получившего развитие после объединения Италии благодаря принятию целого ряда правительственных мер (например, введению обязательного образования на общеитальянском языке или же военной службе в отдаленных от родного регионах).

В третьем разделе рассматривается текущий этап развития итальянского языка, характеризующийся феноменом *italiano neostandard*. Этот термин был предложен Гаэтано Берруто для обозначения наддиалектного, полифункционального и обладающего социальным престижем языка, допускающего большую вариативность по сравнению с *italiano standard*. Прежде всего *italiano neostandard* описывает тот язык, на котором говорят образованные носители на современном этапе развития итальянского языка. Следует учитывать, что многие черты *italiano neostandard* характеризуются как «инновативные», но постепенно становятся нормативными.

Таким образом, в рамках данной работы понятию *italiano standard* будет синонимичен термин «норма итальянского языка», а понятию *italiano neostandard* — «новая норма итальянского языка».

ГЛАВА II. ИТАЛЬЯНСКИЙ КОМИЧЕСКИЙ ТЕАТР XVI ВЕКА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

2.1. Социолингвистические параметры исследования

Как можно понять из названия, социолингвистика является научной дисциплиной на стыке лингвистики и социологии (на самом деле наук, черты которых сочетает в себе социолингвистика, гораздо больше: к ним также относятся этнография, антропология, психология, история и некоторые другие). Для социолингвистики в фокусе внимания находятся процессы языкового варьирования, с одной стороны, и языковая неоднородность общества, с другой. В связи с чем в самом широком смысле социолингвистика исследует влияние социальных факторов (таких, как пол, этническая принадлежность, возраст, социальный класс и т.д.) на язык и в целом рассматривает его роль в жизни конкретного языкового коллектива, в частности, занимается проблемами диалектов, национального и литературного языка, многоязычия, диглоссии и т.д.

Одним из важнейших понятий в социолингвистике является понятие языковой ситуации, а именно – «совокупности форм существования одного языка или совокупности языков в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определённых географических регионов или административно-политических образований» [Виноградов, 1984]. Также для языковой ситуации релевантен временной компонент: по своей сути, языковая ситуация является характеристикой социально-коммуникативной системы в определенный период её функционирования [Крысин, 2021: 19]. Таким образом, чтобы представить языковую ситуацию во всей её полноте, требуется принимать во внимание не только её участников, но и общий фон коммуникации – исторические, политические, культурные процессы, а также территориальные особенности и региональные характеристики.

В социолингвистических исследованиях применяется как лингвистический, так и социологический инструментарий. К методам получения данных можно отнести статистические данные (например, переписи населения), наблюдение, интервьюирование, опросники и анкеты, эксперименты. Сопоставление речевых особенностей с социальными параметрами, а также различные компьютерные методы помогают при их обработке.

Исследователи, как правило, работают с выборкой определённых групп населения (учитывая возраст, пол, образование, место рождения и проживания и иные личные данные информантов) и интервьюируют их, оценивая реализацию определённых лингвистических переменных. Примечательно, что для достоверности анализа при эксперименте стремятся к созданию таких условий, в которых речь информантов будет либо намеренно ориентированной на престижный эталон, либо максимально приближенной к актам естественного неформального общения [Швейцер, 1977: 31].

Одним из основателей социолингвистики часто считают Уильяма Лабова, поскольку он первым сосредотачивается на количественном анализе вариативности и изменений внутри языков, тем самым превращая социолингвистику в научную дисциплину. В своей концепции Лабов исходит из того, что изменения в языковой системе невозможно понять, не принимая во внимание информацию о языковом сообществе, в котором используется идиом. И, следуя данному положению, исследователь-социолингвист сталкивается с тремя основными проблемами: проблемой переходного момента (а именно – в связи с чем и каким образом этапы языкового изменения сменяют друг друга), проблемой контекста (в первую очередь социального), а также проблемой оценки (как именно сами говорящие воспринимают те языковые феномены, которые выделяет исследователь) [Лабов, 1975: 201-202]. В решении перечисленных и многих других частных вопросов и состоит цель социолингвистического исследования.

За последние несколько десятилетий исследования в области истории языков значительно обновились не из-за того, что в лингвистике появились

принципиально новые методологии, но преимущественно потому, что систематическое и всестороннее применение прежних инструментов позволило выявить новые аспекты, подлежащие анализу и интерпретации.

Именно к таким прецедентам можно отнести историческую социалингвистику – междисциплинарную науку, существующую на стыке истории и социалингвистики. Первоначальной задачей последней было выявление форм и контекстов их употребления, которые с течением времени могут начать представлять собой зону вариативности в рамках конкретного языкового сообщества [Romaine, 1982: 113].

Однако постепенно сфера применения дисциплины расширилась за пределы изучения вариативности, охватив такие частные феномены, как многоязычие, языковые контакты, стандартизацию и отношение к ней носителей языка, поэтому более полное определение задачи социалингвистики будет заключаться скорее в реконструкции языка в его социокультурном контексте и разработке набора процедур, позволяющих это сделать.

Чем полнее удастся реконструировать социалингвистическую ситуацию, тем больше наблюдений о языке в реконструируемый период станет доступно, поскольку развитие социалингвистики подтвердило довольно очевидное, но, к сожалению, не всегда учитываемое некоторыми методами лингвистических исследований конца XX века, положение – эволюция языковых систем всегда происходит в систематической связи с социально-исторической ситуацией их носителей.

В связи с чем, одним из наиболее значимых достижений исторической лингвистики стал её вклад в обогащение диалога между настоящим и прошлым применительно к лингвистическим исследованиям. Данная дисциплина показала, что результаты исследований в синхронии могут привести к лучшему пониманию языковых процессов в диахронии и наоборот. Не подлежит сомнению, что принцип Лабова «использование настоящего для объяснения прошлого» [Labov, 2010: 21] имеет и обратную силу, поскольку, согласно принципу униформизма, социальное

влияние на грамматику и фонологию в настоящем аналогично его воздействию в прошлом [Labov, 1991: 274].

Параллельно с достижением эмпирической и исторической достоверности исторические социолингвистические исследования принимали во внимание социальные параметры, также нашедшие отражение в разные периоды развития языка. Учитывались такие переменные, как возраст, социальный статус, образование, место жительства и история миграций. Безусловно, они накладывают свой отпечаток на узус, и явно демонстрируют, что трансформационные процессы, происходящие в истории языков, будет не очень справедливо рассматривать исключительно как переходы из одного состояния в другое, поскольку они представляют собой сложные феномены, возникновение и распространение которых непосредственно зависит от всех упомянутых выше факторов.

2.1.1. Соотношение устной и письменной речи в неформальной коммуникации

Одним из наиболее интересных социолингвистических феноменов современного итальянского языка являются изменившиеся отношения между устной и письменной формами языка. Итальянская исследовательница Эмилия Каларезу предлагает выделить три исторические фазы в этом процессе применительно к итальянскому языку (последняя из которых актуальна и на данный момент) [Calaresu, 2005: 71].

С момента появления итальянского языка до объединения Италии длилась первая фаза, характеризующаяся тем, что итальянский язык существовал преимущественно в письменной форме, доступной лишь очень образованному меньшинству.

Вторая фаза началась в конце XIX века и завершилась приблизительно к середине XX века. Именно в этот период итальянский язык, наконец, начал использоваться в устной форме не только вместе, но и вместо многочисленных диалектов.

Характерной чертой третьей фазы, начавшейся во второй половине XX века и продолжающейся по сей день, является всё возрастающее давление устной формы языка на письменную и приоритетное значение именно разговорного узуса [Calaresu, 2005: 74].

Колоссальное значение для этого имело развитие средств массовой информации: посредством теле- и радиовещания транслируется устная, а не письменная речь, что приводит к расширению её влияния на те области, из которых ранее она была исключена: прежде всего, сферу естественной спонтанной коммуникации, где основное внимание уделяется повседневным темам в силу того, что данные средства коммуникации отвечают не только информативным, но и развлекательным целям.

Использование более естественного и менее книжного языка, приближенного к языку повседневного пользования, безусловно, стало прогрессом. На первый взгляд может показаться, будто рост грамотности населения должен был привести к приоритетности письменной формы языка, однако произошло совершенно противоположное: уменьшение разрыва между устной и письменной формами позволяет создавать образцы письма, доступные среднестатистическому читателю.

Причем если в течение первой и второй фаз, вплоть до середины XX века, можно было говорить о том, что письменные тексты являются источником нормы по причине её прескриптивного характера (имитация спонтанной разговорной речи в комедиях XVI века служила лишь стилистическому разнообразию и помогала подчеркнуть социальную пропасть между представителями разных классов населения, так как в речи образованных людей практически отсутствовали какие-либо диалектальные черты), сейчас происходит обратная ситуация: письменная речь нередко берёт за образец устные формы, подражая тенденциям, характерным для разговорного узуса, таким образом, если следовать терминологии Каларезу, словно «притворяется» устной.

Важно, что при оценке большей или меньшей близости письменных текстов к разговорному языку, получаются очень разные результаты в зависимости от того,

как рассматривается речь: технически, только лишь как сумма формальных морфосинтаксических и лексических признаков, совпадающих с *italiano neostandard*, или же с дискурсивной точки зрения – как особая текстовая конструкция, обладающая рядом связывающих её последовательных элементов, выполняющую коммуникативную функцию. В этом тезисе – как именно рассматривать речь – заключается основная идея Каларезу, и для исследовательницы становится более значимым второй аспект.

Тексты, авторы которых стремились приблизить их к разговорному узусу, активно употребляли сигналы отсутствия временной соотнесённости в передаче информации, эллипсы и опущения, анафорические цепочки, характеризующиеся скудным лексическим разнообразием и многочисленными повторами, использование дискурсивных маркеров и всех тех сигналов, которые привязывают действие к дейксису, многочисленные эмфатические конструкции (в первую очередь, вынос вправо). К основным характеристикам текстов, имитирующих устную речь, можно также отнести очень простой синтаксис, а также использование лексики среднего или низкого регистра. Как правило, отсутствует гипотаксис (сложные предложения).

Причем существует риск, что тексты, составленные по всем правилам подражания разговорной речи, будут совершенно непонятны читателю, поэтому чаще всего употребляются отдельные конструкции, близкие разговорной речи, но в целом не выходящие за рамки, в которых всегда существовал письменный язык.

Кроме того, по мнению Каларезу, в тексте, стилизованном под незапланированную коммуникацию, всегда можно обнаружить черты, выдающие его письменную природу и присущие исключительно письменной форме [Calaresu, 2005: 69]. Особого внимания в этой связи заслуживает так называемая мнемотическая способность письма: например, маловероятно, что подлинная незапланированная речь может включать в себя обширные пронумерованные списки и перечисления – как правило, говорящий едва ли выходит за пределы двух-трёх пунктов, далее же заканчивает перечисление или же отвлекается или же

повторяется и путается в собственных показаниях. И, конечно, перечисление будет изобиловать словами-связками (или же дискурсивными маркерами), обеспечивающими логическую связь и последовательность.

Каларезу приходит к выводу, что тексты, стилизованные под спонтанную устную коммуникацию, действительно содержат в себе множество черт *italiano neostandard* и *italiano dell'uso medio*, однако это не означает, будто всякий, говорящий на неостандарте, стремится подражать разговорному языку [Calaresu, 2005: 89].

2.1.2. Социолингвистическая ситуация в Италии XVI века

По мнению У. Лабова, «нельзя вначале произвести анализ структурных соотношений внутри языковой системы, а потом обратиться к внешним факторам» [Лабов, 1975: 288], поэтому перед тем, как приступить непосредственно к исследованию, необходимо проанализировать социолингвистическую ситуацию, сложившуюся в Италии к XVI веку.

Итальянские войны, появление и развитие книгопечатания, а также повышение престижа вольгаре (в частности, гуманисты решили отказаться от проекта воскрешения и внедрения классической латыни в современные реалии, вместо этого сосредоточив усилия на работе над совершенствованием народного языка) послужили историческими предпосылками для утверждения одного из диалектов Италии в качестве общего для всех регионов средства коммуникации [Maiden, 1995: 25].

Кроме того, меняется самовосприятие граждан будущего итальянского государства: возрастающая национальная идентичность жителей близлежащих европейских государств (в частности, Испании и Франции) позволяет прийти к выводу, что и у жителей Италии есть нечто общее, отличающее их от остальных (даже соседних) национальностей и народностей [Чельшева, 1996: 132]. В силу отсутствия политической и географической общности этим связующим компонентом невозможно считать единое государство или же общее

коммуникативное пространство (диалекты продолжали активно использоваться в ситуациях повседневной коммуникации и были крайне далеки друг от друга структурно). Но была литературная традиция на одном из диалектов Италии, получившая признание на территории всего Апеннинского полуострова. Конечно, только лишь литература не могла сплотить жителей очень разрозненных итальянских регионов, однако она послужила их первой точкой соприкосновения и поворотным моментом для изменения самовосприятия. Так, произошедший сдвиг иллюстрируется оппозицией «nazione» и «forestieri» при описании себя и своих соотечественников с одной стороны и представителей других народностей с другой. Хотя, конечно, гораздо чаще продолжают употребляться этнонимы, указывающие в первую очередь на региональную принадлежность.

Говоря об историческом фоне шестнадцатого столетия, нельзя не упомянуть и Тридентский собор, действовавший с 1545 по 1563 годы, местом проведения которого стала Северная Италия. Целью созыва Тридентского собора был ответ движению Реформации и попытка восстановить авторитет церкви, искоренив злоупотребления в курии (по мысли А.А. Аникста, «основная задача католической идеологии, провозглашённая Тридентским собором, состояла в том, чтобы объединить всё общество под эгидой церкви» [Аникст, 1967: 151]). В конечном итоге власть Папы возросла, но едва ли для Италии это имело фатально негативные последствия, скорее наоборот – у раздробленной и децентрализованной территории появился некий третейский судья во внешних и внутренних конфликтах, а также представитель и защитник итальянских внешнеполитических интересов [Sarpi, 1974: 3].

Другой принципиальный аспект связан с папским двором, который регулярно посещали образованные люди из различных итальянских регионов (а также из-за границы). Многих из них волновала судьба итальянского языка и проблема нормирования, что также сыграло немаловажную роль в истории его становления и развития нормы.

В силу перечисленных исторических процессов, территории, впоследствии вошедшие в состав Италии, в XVI веке очень отличались друг от друга не только политическим и административным устройством, но и с точки зрения социолингвистической ситуации — язык, способный стать катализатором роста национального самосознания, по-прежнему не был выбран, и даже моделей сосуществования латыни, вольгаре и диалектов было несколько.

В Тоскане ситуация была диглоссийной: латынь по-прежнему существовала, но постепенно вытеснялась флорентийским вольгаре, ставшим основой литературного языка и употреблявшимся даже в административной функции [Lubello, 2014: 238-239]. Причём из всех диалектов Тосканы флорентийский и сиенский и по сей день остаются наиболее близкими к литературному итальянскому языку как фонетически, так и грамматически.

На Севере Италии участников социолингвистической ситуации было больше. Начали активно употреблялись так называемые «канцелярские койне» [Trifone, 1994: 427], которые ориентировались одновременно и на латынь, и на тосканские образцы, всё более и более теряя характеристики северных диалектов. Особое место среди северных регионов занимал Пьемонт, где для деловой коммуникации по-прежнему использовалась латынь, а при дворе говорили преимущественно на французском. Распространению итальянского поспособствовали указы герцога Эммануэла Филиберта Савойского, закреплявшие за итальянским статус языка судопроизводства [Fernández González, 2012: 33].

На юге Италии социолингвистическая ситуация была ещё более сложной и многокомпонентной. В Неаполитанском королевстве в качестве нормированного языка, пригодного для делового общения употреблялась, конечно, латынь, а также каталанский [Venetz, 2013: 179], затем сменившийся кастильским [Gruber, 2013: 285]. На Сицилии и вовсе сложилась ситуация трилингвизма: помимо латыни и сицилийского диалекта, нередко используется итальянский литературный язык, сложившийся на основе флорентийского наречия, однако в нём всегда явно проступают черты, выдающие сицилийское происхождение носителя [Soares da

Silva, 2013: 92]. На Сардинии в официальных документах было принято употреблять местный диалект [Челышева, 1998: 10], но в текстах различных жанров можно встретить латынь, сардинский, каталанский, испанский и собственно итальянский [Cadeddu, 2013: 16].

Таким образом, едва ли можно говорить о социолингвистической ситуации в Италии XVI века, скорее о социолингвистических ситуациях в разных регионах. В самом обобщённом виде можно утверждать следующее – на начало XVI века латынь по-прежнему выполняет функции официального языка образования, юридических документов, церкви (причём любопытно, что в проповедях латынь нередко используется наряду с диалектом [Telve, 2014: 37], видимо, чтобы облегчить понимание для малообразованных прихожан), в ситуациях повседневного общения повсеместно используются местные вольгаре.

На протяжении XVI века литературный итальянский язык (хотя насчёт его номинации тоже были разногласия, участниками спора о языке предлагались и другие варианты названия, помимо *italiano: volgare, fiorentino, toscana, lingua comune, lingua cortigiana* и т.д.) постепенно и довольно успешно вытеснял латынь из сферы деловой коммуникации, однако это привело к усложнению итальянской социолингвистической ситуации и появлению ещё одного участника – регионально маркированной формы литературного языка (применительно к современности такая разновидность называется «*italiano regionale*»). То есть даже в том случае, если образованные люди, как им казалось, владели нормой и общались на литературном итальянском языке, фактически эта норма отражала особенности их родных диалектов и была подвержена региональному влиянию. В связи с этим флорентинец Бенедетто Варки был убежден в невозможности овладеть литературным языком для выходцев из каких-либо регионов, кроме непосредственно Тосканы [Varchi, 1804: 99], – слишком сильным на тот момент было влияние диалекта.

Вплоть до настоящего времени сохраняется связь между социальным статусом итальянца и степенью региональной маркированности его речи: чем ниже

социальный статус, тем более насыщенной диалектными чертами будет речь её носителя, и наоборот. Этому есть объяснение: население будущей Италии довольно продолжительный период существовало в ситуации двуязычия (диглоссии, или, как писал Гаэтано Берруто применительно к итальянской социалингвистической ситуации, «дилалии» [Berruto, 2014: 76]), когда литературный язык усваивался диалектофонами как иностранный, изучение которого и овладение которым требует целенаправленных усилий.

А если учесть, что далеко не у всех имелась возможность получать образование и изучать язык систематически, тщательно отработывая грамматические правила и последовательно расширяя словарный запас, и усвоение нормы носило в основном стихийный и случайный характер (в лучшем случае переходя в разряд пассивных знаний), социалингвистическая ситуация в Италии XVI века представляется ещё более сложной и запутанной, а реконструкция разговорного итальянского языка неформального общения того периода кажется почти что невозможной.

2.1.3. Социалингвистическая ситуация в современной Италии

Социалингвистическая ситуация в Италии в XXI веке по-прежнему отличается сложностью и неоднозначностью. Наиболее полно участников языковой ситуации современной Италии описали лингвисты М. Дардано и П. Трифоне [Dardano, Trifone, 1996: 46], выделив:

1. *Italiano comune/standard* (общий/стандартный итальянский язык, т.е. кодифицированную норму);
2. *Italiano regionale* (региональный итальянский язык, т.е. кодифицированную норму, испытавшую на себе влияние региональных вариантов);
3. *Dialecto regionale* (региональный диалект, т.е. вариант итальянского языка, на котором говорят в том или ином регионе; характерен для представителей малообразованных слоёв населения, не получивших достойного

образования, поэтому региональный диалект оказывается ближе к диалекту, чем к норме);

4. *Dialetto* (диалект; зачастую итальянцы владеют только диалектом своего собственного региона, остальные же обладают настолько явными структурными и лексическими различиями, что оказываются недоступны для понимания).

Если не принимать во внимание диатопическую вариативность, регистров стандартного итальянского языка оказывается ещё больше. Исследователями предлагается следующая градация от более формальных к менее формальным [Dardano, Trifone, 1996: 62]:

1. *Aulico* (торжественный, или высокий);
2. *Colto* (образованный);
3. *Formale* (формальный);
4. *Medio* (средний);
5. *Colloquiale* (разговорный);
6. *Informale* (неформальный);
7. *Popolare* (народный);
8. *Familiare* (семейный).

Кроме того, в формальном и неформальном регистрах выделяется также бюрократический узус (*sottocodice burocratico*).

Г. Берруто, несомненно признавая достоинства подобного деления и классификации, в своём труде «Sociolinguistica dell'italiano contemporaneo» («Социолингвистика современного итальянского языка») сосредотачивает внимание не на диалектальных особенностях, а на социальных и ситуативных различиях. В связи с чем исследователь выделяет «italiano standard letterario» и «italiano neostandard».

В первом случае речь идёт о литературном нормированном языке, не имеющем региональных или социальных особенностей. Такую разновидность будет правильнее толковать не как «язык художественной литературы», но скорее

как «язык литературного уровня», она описана в грамматиках, но употребляется довольно ограниченным кругом лиц в ситуациях формальной коммуникации [Семенюк, 1996: 25].

Italiano neostandard является новой нормой итальянского языка: он объединяет характеристики, единые для речи образованных людей всех областей Италии [Титкова, 2007: 108], а также служит «посредником» между высокими и низкими речевыми регистрами, вбирая в себя черты и тех, и других. Стратификация регистров, выделяемая Берруто, похожа на классификацию Дардано и Трифоне, но является более подробной [Berruto, 2003: 23]. К высоким регистрам Берруто относит:

Italiano formale aulico (разновидность, используемая в торжественных речах);

Italiano tecnico scientifico (научно-техническая разновидность);

Italiano burocratico (итальянский бюрократический язык, известный трудностями для понимания по причине слишком строгой формализации).

Среди более низких регистров социолингвист выделяет:

Italiano parlato colloquiale (разговорный итальянский язык, используемый в повседневной коммуникации всеми членами языкового коллектива);

Italiano popolare regionale (аналогичная предыдущей разновидности, однако с более ярко выраженными региональными чертами);

Italiano informale trascurato (дословно «неформальный и небрежный итальянский», а именно – просторечный вариант языка, со свойственными ему мелкими ошибками и оговорками и отсутствием жёсткого контроля за соблюдением правил со стороны говорящего);

Italiano gergale (жаргон, характерный для определённой группы людей, выделяемой по возрастному, профессиональному или какому-либо иному признаку).

Таким образом, на данный момент исследователями выделяется различное – порой весьма значительное – количество участников языковой ситуации; даже применительно к XVI веку их насчитывалось меньше. Каждый из перечисленных

регистров предполагает собственный набор языковых средств, адекватных коммуникативной ситуации и её участникам. Необходимо различать языковые регистры для выбора наиболее подходящего для коммуникативного акта средства выражения и передачи речевого сообщения, в противном случае отдельные феномены, используемые в далёком от своего регистре, могут расцениваться как неуместные.

Стоит ещё раз отдельно отметить, что в нашем исследовании речь идёт о тенденциях, характерных для итальянского языка неформального общения, а именно «italiano colloquiale», или «italiano informale», если использовать терминологию М. Дардано и П. Трифоне, или же «italiano neostandard», следуя термину, предложенному Г. Берруто (в работе чаще используется последний, поскольку учитываются в первую очередь ситуативные и социальные особенности, а не диалектальные, ставшие основой типологии Дардано и Трифоне). Именно характерные для этих разновидностей языка явления, употребляемые в текстах «учёных комедий» XVI века, и составляют предмет исследования.

2.2. Развитие комического театра⁷

Как писал литературовед М.Л. Андреев, «итальянская комедия XVI века оставляет впечатление разнообразия, почти феерического, и монотонности, почти удручающей. Оба впечатления верны... Разнообразие ренессансной комедии заложено в её стиле и её слове – это тот уровень, где она позволяет себе быть вполне свободной и вполне индивидуальной» [Андреев, Хлодовский, 1988: 176]. Поэтому нередко для того, чтобы проиллюстрировать произошедшие в языковой ситуации Италии XVI века перемены, обращаются именно к жанру комедии.

Постепенный отказ от идеи относительно равного положения всех итальянских вольгаре, выдвижение флорентийского диалекта в качестве общенационального языка и появление иерархии, в которой литературный язык занимает несравнимо более высокое положение по сравнению с диалектами, совпадает с периодом расцвета комического театра, а также находит отражение в ренессансной драматургии: использование диалектов становится ярким средством речевой характеристики персонажей [Trifone, 1994: 105-110; Migliorini, 1963: 337-338].

Итальянский философ и историк Бенедетто Кроче предложил специальный термин для осознанного употребления диалектных черт в комедиях – «*dialettalità riflessa*», противопоставив это явление «спонтанной диалектной литературе» («*letteratura dialettale spontanea*»), то есть произведениям на диалекте более ранних периодов, когда литературным языком выступала латынь, а итальянский ещё не имел кодифицированной формы [Croce, 1951: 355; Tavoni, 1992: 141]. Использование диалекта отсылало к современному разговорному языку – неслучайно Никколо Макиавелли был убеждён, что языком «трёх венцов» можно писать документы, но для искусства (прежде всего комедийного, ведь в комедиях особенно важна естественность) он не подходит: «коль скоро все лица представлены в смешном виде, то и употребляемые ими слова и выражения

⁷ Часть материалов данного параграфа была использована при подготовке статьи *Кутеко Д.А.* Итальянская «учёная комедия» в социокультурном и лингвистическом контексте XVI века // *Litera*. 2023. №8. С. 1-16.

должны вызывать смех, для чего должны быть взяты все до единого, без примеси, из родного местного наречия, и тотчас узнаваемы» [Machiavelli, 1976: 22-23]. Фальшь на языковом уровне губит всю идею комедии, и она становится непонятной зрителю. Поэтому нередко авторы прибегали к вкраплениям диалекта в тех жанрах, где было с идейной точки зрения важно использование естественной разговорной речи.

Но важно понимать, что комедиографы Чинквеченто не писали на диалекте во имя «его защиты и прославления», а благодаря диалектным вкраплениям лишь сохраняли вариативность в диамезии, диастратии и диатопии и решали проблему адекватной стилистической передачи разговорной речи персонажей.

В XVI веке процесс кодификации и унификации языка приводит к тому, что многие диалекты Тосканы постепенно утрачивают свои индивидуальные черты и своеобразие, становясь всё более и более похожими на флорентийский [Castellani, 2000: 253]. Так, по мнению П. Трифоне, сиенские комедиографы XVI века пользовались «усреднённым тосканским диалектом с отдельными сиенскими вкраплениями, по большей части никак не маркированными в качестве просторечных» [Trifone, 1994: 110]. Причём это выравнивание тосканских диалектов по флорентийскому образцу никак не регламентировалось государством, не ограничивалось исключительно письменной сферой употребления и не насаждалось извне принудительно, представляя собой феномен естественного языкового развития. Вероятно, эту модель можно представить в качестве альтернативной в формировании нормы итальянского языка (несмотря на то, что вольгаре Флоренции XV-XVI веков впоследствии получило название флорентийского диалекта «серебряного века» (*fiorentino argenteo*), в отличие от того наречия, на котором писали авторы XIV века – *fiorentino aureo* [Castellani, 1970: 4]).

Традиции итальянского ренессансного театра связаны прежде всего с опытом античной драматургии, поэтому и сюжеты, и жанры во многом совпадают с работами античных драматургов. Так, можно выделить три основных жанра:

комедия (берёт своё начало ещё от Аристофана), героическая драма (схожа с античной трагедией) и, конечно, религиозная драма о бытии святых, поскольку в XVI веке религиозная мысль по-прежнему оставалась преобладающей и пронизывала все сферы жизни: в частности, даже Лоренцо Медичи, обращаясь к театральным жанрам, пишет «Священное представление о святых Иоанне и Павле».

Однако, как отмечают Г.Н. Бояджиев и А.К. Дживелегов, «театр и прежде всего драматургический текст нужно было создавать заново. Этим гуманисты и занялись: их усилия постепенно привели к созданию той формы, которая получила название учёного театра, *la commedia erudita*» [Бояджиев, Дживелегов, 1941: 301]. Аналогичного мнения придерживается и Б.И. Пуришев, утверждая, что «эпоха Возрождения нуждалась в своём театре. Обращение к древнеримской драматургии позволило найти новые художественные формы, соответствующие новому ренессансному содержанию» [Пуришев, 1996: 211].

Наибольшая трансформация произошла именно в комическом театре. Всем известно о комедии масок (*commedia dell'arte*), «учёные комедии» (*commedia erudita*) менее известны. К их возникновению привело обращение авторов к античности, особенно к пьесам Плавта и Теренция. Название возникло из-за того, что латинские источники были доступны только «учёным» авторам и читателям, обладающим достаточным уровнем образования. В связи с этим такие комедии обычно показывали светской публике, при дворе, но не на площадях. Важно, что благодаря своей «учёности» комедиографы прекрасно владели как диалектом, так и итальянским языком, поэтому использование той или иной формы в устах различных героев – не случайный, а сознательный выбор автора с целью создания речевой характеристики персонажа, поэтому язык комедий изобилует чертами, свойственными представителям и высших, и низших слоёв населения.

Конфликтом в «учёных комедиях» чаще всего был любовный конфликт: например, юноша боролся за возможность быть с любимой, как правило, зорко охраняемой опекунами или оберегаемой родителями. Главным помощником и

пособником в этой борьбе становился верный слуга. Слугам в целом отводилась достаточно важная функция: во время действия они практически не уходили со сцены и были самыми колоритными персонажами, выразителями динамики быта, исполняющими трюки и проделки [Дживелегов, 1954: 56].

Разновидностью «учёных комедий» была комедия интриги, в которой присутствовали мотивы переодевания девушки в юношу и наоборот, что позднее мы увидим у Шекспира в комедии «12 ночь». Несмотря на то, что интрига была сложной, она повторялась из пьесы в пьесу: подмененные дети, разлученные брат с сестрой, любовные неудачи стариков и плутоватые слуги были отличительными чертами таких комедий. Частотными являлись обращения к телесному низу и низменным желаниям людей (по этой причине сквозным мотивом и предметом осмеяния и порицания становится супружеская измена).

Другим источником вдохновения «учёной комедии», помимо античности, стала новелла: этот жанр привнёс близость к реальной жизни, использование живой разговорной речи, а также помог найти свой собственный, особый, путь развития. Но несмотря на то, что авторы XVI века стремились максимально приблизить конфликт к современным им реалиям и поднять в комедиях злободневную проблематику, персонажи были скорее лишены индивидуальности и представляли собой лишь типы, придуманные авторами ещё древнеримских комедий. Разве что к традиционным образам иногда добавлялись новые, «списанные с натуры», – например, куртизанка или доктор-педант. Обращение к современности было неслучайным, ведь «драма, созданная в прошлые века, никогда не воссияет на современной сцене, если она не насытится воздухом наших дней» [Бояджиев, 1968: 126].

Кроме того, комедиографы XVI века придумали и совершенно нового персонажа, задача которого заключалась в выступлении с прологом в самом начале пьесы. Как писал театровед Г.Н. Бояджиев, «старинным итальянским авторам и актёрам пролог нужен был не только для того, чтобы прославить мецената или восхвалить публику, но и для многих других целей: вкратце изложить сюжет пьесы,

указать на место её действия, призвать публику к весёлому настроению. <...> Пролог в чём-то становился манифестом театрального искусства нового времени» [Бояджиев, 1981: 38].

Новшества были в самом подходе к театру. Вплоть до XV-XVI века профессионального театра в Италии не существовало, разве что в Венеции было несколько любительских театральных содружеств. В них принимали участие как ремесленники, так и интеллектуалы. Из таких содружеств и родились группы полупрофессионалов, деятельность которых подготовила почву для появления комедии дель арте – театра импровизационной комедии с постоянным набором масок.

Более основательное отношение к театру проявляется и в технических аспектах: так, именно в XVI веке появился занавес, отвлекающий актёров от зрителей в течение антракта и помогающий не выйти из роли за небольшой перерыв. Впрочем, действие не прекращалось и во время антракта – популярны были мифологические или античные интермедии. В них уже отсутствовали отсылки к современности и ценилась прежде всего максимальная ориентация на прошлое [Дживелегов, 1954: 89].

Несмотря ни на что, перечисленные выше черты и проблемные области не помешали итальянским комедиям получить широкое распространение во всей Европе и популярность на долгие годы. Именно Ренессанс (в частности, и благодаря театру) стал следующим для итальянцев шагом к поиску национальной идентичности.

2.2.1. Комический театр в центральных регионах Италии

Безусловно, в центральных регионах Италии театр был развит лучше всего. Благодаря «трём венцам» Тоскана стала центром культурного и литературного притяжения и оставалась им на протяжении многих веков. Немаловажным фактором был и престиж тосканского наречия, на которое равнялись все остальные регионы Италии. Вероятно, по этим причинам число сохранившихся и дошедших

до наших времён комедий итальянских авторов центральных регионов значительно выше по сравнению с северными и южными. Кроме того, именно в центре создавались и развивались творческие объединения и театральные труппы.

В начале XVI века в Сиене существовало два крупных творческих объединения, куда входили авторы сценических постановок. Группировки представляли собой не перескакивающие ни в жанровом, ни в тематическом отношении направления.

«Сообщество неотёсанных» (*Congrega de' Rozzi*) появилось в 1531 году и сплотило сиенских драматургов-любителей, принадлежащих к среде ремесленников. Главным образом в их комедиях был крестьянин, который изображался то как «козел отпущения», то как жертва социального порядка [Alonge 1967: 71]. В том, что касается жанровых особенностей, творчество «Сообщества неотёсанных» являлось синтезом пасторальной идиллии и грубого фарса. Произведения служили цели осветить проблему смуты и неустройства, поразивших Сиену того времени [Андреев, Хлодовский, 1988: 104]. В силу художественной специфики самого жанра и своего социального происхождения, авторы использовали преимущественно довольно низкий язык.

«Академия Оглушённых» (итал. – *Accademia degli Intronati*) была основана в 1525 году «шестью благородными сиенцами». Название академии было выбрано иронично, оно должно было подчеркнуть желание литераторов отстраниться от «шумов» мира, которые их «оглушали». Инструментом такого «отстранения» служили скорее лёгкие комедийные сюжеты произведений авторов, призванные развлечь публику, а не языковые средства: язык, напротив, был максимально приближен к народному с целью создания наибольшего комического эффекта, что позволяет проследить тенденции разговорной речи XVI века [Contini, 1970: 356].

Театральным дебютом «Оглушённых» стала комедия «*Gl'ingannati*» («Обманутые»), изданная в 1531 году анонимно: возможно, за анонимностью кроется не один автор, а целый творческий коллектив [Андреев, Хлодовский, 1988: 250]. Это комедия положений, продолжающая традиции Плавта: герои

замысловатой интриги – близнецы, благодаря чему обыгрывается эффект двойничества и используется приём переодевания. Комедия имела большой успех, было выпущено несколько её изданий. Следует отметить, что сюжет очень схож с появившейся позднее «Двенадцатой ночью» Уильяма Шекспира.

Въезд в Сиену императора Священной Римской империи Карла V в 1536 году «Академия Оглушённых» отметила постановкой комедии **Алессандро Пикколомини** «L'amor costante» («Постоянство в любви»). Комедия была издана в 1540 году и переиздавалась вплоть до 1611 года [Sanesi, 1912: 391]. Это происходило не только и не столько потому, что Пикколомини (“Signor Stordito”, то есть “Господин Оглушённый”, как именовал себя сам автор и другие литераторы) был одним из основателей Академии, но по причине большой популярности постановки.

Несмотря на то, что Академия то временно приостанавливала по причине непростой политической обстановки, то возобновляла свою активность, Пикколомини всё время был тесно связан с ней. Автор «Постоянства в любви» не только преуспел в литературном творчестве, но и занимался переводами, читал лекции, привлекал выдающихся людей своего времени к участию в жизни Академии. Важной заслугой Пикколомини была также его популяризаторская деятельность: он стремился создать компиляцию работ Аристотеля на народном языке — *volgare*. Таким образом, Алессандро Пикколомини прекрасно владел не только литературной формой итальянского, но, скорее, отдавал предпочтение живому разговорному языку, пригодному для ситуаций повседневной коммуникации, черты которого можно обнаружить в текстах его комедий. [Dizionario Biografico degli Italiani].

Как становится ясно уже из названия, в основе «L'amor costante» лежит романтический конфликт. В произведении обыгрывается эффект узнавания (вплоть до того, что брат не узнаёт сестру и влюбляется в нее), но комическое начало особенно ярко проявляется во второстепенных для фабулы персонажах: капитане-испанце, студенте из Германии, самовлюбленном неаполитанском

щеголе, паразите-нахлебнике и охваченной страстью служанке [Андреев, Хлодовский, 1988: 132].

Обилие языков и наречий в тексте комедии порождает герои, принадлежащие к разным культурам (например, капитан-испанец не только говорит по-испански, но и является носителем многочисленных стереотипов, приписываемых персонажам-чужестранцам [Vescaria, 1968: 294; 309]), тем самым отражая итальянскую социолингвистическую ситуацию той эпохи. Таким образом, многоязычие, во-первых, создаёт комический эффект (герои-иностранцы нередко допускают нелепые ошибки, вызывающие смех публики), а, во-вторых, служит средством приближения сюжета пьесы к современным реалиям, в которых сосуществуют в одном социуме носители различных языков и культур.

Флорентийские комедиографы также представляют собой достаточно многочисленную группу. К сожалению, не обо всех сохранились подробные сведения. Так, например, о **Корнелио Ланчи** известно лишь то, что большую часть жизни он прожил во Флоренции, являлся одним из четырёх сыновей знаменитого итальянского архитектора Бальдассаре Ланчи, а в 1575 году был награждён рыцарским титулом ордена Святого Стефана [Promis, 1874: 321]. Дошедшая до нас комедия Ланчи «Местола» («Mestola») была издана во Флоренции в 1583 году.

Писал комедии и член знаменитой семьи **Медичи Лоренцино** (1513-1548). Конечно, для историков и литературоведов Лоренцино известен в первую очередь убийством своего двоюродного брата Алессандро Медичи (за что в 1548 году Лоренцино будет казнён), а также работой «Апология», где получают развитие политические идеи Никколо Макиавелли и раскрываются интриги и тайны Италии той поры. Впрочем, и единственная пьеса Лоренцино «Аридозо» («Aridosia», 1535) заслуживает не меньшего внимания: она с большим успехом была поставлена во Флоренции – сначала в Spedale dei Tessitori, а затем в Палаццо Медичи [Pozzi, 1989: 304].

Знаменитый флорентиец, философ, политический деятель и автор военно-теоретических трудов **Никколо Макиавелли** (1469-1527) тоже писал комедии.

Комедия «Мандрагора» («La Mandragola», 1518) считается примером не только «учёной комедии», но и первым образцом комедии характеров — такой разновидности комедий, в которой источником комизма являются гиперболизированные пороки. Так, роль сводника охотно соглашается играть духовное лицо, а добропорядочного семьянина «награждают» рогами, подманив обещаниями избавиться от бездетности, а интригой комедии становится не заключение брака, а совершение адюльтера [Андреев, 2010: 433]. Значение и популярность «Мандрагоры» настолько высоки, что и в XXI веке комедию ставят на подмостках мировых сцен, а также по произведению было снято несколько фильмов.

Важно отметить, что Николо Макиавелли принимал активное участие в так называемом «споре о языке» и был убежден, что в вопросах языкового нормирования следует равняться на флорентийский диалект, поскольку территориальная база нормы превалирует над любой другой (подробнее об этом сказано в пункте 1.2.3. данной работы, посвящённом *Questione della lingua*). Интерес Макиавелли к лингвистическим аспектам литературного творчества и внимание к проблеме языкового нормирования делают его комедию особенно значимым материалом для анализа.

Ещё один флорентийский комедиограф — **Франческо Д'Амбра** (1499-1558). Как и для многих других авторов той эпохи, для Д'Амбра литература не была основным видом деятельности: он посвятил жизнь политике, а его семья занимала заметное место в истории флорентийской торговли. Кроме того, Д'Амбра был одним из участников (а по некоторым данным, даже одним из основателей) флорентийской академии Умиди. Подобно другим участникам, Д'Амбра был обязан выступать на конференциях и проводить лекции о наиболее значительных флорентийских поэтах. В частности, темой выступлений Д'Амбра были сонеты Петрарки [D'Onghia, 2014: 173].

Дебютом Франческо Д'Амбра как комедиографа стала комедия «Кража» («Il furto», 1544). Её успех способствовал росту авторитета Д'Амбра в академической

среде и получению новых должностей: советника, цензора, а затем и консула. Возможно, это произошло не без поддержки герцога Козимо I, которому Д'Амбра посвятил свою вторую комедию «Бернарди» («I Bernardi», 1547), где не скупился на хвалебные речи государю, «что прав и справедлив во всём». Вероятно, таким посвящением можно объяснить решение написать комедию в стихах, а не в прозе, в подражание античным авторам. Ориентация на латинскую традицию проявляется и в сюжете, который представляется довольно запутанным: достаточно сказать, что в финале комедии любовная интрига приведёт к четырем свадьбам. В прологе к комедии Д'Амбра отмечает её новизну и непохожесть на работы Плавта и Теренция, поскольку действие помещено в современные реалии (что подчёркивает присутствие таких героев, как доктор и заклинатель), однако и сюжет, и главные персонажи повторяют древнеримские образцы, поэтому главный интерес и новаторство, как будет следовать из практической части исследования, представляет именно язык комедии.

Другой известный комедиограф (в частности, незаконченный перевод его комедии «Арцигоголо» принадлежит А.Н. Островскому), который жил и работал во Флоренции в XVI веке, — **Антонио Граццини** (1503-1584). Его семья владела аптекой, до сих пор существующей во Флоренции на площади Сан-Джованни. В 1540 году вместе с Джованни Маццуоли Граццини основал «Академию мокрых» (Accademia degli Umidi), которая впоследствии была переименована во Флорентийскую академию. В 1582 году Граццини вышел из неё, чтобы совместно с Леонардо Сальвиати принять участие в создании Академии делла Круска.

Граццини с самого начала своего литературного пути публиковался под творческим псевдонимом Иль Ласка (что означает «голавль», то есть пресноводная рыба) и даже после создания Академии делла Круска не изменил своё академическое имя, указав, что «голавлей обваливают в муке» (поскольку «crusca» дословно означает «отруби») [Coletti, 1993: 295].

Прежде всего Граццини прославился новеллистической книгой «Вечерние трапезы» («Le Cene», 1547), написанной в традиции «Декамерона», однако был и

плодовитым драматургом – автором семи комедий, среди которых самой успешной оказалась «Ведьма» («La Strega», 1582). Её главный герой – юноша Таддео Салишенти – влюблён в Джеву, но отец девушки не даёт согласия на их брак, и тогда Таддео решает отправиться на войну с лютеранами. Но родители юноши очень переживают, что, в случае гибели сына, всё семейное имущество будет передано больнице Святой Марии, и поэтому обращаются к Мадонне Сабатина, местной «ведьме», дабы отговорить Таддео от воинственных планов и заставить одуматься. Особенно интересен язык комедии – в тексте используется множество характерных для Флоренции выражений, что делает его ценным материалом для лингвистического анализа. Стоит отметить, что, как и Макиавелли, Граццини был сторонником ориентации на живой узус Флоренции и выступал против архаизации языка [Жолудева, 2016: 108].

Гуманист **Бенедетто Варки** (1503-1565) имел очень разносторонние интересы: изучал юриспруденцию в университетах Пизы и Падуи, занимался вопросами языкового нормирования эстетики, написал труд «История Флоренции», насчитывающий 16 книг и охватывающий период с 1527 по 1538 годы. Однако в нашем исследовании Бенедетто Варки важен прежде всего как комедиограф.

Образцом комедии «Свекровь» («La Suocera», 1569) послужила одноименная комедия Публия Теренция Афры, который в свою очередь переработал «Третейский суд» Менандра. Любопытно, что можно найти много параллелей с комедией в пьесе А.Н. Островского «Гроза» (1859).

Агостино Рикки (1512-1564) родился в Лукке, где провёл детские годы, однако впоследствии жил, учился и работал в Болонье. Рикки закончил факультет искусств и медицины в Болонском университете, но всегда продолжал заниматься литературой. В 18 лет (т.е. в 1530 году) Рикки написал пьесу «Три тирана», которая была поставлена во дворце Пеполи и приурочена к церемонии коронации Карла V. По этому случаю Рикки был удостоен звания рыцаря. Однако издание комедии произойдёт несколько позже – лишь в 1532 году. Именно благодаря комедии «Три

тирана» (некой моральной аллегории, в которой человек находится под тиранией любви, золота и удачи, – они и выступают тремя тиранами) Рикки вошёл в историю итальянской литературы. Пьеса сохранилась в двух версиях – одна из них содержит длинный панегирик Карлу V на испанском языке, в который вплетены похвалы Клименту VII, а также Ипполито и Алессандро Медичи. Любопытно, что в 1537 году Рикки переехал в Венецию и стал секретарем у Пьетро Аретино, с которым был очень дружен [Pozzi, 1989: 126].

Об одном из наиболее известных римских комедиографов **Франческо Бело** («Il pedante», «Il besco») сохранилось довольно мало сведений: годы жизни автора неизвестны, оппозиционный характер его творчества можно объяснить не только и не столько идеологическим выбором, сколько социальными причинами – Бело всю жизнь оставался изгоем, не был вхож в интеллигенцию и не имел доступа к сферам и областям, порождающим культуру исключительно ради престижа. Аретино удалось преодолеть свою социальную угнетенность (и это привело к ослаблению сатирической направленности в его поздних произведениях), Бело же проявлял идейную постоянность [Андреев, Хлодовский, 1988: 164].

«Педант» («Il Pedante») – комедия Франческо Бело, написанная в 1529 году. Основным посылом комедии является критика социальных институтов через критику культуры, непосредственно связанной с ними. Её носителем выступает главный герой произведения – первый образ педанта в итальянской комедиографии [treccani.it].

О жизни другого римского комедиографа **Кристофоро Кастеллетти** (?-1596) почти ничего неизвестно, не представляется возможным выяснить даже год рождения автора. Однако известно, что его комедия «Любовные ошибки» («I torti amorosi», 1581) имела большой успех. Представляется любопытным пролог, в котором Кастеллетти излагает свою позицию относительно целей комедийного искусства — комедия должна быть честной, назидательной и приятной. Темы и мотивы, которых касается Кастеллетти, традиционны для комедии XVI века: например, осмеяние педанта Теофраста, который говорит чересчур заумным

языком. Особенно интересна диалектальная характеристика героя-неаполитанца — его реплики производят наибольший комический эффект.

Первой комедией интриги стала пьеса автора из Биббиены **Бернардо Довици** (1470-1520) «Каландрия», написанная в 1513 году в Сиене. Довици не имел благородного происхождения, но получил хорошее образование, позволившее ему быть частным секретарём у кардинала Джованни Медичи, а впоследствии и самому кардиналом и папским посланником. В связи с политической деятельностью Довици много путешествовал (в том числе по Италии), что дало ему возможность лучше узнать различные диалекты Италии и услышать, как разговаривают в разных регионах.

Основой «Каландрии» послужила комедия Плавта «Менехмы», хотя в ней произошли небольшие изменения: Довици превратил братьев-близнецов в брата Лидио и сестру Сантиллу, а также поменял им платья (передел брата в сестру, а сестру — в брата). По этой причине любовная линия была особенно комичной, с множеством курьёзных ситуаций (преимущественно непристойных). Помимо Плавта, образцом послужил «Декамерон» Боккаччо, откуда Довици позаимствовал не только флорентийский диалект, но и типичные темы Фортуны и Любви, воплотив их в образе главного героя Каландро. Бальдассар Кастильоне, автор трактата «О придворном» («Cortegiano», 1528), даже посвятил Довици отрывок, в котором описывает разновидности остроумия и шуток, намекая на цепкий ум и живой язык товарища: неслучайно текст комедии «Каландрия» отличается юмором и характерными для разговорной речи конструкциями [Dizionario Biografico degli Italiani].

Впервые комедию поставили при дворе в Урбино по случаю Карнавала 6 февраля 1513 года. Премьера была роскошной и имела потрясающие декорации, за которые отвечал ученик Рафаэля Джироламо Дженга, а в организации постановки и вовсе принимал участие Бальдассаре Кастильоне. Много лет комедия имела большой успех и была любимой пьесой при итальянских дворах.

Лудовико Ариосто (1474-1533) посвятил себя изучению классической литературы и с лёгкостью писал стихи на латыни. Благодаря своему таланту Ариосто стал придворным комедиографом в Ферраре. Предметом осмеяния в его комедиях становились пороки современников — чрезмерная страсть к наживе или к плотским удовольствиям (при этом герцог Феррары всегда оставался вне критики).

Наиболее знаменитое сочинение Ариосто — поэма «Неистовый Роланд», основанная на каролингском эпосе. Обращение к сюжетам французских рыцарских романов неслучайно: к ним обращался и непосредственный предшественник Ариосто при феррарском дворе Маттео Мария Боярдо, однако так и не закончил свою поэму «Влюблённый Роланд».

Важно, что именно благодаря комедиям Ариосто, например, комедии «Чернокнижник» («Il Negromante», 1520), установилась традиционная для комического театра структура и его творения послужили своеобразным каноном для последующих работ — пятиактных, с продуманными декорациями и обращением к латинским образцам [Langela, Frare, Gresti, Motta: 2].

2.2.2. Комический театр на севере Италии

В XVI веке север Италии являлся крупнейшим центром книгопечатания: в Венеции выпускали больше книг, чем в совокупности во всех остальных итальянских городах. Именно там находились важнейшие типографии, в частности издательский дом Альда Мануция. Он получил известность благодаря выпуску «карманных» книг, набранных мелким шрифтом (курсивом), а также ввёл издательскую марку для борьбы с подделками своих изданий [Febvre, Martin, 2001: 44]. Любопытно, что и эмблему (изображение дельфина, обвивающего якорь), и девиз типографии («Festina lente», что значит «Поспешай медленно») Мануций позаимствовал с реверса римской монеты, подаренной ему Пьетро Бембо [Lowry, 1979: 211].

Прежде всего Мануций стремился сохранить античную греческую литературу, поэтому издавал древнегреческих авторов (Аристотеля, Аристофана, Фукидида, Софокла, Еврипида, Плутарха, Платона и многих других), но практически все комедии XVI века тоже рано или поздно оказывались в венецианской типографии [Contini, 1970: 411]. Однако, помимо издателей, на севере было и немало талантливых авторов.

Например, писатель, критик и драматург **Лодовико Дольче** (1508-1568), принадлежавший знатной, но обедневшей венецианской семье. К сожалению, точных биографических данных о жизни Дольче не сохранилось. Предположительно, получив образование в Падуанском университете, Дольче поступил на работу к известному издателю Джолитто де Феррари, для которого редактировал статьи и сочинения современных авторов, а также переводил античных мыслителей: Вергилия, Горация, Цицерона. Особое внимание Дольче привлекали проблемы изобразительного искусства: он тесно общался с Пьетро Аретино, сравнивал флорентийские и венецианские школы живописи, публиковал работы, посвященные искусству (наиболее значительной считается «Dialogo della pittura intitolato l'Areino» / Диалог о живописи, посвященный Аретино), однако размышлял также о народном языке («Osservationi nella volgar lingua» / Наблюдения о народном языке) и писал трактаты, рыцарские романы, трагедии и комедии [Bernabei, 1996: 74-75]. С учётом невероятного кругозора и эрудиции автора, одна из первых комедий Лодовико Дольче «Юноша» («Il ragazzo», 1541) представляется очень интересным материалом для анализа.

Писал комедии и сам **Пьетро Аретино** (1492-1556). Несмотря на то, что родной регион творца – Тоскана, а в юности комедиограф некоторое время жил в Риме, самым плодотворным периодом его творчества стал венецианский. Аретино был одним из известнейших авторов XVI века, заработавшим славу в первую очередь своими язвительными сатирами и памфлетами, высмеивающими папский клир. В своей первой пьесе «Комедия о придворных нравах» («La Cortigiana», 1525) Аретино, как можно понять из названия, высмеивал папский двор. Комедия была

написана в 1525 году, однако оказалась издана только в 1534 году в переработанном варианте, в котором критика и сатира звучали не так агрессивно. В первом прологе к произведению открыто говорилось «всех вас оболую грязью», тем не менее, и после переработки отличительными чертами пасквинаты остались злословие, почти натуралистическая откровенность и свобода от языковых и каких-либо иных условностей [Андреев, Хлодовский, 1988: 203]. Вероятно, по этой причине в 1559 году все сочинения Пьетро Аретино были включены в Индекс запрещённых книг, а сам писатель был обвинён в ереси. Тем больший интерес представляют сочинения, опубликованные уже после смерти автора: например, комедия «Таланта» («La Talanta», 1588) [Contini, 1970: 275].

Другой комедиограф, связанный с венецианской художественной интеллигенцией, – **Джироламо Парабоско** (ок. 1524-1557). Он был сыном знаменитого органиста Винченцо Парабоско, поэтому тоже учился музыке, а впоследствии последовал примеру отца, поступив на должность органиста в венецианский Собор Святого Марка [Ghirlanda, Collarile, 2014]. Однако Парабоско писал не только музыку, но и прозаические произведения. Большой популярностью пользовался сборник новелл «Потехи» («I diporti», 1550), композиция которого в духе времени подражает «Декамерону», а также комедия «Ночь» («La Notte», 1546).

Андреа Кальмо (1510 или 1511-1571) был венецианским комедиографом, актёром и поэтом. О жизни Кальмо известно мало, он входил в группу венецианских интеллектуалов «Полиграфы» («I poligrafi»), был автором 6 комедий, среди которых выделяется вдохновенная творчеством Рудзанте «Фьорина» («La Fiorina», 1552). Язык комедии отличается обилием выражений, характерных для Венеции, а потому представляют интересный материал для анализа. Пьесы Андреа Кальмо оказали большое влияние на авторов последующих эпох, в том числе по причине отсутствия политической и религиозной тематики [Dizionario biografico degli italiani].

Кроме того, до наших дней сохранилась комедия **Гаспаро Азиани** «Пронуба» («La Pronuba», 1588). Однако единственное, что известно о её авторе благодаря обложке первого печатного экземпляра, – то, что он был родом из Мантуи и по профессии являлся юристом (Dottor di Legge). Тем не менее, несмотря на скудность информации о её создателе, «Пронуба» представляет собой важный источник для исследования и содержит множество явлений, характерных для современного итальянского языка неформального общения.

2.2.3. Комический театр на юге Италии

В XVI веке юг Италии и, в частности, Неаполь не посещали крупные и известные по всей стране театральные сообщества. Происходило скорее наоборот: если актёр-неаполитанец добивался успеха в родном городе, он отправлялся покорять северные города [Молодцова, 1990: 86]. Так, например, сделал карьеру актёр, исполнявший роль Капитана Коккодрилло, **Фабрицио де Форнарис** (1550-1637). Он получил признание в Неаполе, после чего принял предложение от труппы Доверенных (compagnia dei Confidenti) отправиться в Париж, где стал одним из самых любимых как публикой, так и критиками актёром.

Однако де Форнарис прославился не только как актёр, но и как комедиограф. Так, в 1585 году он опубликовал пьесу «Анжелика» («L'Angelica», 1585), которая была поставлена в резиденции герцога Жуайеза. Главная героиня комедии – венецианка, чьи отец и брат были похищены турками. Анжелика и молодой неаполитанец Фульвио любят друг друга, но мать пообещала выдать Анжелику замуж за Капитана Коккодрилло. Любопытно, что Капитан объясняется по-испански, а не по-тоscanски, как это было в комедии Джамбаттиста делла Порта «Олимпия», послужившей основой работы де Форнариса. Фигура Капитана составляет основное отличие этих двух работ, поскольку сюжет и реплики (даже шутки) очень схожи [Contini, 1970: 384].

Из доступных нам источников комический театр южных регионов Италии представлен прежде всего неаполитанскими авторами, которые были не только

гуманистами и комедиографами, как в случае с де Форнарисом, но и оккультистами, философами, алхимиками и мистиками.

Как раз к таким авторам относится один из самых таинственных героев Средневековья **Джамбаттиста делла Порты** (1535-1615). По всей Европе делла Порты собирает тайные знания учёных и находит редчайшие книги в крупнейших библиотеках своего времени, организует первую в Неаполе физическую академию – «Академию тайн природы» (*Academia Secretorum Naturae*), которая, впрочем, в год создания упраздняется и запрещается указанием папы римского, составляет довольно подробное описание камеры обскура, ставшей предшественницей современного фотоаппарата, пишет ряд работ, посвящённых сельскому хозяйству, а также ставит многочисленные физические опыты.

Алхимические эксперименты и интерес к магии приводят к тому, что Святейшая инквизиция начинает следствие против исследователя. К счастью, расследование завершается без каких-либо последствий для учёного, но после этого делла Порты всё больше и больше времени уделяет литературно-драматургической деятельности, в частности, пишет комедии [De Sanctis, 1990: 648].

«Служанка» («*La Fantesca*», 1592) считается одной из самых известных комедий делла Порты. В духе эпохи пьеса имитирует латинскую комедию: переодевания, обманы, каламбуры строятся вокруг Эссандро (он же Фиоретта) и его слуги Панурга, которые стремятся помешать любимой Клерии выйти замуж за другого. Однако у делла Порты мы видим более проработанные и сложные характеры, нежели в античных пьесах, и, конечно, очень осовремененный язык, употребляемый по тосканской модели.

Другой таинственный и не менее известный персонаж – монах-доминиканец и философ **Джордано Бруно** (1548-1600). Из-за своего увлечения оккультизмом навлек на себя подозрение в ереси и был вынужден покинуть Италию. Впоследствии, вернувшись на родину, Бруно был арестован в Венеции и передан

инквизиционному суду в Риме. Отказавшись отречься от своего вероучения, после семилетнего заточения Бруно был сожжён.

Джордано Бруно оставил богатое наследие трудов на самые разные темы, однако всего одну комедию, – «Подсвечник» («Il Candelaio», 1582), на титульном листе которой назвал себя «Академиком ни одной из Академий, прозванным Вызывающим скуку, в печали весел, в радости печален». Работа над пьесой велась во Франции, где Бруно надеялся найти отличное от Италии научное сообщество, однако ситуация была схожа с Неаполитанским королевством. В почёте были чернокнижники и астрологи, влиятельные члены общества мечтали вывести секреты магии и активно интересовались алхимией. Поэтому в комедии Бруно изобразил знакомую с детства «неаполитанскую улицу» (неслучайно это словосочетание является другим вариантом перевода названия) и высветил актуальные для современности темы: любовь, алхимию и педантство [Дживелегов, 1954: 163].

Обращает на себя внимание то, как Бруно высмеивает и обличает педантство в лице руководителя гимназии и доктора множества наук («философии и теологии, медицины и всяческих прав») Манфурио. Речь этого профессора древней словесности представляет собой смесь итальянского языка и латыни (к тому же полную цитат и аллюзий на античных авторов), которую с большим трудом понимают простые неаполитанцы. Даже когда у Манфурио вырывают деньги, он не кричит «обокрали», поскольку высокообразованному человеку следует избегать обидных слов. Бруно показывает совершеннейшую несостоятельность той книжной учёности, которая не имеет никакой пользы, кроме как дать мнимое основание ставить себя выше других, менее образованных, людей [Tomasin, 2022: 347]. Манфурио (впрочем, как и влюблённый старик Бонифацио и несостоявшийся алхимик Бартоломео, олицетворяющие другие качества, порицаемые Бруно) оказывается наказан, став добычей мошенников, выдающих себя за стражей порядка. Вероятно, подобная ситуация тоже срисована «с натуры», что делает комедию ещё более злободневной.

2.2.4. Феномен *parlato-recitato*

Важной лингвистической особенностью комического театра является феномен *parlato-recitato* — имитации разговорной речи в сценическом исполнении.

Термин был предложен Джованни Ненчони (1911-2008), изучавшим грамматику разговорного итальянского языка, основываясь на двух типах источников: во-первых, записях реальных диалогов, происходивших в ситуациях неформального общения (в контексте нашего исследования следует отметить, что, безусловно, речь идёт о записях, которые велись во времена жизни и работы исследователя, а не в предшествующие эпохи), а во-вторых, текстах пьес. Изначально обозначив язык источников первого типа как «*parlato-parlato*» (дословно «разговорный произносимый»), а второго — «*parlato-scritto*» (дословно «разговорный записанный»), при анализе материала Ненчони задается вопросом, насколько обоснованным является такое деление и стоит ли вообще выделять «*parlato-scritto*» в качестве отдельной разновидности разговорного языка.

Ранее традиционной являлась оппозиция формального и неформального узуса, введённая Туллио де Мауро. Вариативность по шкале диамезии во внимание не принималась, и, казалось бы, совершенно справедливо, поскольку частотны примеры, когда устной коммуникации присущи формальные черты, продуманные заранее и полностью совпадающие с характеристиками написанного текста (например, литургии), поэтому выделение устного узуса в качестве лингвистического феномена, заслуживающего особого внимания, считалось не имеющим смысла.

Впрочем, есть ряд характеристик, которые не свойственны письменной форме языка по сравнению с устной, даже если текст относится к неформальному дискурсу. Главной такой особенностью является спонтанность в продуцировании коммуникативного сообщения, из-за которой в языке появляется ряд синтаксических конструкций, отсутствующих на письме (о чём, в частности, писала Т.Б. Алисова [Alisova, 1972: 186]). Следовательно, язык даже образованного

человека в письменной и устной коммуникации неоднороден и характеризуется рядом своеобразных черт. В связи с чем Ненчони приходит к выводу о том, что разговорный язык совершенно обязательно должен рассматриваться как отдельный лингвистический феномен и подвергаться всестороннему анализу.

Но при исследовании разговорного языка на примере текстов пьес возникает вопрос, в какой степени возможно относить их к коммуникации. Безусловно, между зрителем и актёрами происходит контакт, но скорее невербальный: зритель оказывается вовлечён в действие, не имея при этом возможности принимать непосредственное участие в нём, оставаясь сторонним наблюдателем и когнитивно обрабатывая увиденное. Иными словами, даже если реплики персонажей обращены в зал, они не нуждаются в ответах, поэтому диалогическое общение, являющееся основным фокусом внимания в разговорном дискурсе, не представляется возможным.

Коммуникация такого же свойства происходит между актёром-интерпретатором текста и его автором: автор даёт некий импульс, вкладывает определённое видение в ту или иную реплику, однако каждый актёр воспринимает и транслирует её по-своему, добавляя собственную перцепцию и индивидуальные характеристики (тембр голоса, интонацию, жестикуляцию и т.д.).

Вербальная коммуникация происходит только на сцене, между персонажами пьесы. Однако возникает следующий вопрос – можно ли считать разговорным такое общение, лишённое какой-либо спонтанности? Дело в том, что любая коммуникация (в том числе неформальная) всегда содержит элемент предсказуемости: даже спонтанно продуцируемые сообщения строятся по конкретным законам и имеют ограниченное количество вариантов лексического наполнения, обусловленных контекстом. Кроме того, экстралингвистические факторы диалогов, происходящих на сцене, вполне соответствуют ситуациям разговорного общения, которые достаточно убедительно и правдоподобно имитируются. Однако из-за того, что диалоги в комедиях прописаны заранее, качественно отрепетированная речь актёров не допускает случайных ошибок,

самокоррекции или повторов, являющихся ярчайшим маркером реальной бытовой коммуникации. Это служит основанием для выделения театрального дискурса в качестве особой разновидности разговорного языка, а именно – *parlato-recitato* (дословно «разговорный разыгрываемый на сцене»).

Конечно, с одной стороны, характеристики *parlato-recitato* не целиком и полностью отражают неформальную коммуникацию в ситуациях повседневного общения, но, с другой стороны, феномен *parlato-recitato* можно считать наиболее приближенной к ней разновидностью, особенно если речь идёт о комическом театре: было бы нелепо расточать проклятия или ссылаться на телесный низ, используя какой-либо иной регистр, кроме неформального.

Соответственно, тексты комедий итальянских авторов XVI века благодаря наличию в них *parlato-recitato* предоставляют исследователю уникальную возможность сопоставить неформальный стиль современного итальянского языка с аналогичным стилем языка пятивековой давности.

Кроме того, речевая характеристика персонажей является одним из главных способов создания комического эффекта: каждый участник коммуникации имеет собственные социолингвистические показатели (возраст, родной регион, уровень образования), а также отличительные личностные особенности (темперамент, характер, манеры). Таким образом, анализируемые материалы позволяют получить максимально полное описание неформального итальянского языка XVI века с учётом широкого спектра параметров языковой вариативности и социолингвистических переменных.

Выводы по главе II

Таким образом, принятие во внимание социальных параметров, характеризующих авторов комедий (родной регион, образование, род деятельности, помимо литературы) позволяет максимально точно воссоздать социолингвистическую ситуацию, а, значит, получить больше информации о языке в реконструируемый период, поскольку развитие идиома обусловлено социально-исторической ситуацией и языковой практикой его носителей.

По этой причине пункт 2.1.4. содержит описание исторического фона и общих тенденций, проявляющихся на всей территории будущего итальянского государства в XVI веке: попытка восстановить авторитет папского двора посредством Тридентского собора, высокая степень раздробленности и неоднородности различных регионов, возрастающий интерес к процессам языкового нормирования, а также сосуществование латыни и многочисленных диалектов Италии. Соответственно, специфика и сложность современной социолингвистической ситуации связана с динамикой формирования языковой нормы и отсутствием единообразия в этом вопросе на протяжении долгого времени. Так, в XVI веке сложно выделить единую социолингвистическую модель, описывающую все территории, впоследствии вошедшие в состав Италии. Например, на севере Италии появлялись «канцелярские койне», а на юге в качестве языковой нормы употреблялась не только латынь, но и каталанский, а затем кастильский.

Также во второй главе дано определение жанра «учёной комедии», обоснован выбор источников (достаточно обширный массив материала необходим, чтобы учесть исключительно важную для Италии диалектную географию и выявить, есть ли в комедиях диалектальные черты, ставшие впоследствии нормативными, а наличие *parlato-recitato* в текстах пьес делает их уникальными источниками, позволяющими проанализировать неформальный регистр итальянского языка прошлого) и рассмотрена социолингвистическая ситуация в Италии в XVI веке (наличие этого параметра – обязательное условие для осуществления

исторического социолингвистического исследования: чем точнее удастся реконструировать внешние факторы, тем полнее будет представление о внутренних процессах и тенденциях языка).

Очевидна особая роль XVI века для дальнейшей истории развития итальянского языка: в результате спора о языке наконец появляется кодифицированная норма, основой которой становится тосканский диалект. Это приводит к разделению узуса и нормы в силу того, что норма регулируется языком престижной литературной традиции, которая оказывается попросту недоступной малообразованным слоям населения. Попытки использовать этот нормативный язык в повседневном общении становятся причиной многочисленных ошибок, постепенно закрепляющихся в процессе употребления и способствующих разведению и противопоставлению узуса и нормы.

Представляется очень важным не только проанализировать языковую и историческую ситуацию Чинквеченто, но и сравнить социолингвистические параметры авторов и персонажей комедий. В частности, все комедиографы обладали довольно высоким уровнем образования (неслучайно комедии называют «учёными»), однако происходили из разных регионов и, помимо литературной деятельности, посвящали себя очень разным профессиям: так, Бернардо Довици да Биббиена служил частным секретарем, Лодовико Дольче работал в издательстве и посвятил себя критике искусства, Джироламо Парабоско был органистом и т.д. Довольно большая выборка комедий (порядка 20) уроженцев различных регионов и разных профессиональных областей позволила наиболее полно реконструировать язык многих городов Италии.

К сожалению, ограниченность источников для анализа не позволяет в равной степени ознакомиться с комедиями центральных и южных авторов: вероятно, по причине меньшей степени развитости регионов юга комедиографы стремились скорее их покинуть, поэтому дошедших до нас южных комедий XVI века не так много.

ГЛАВА III. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИТАЛЬЯНСКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА В КОМЕДИЯХ XVI ВЕКА

В данной главе работы с опорой на труды крупнейших итальянских лингвистов – специалистов по современной норме итальянского языка, таких, как Гаэтано Берруто, Франческо Сабатини, Бруно Мильборини, Паоло Д’Акилле и других, будут проанализированы характерные для новой нормы итальянского языка – *italiano neostandard* – морфологические тенденции, присутствие которых было обнаружено нами в текстах «учёных комедий» XVI века.

Мы считаем возможным разделить их на три группы: инновации в системе местоимений (параграф 3.1.), инновации в глагольной системе (параграф 3.2.) и инновации в системе служебных частей речи (параграф 3.3.). Выбранный порядок разделов неслучаен: сначала рассматриваются наиболее значительные изменения, практически не допускающие двойственности форм. Так, можно утверждать, что местоимения 3 лица *lui*, *lei* и *loro* в синтаксической функции подлежащего вытеснили субъектные формы, характерные для итальянского языка предшествующих эпох. Данное утверждение подкрепляют не только наблюдения исследователей, но и учебные пособия по итальянскому языку для иностранцев: ни в одном современном издании не предлагаются устаревшие формы *egli*, *ella*, *esso*, *essa*, *essi* в качестве личных местоимений 3 лица, что означает окончательное закрепление субъектных форм *lui*, *lei* и *loro* в качестве нормативных.

Инновативные явления в глагольной системе и в системе служебных частей речи менее радикальны, поскольку скорее не замещают, но добавляются к кодифицированным в *italiano standard* явлениям. Выбор из возможных вариантов обусловлен не прескриптивной нормой, а индивидуальными особенностями говорящего и социолингвистическими параметрами коммуникативной ситуации. С одной стороны, чем более неформальной является ситуация общения, тем более частотны контексты реализации вторичных функций времён и упрощения глагольной системы (так, в *Periodo Ipotetico* 3 типа «*Congiuntivo Trapassato* +

Condizionale Composto» будет вытеснен типом «Imperfetto Indicativo + Imperfetto Indicativo»). С другой стороны, вторичные функции времён нередко реализуются не только в неформальных обстоятельствах: так, появление у имперфекта дополнительного значения вежливой просьбы и использование Imperfetto di cortesia характерно для достаточно формального ситуативного контекста, однако в этом случае также допускается употребление традиционного для *italiano standard* условного наклонения. Регламентирующие выбор правила отсутствуют, и использование Imperfetto или Condizionale становится результатом воли и стилистического своеобразия речи говорящего.

Независимо от степени кодифицированности рассмотренных в главе тенденций их инновативный статус на современном этапе является спорным, поскольку они обнаруживаются в текстах итальянских авторов XVI века, имитирующих неформальное общение. Прежде чем приступить к анализу контекстов, стоит ещё раз подчеркнуть, что целью работы не является установление времени появления данных феноменов в языке: они характерны в первую очередь для ситуаций повседневного общения, а, как неоднократно было отмечено в исследовании, мы весьма ограничены в источниках, позволяющих анализировать неформальный речевой регистр, что может поставить под сомнение достоверность сделанных на этот счёт выводов.

3.1. Инновации в системе местоимений⁸

Система местоимений в итальянском языке всегда отличалась пестротой и многообразием, обусловленными одновременным сосуществованием синонимичных форм. В первую очередь это касается личных местоимений 3 лица, поскольку местоимения 1 и 2 лица совпадали с современными, хотя перед согласным следующего слова местоимение *io* могло терять конечный гласный, а местоимения множественного числа иногда принимали вид сицилийских форм

⁸ Часть материалов данного параграфа была использована при подготовке статьи Кутеко Д.А. Особенности употребления личных и дейктических местоимений в комедиях итальянских авторов XVI века // Вестн. Моск. ун-та. Серия. 9. Филология. 2023. № 3. С. 45-53.

«lui» и «vui» [Алисова, 2009: 46]. Как отмечает проф. А.П. Лободанов в работе «Синтаксис и стиль местоимений», «в лирике Данте и Петрарки, в «Комедии», а также в «Декамероне» и флорентийской прозе XII-XIV вв. субъектные местоимения 3 лица ед.ч. м.р. характеризовались не только устойчивой синонимией (*egli; elli; ello; esso; lui*; тоск. *questi* и *quelli*), но и широкой и устойчивой полиморфией (*egli/ei/e'/el/gli*/флор. *egghi*)» [Лободанов, 2015: 90].

В первой «Грамматике» итальянского языка Леон Баттиста Альберти (1404-1472) выделяет несколько форм местоимений 3 лица мужского рода: *egli, ello, esso, lui, questo*, отмечая омонимию форм единственного и множественного числа: *egli andò; egli udivano*. Для устранения грамматической омонимии даже появляются грамматические формы *ellino/elliro/ellirone*, обладающие личными окончаниями глаголов 3 лица множественного числа. При этом личные и указательные местоимения в XV-XVI веках принято рассматривать совместно [Алисова, 2009: 116].

В «учёных комедиях» XVI века прежде всего привлекает внимание актуальная и в настоящее время конкуренция субъектных местоименных форм 3 лица (*lui, lei, loro/egli, ella, esso, essa, essi*). На современном этапе в тех контекстах, когда местоимение не опускается, в синтаксической роли подлежащего будут преимущественно употребляться субъектные местоимения *lui, lei* и *loro*. Безусловно, в комедиях XVI века сохраняется гораздо большая степень вариативности, обусловленная стилистическими причинами: характерные для современного итальянского языка формы встречаются в репликах представителей низших сословий, более образованные персонажи употребляют их в основном с предлогами косвенных падежей, но возможно выделить и другие контексты.

3.1.1. Употребление личного местоимения *lui*

В анализируемых текстах частотнее всего в синтаксической функции подлежащего употребляется местоимение *lui*. Любопытно, что в комедии неаполитанца Джордано Бруно «Подсвечник» оно встречается рекордных 46 раз в

репликах практически всех персонажей (для сравнения: местоимение *egli* в аналогичной функции употребляется 27 раз, *esso* – всего дважды). По восемь раз *lui* используется в репликах плута Барры и студента Сангуино:

Barra. Lui parla bon cristiano. [Bruno, 1863: 100] / Барра. Он говорит, как подобает хорошему христианину⁹.

Sanguino. Non è lui galantuomo, saggio, accorto, di valore, d'ogni stima degno? [Bruno, 1863: 146] / Сангуино. Разве он не джентельмен? Мудрый, проницательный, достойный почёта и уважения?

Шесть раз у мошенника Ченчио:

Lui è stato presentato al tutto, che si faceva; lui faceva tutto... [Bruno, 1863: 40] / Он был осведомлён обо всем, что происходило; он делал всё...

Пять раз в речи некроманта Скарамуре:

Anzi è necessario; quando lui saprà, come la cosa passa, io credo che accetterà. [Bruno, 1863: 64] / Это действительно необходимо; когда он узнает, как идут дела, я думаю, что он согласится.

Четырежды – у художника Джованни Бернардо:

Lui essendo nella miseria che eravate voi... [Bruno, 1863: 41] / Он, будучи в том же несчастье, в каком были и вы...

Трижды его употребляет аптекарь Консальво:

Fate come ha fatto lui. [Bruno, 1863: 106] / Делайте так, как сделал он.

Остальные персонажи комедии используют данное местоимение в функции подлежащего лишь единожды или дважды. Таким образом, в комедии Бруно его употребление не связано с социальным положением персонажа, но является повсеместным и применяется даже более широко, нежели традиционное для *italiano standard* в синтаксической роли подлежащего *egli*.

В комедии римского автора Франческо Бело «Педант» данный феномен встречается сравнительно нечасто – 13 раз, однако по-прежнему чаще, чем *egli* (употребляется 11 раз) и *esso* (используется 4 раза). Очевидно, что автор наделяет им преимущественно речь персонажей низшего сословия (например, слуги Мальфатто или же влюблённого Курцио в диалоге со слугой Руфино):

⁹ Здесь и далее приводится перевод контекстов, принадлежащий автору исследования.

Malfatto. Mastro, io credo che lui non ce vorrà venire. [Belo, 1912: 92] / Мальфатто. Господин, думаю, что он не захочет сюда прийти.

Curzio. <...> Lui non mi deve cognoscere anco, ah? [Belo, 1912: 91] / Курцио. <...> Он тоже не должен узнать меня, так?

Флорентиец Корнелио Ланчи в комедии «Местола» прибегает к *lui* в синтаксической роли подлежащего чуть реже, чем Франческо Бело, – всего 12 раз (что составляет около 57% случаев выражения значений 3 лица мужского рода, так как *egli* используется 9 раз) но, как и в «Подсвечнике» Бруно, это явление не является характерным исключительно для представителей низшего сословия. По три примера можно найти в репликах девушки Фаустины, переодетой в юношу, и Гульельмо, мужа Калиопы:

lui fuggì... [Lanci, 1583: 92] / он сбежал...

Voi havete una gran ragione, e lui torto. [Lanci, 1583: 93] / Вы совершенно правы, а он ошибается.

Дважды *lui* является подлежащим в репликах сводницы Кокколины и влюблённой Изабеллы:

Acciò lui veda, e senta quello che voi fate... [Lanci, 1583: 31] / Чтобы он видел и слышал то, что вы делаете.

Ma lui per la porta di dietro, s'era partito. [Lanci, 1583: 75] / Но он ушёл через заднюю дверь.

По одному разу встречается в речи старика Аверардо и возлюбленного Изабеллы Бузигатто:

Bisognerebbe, ch'ognuno havessi il pensiero, che ha lui. [Lanci, 1583: 48] / Хорошо бы, чтобы каждый думал так, как он.

Domani poi farà intendere il tutto à M. Flaminio, che vuole ancor lui sappia ogni cosa. [Lanci, 1583: 106] / Завтра даст всё понять господину Фламинио, а он и сам хочет знать каждую деталь.

В комедии неаполитанского автора Фабрицио де Форнариса «Анжелика» *lui* в качестве подлежащего употребляется 8 раз и так же, как и в «Педанте», преимущественно в репликах слуг. Например, четырежды его использует паразит Мاستика:

Se lui l'ama come ha sempre dimostrato... [Fornaris, 1607: 24] / Если он её любит, как всегда заявлял.

Любопытно, что де Форнарис, как и Бруно, южанин, но *egli* в синтаксической функции подлежащего в тексте его комедии несколько превалирует над *lui*: употребляется 10 раз. При этом *esso* в аналогичной функции вовсе отсутствует и используется только в предложных конструкциях. Таким образом, контексты использования *lui* при выражении значений 3 лица мужского рода в синтаксической роли подлежащего в «Анжелике» составляют приблизительно 44%, *egli* – 55% соответственно.

Всего трижды встречается *lui* в роли подлежащего в комедиях сиенца Алессандро Пикколомини «Постоянство в любви» (наряду с 37 случаями употребления *egli*, следовательно, примеры с *lui* не превышают 8% от общего числа рассмотренных контекстов) и неаполитанца Джамбаттиста делла Порта «Служанка» (*egli* используется 43 раза, таким образом, контексты с *lui* составляют лишь 6,5%), при этом *esso* в обеих комедиях не выполняет синтаксической функции подлежащего:

Giannino. Mi vien voglia di far quel conto di lui che lui fa di me. [Piccolomini, 1912: 73]
/ Джаннино. Мне хочется отплатить ему тем же, чем и он отплатит мне.

Speziale. <...> Certo, che è assai più di quello che lui n'ha raccontato. [Porta, 1597: 70]
/ Специале. <...> Конечно, это гораздо больше, чем то, что он об этом рассказывал.

Венецианец Дольче нередко употребляет *lui*, однако пока ещё ни разу в интересующей нас синтаксической функции, – вероятно, это связано с региональными особенностями севера, поскольку в комедии уроженца Пьяченцы Джироламо Парабоско «Ночь» также практически не используется *lui* в функции подлежащего (удалось найти всего три примера, которые следуют далее, когда речь идёт об одновременном использовании *lui* и *egli* в пределах одного диалога). Аналогичная ситуация у мантуанского комедиографа Азиани – несмотря на то, что «Пронуба» относится к концу XVI века, *lui* в роли подлежащего встречается только дважды, его используют слуги (что составляет около 4% всех рассмотренных

контекстов, так как *egli* употребляется в аналогичной функции 44 раза, а *esso* же вовсе отсутствует):

Frizza. <...> Questo è Rampino tutto in facende, né anco lui è incapato molto bene a padrone. [Asiani, 1588: 38] / Фриццо. <...> Этот Рампино всегда занят, да и он не очень-то хорошо умеет извиняться.

Triuollino. <...> che lui è stato quello, che ha gettato lo Salvanello... [Asiani, 1588: 58] / Триуоллино. <...> именно он забросил Сальванелло...

3.1.2. Употребление личного местоимения *lei*

Местоимение *lei* в роли подлежащего менее частотно. Наибольшее количество раз его использует флорентиец Корнелио Ланчи: в комедии «Местола» содержится девять примеров (однако *ella* в заявленной функции пока ещё более частотно – удалось найти 12 контекстов). Практически половина (4 контекста) принадлежит главной героине:

Mestola. Lei sospirando mi disse... [Lanci, 1583: 3] / Местола. Вздохнув, она сказала мне...

Джордано Бруно употребляет *lei* в роли подлежащего почти в шесть раз реже, нежели *lui* – в комедии можно выявить восемь контекстов: дважды в речи плута Барра и служанки Лучии, у остальных персонажей – единожды:

Barra. Se lei avesse detto una volta no, io non arei più parlato. [Bruno, 1863: 55] / Барра. Если бы она однажды сказала нет, я бы больше не заговорил.

Lucia. <...> Anzi lei ha pensato un'altra cosa... [Bruno, 1863: 80] / Лучия. <...> На самом деле она думала о другом...

При этом удивительно, что *lei* у Бруно употребляется чаще, чем *ella*: это местоимение встречается 5 раз, причём по-прежнему в репликах Барры и Лучии – даже в пределах одного диалога персонажи употребляют оба варианта:

Lucia. Passa oltre. Ella che rispose a questo?

Barra. Ed ella rispose: «Va' via, va' via, via, via, via, via, via, via, via, via, mal uomo». Se lei avesse detto, una volta: va' via, forse io arei smaltito di quella sicurtà... [Bruno, 1863: 56] /

Лучия. Давай дальше. Что она ответила на это?

Барра. А **она** ответила «Уходи прочь, уходи прочь, прочь, прочь, прочь, прочь, прочь, прочь, прочь, отвратительный человек». Если бы **она** сказала хоть однажды «уходи прочь», возможно, я бы растерял уверенность...

Пять раз в синтаксической роли подлежащего *lei* встречается в комедии де Форнариса (для сравнения – *ella* употребляется 21 раз). Дважды – в речи служанки Ливии, а также по разу в репликах остальных слуг:

Livia. <...> e lei tutta tremando m'impose... [Fornaris, 1607: 123] / Ливия. <...> И **она**, вся дрожа, клала меня...

Трижды его использует Франческо Бело (*ella* же более, чем в 7 раз чаще – 22 раза): в речи обманутой жены Фульвии и слуг:

Fulvia. Qualche cosa deve aver a far, lei. [Belo, 1912: 94] / Фульвия. Должно быть, **она** знает, чем заняться

Rufino. <...> Ma ricordatevi che lei è donna ed è bella e giovane... [Belo, 1912: 133] / Руфино. <...> Но помните, что **она** женщина, и она красива и юна.

Однажды местоимение встречается у Пикколомини – в реплике парасита (при этом *ella* употребляется в 55 раз чаще) и ни разу не используется в текстах остальных авторов:

Sguazza. <...> e lei miri te... [Piccolomini, 1912: 54] / Сгуацца. <...> и **она** смотрит на тебя...

Таким образом, местоимение *lei* в синтаксической роли подлежащего выступает гораздо реже, по сравнению с *lui*, независимо от родного для автора комедии региона, и пока ещё характерно преимущественно для речи представителей низшего сословия – слуг, паразитов, кормилиц. *Essa* в рассмотренных комедиях в синтаксической функции подлежащего не употребляется (встречается только в предложных конструкциях), а количество контекстов с *ella* значительно превалирует над числом примеров с *lei*. Исключение составляет разве что текст комедии Джордано Бруно «Подсвечник», где примеры с *lei* в анализируемой функции составляют 62% от общего количества рассмотренных контекстов, а примеры с *ella* – 38% соответственно.

3.1.3. Употребление личного местоимения *loro*

Проследить тенденцию в употреблении *loro* в качестве подлежащего гораздо сложнее, поскольку его использование в данной синтаксической функции пока ещё крайне редко: феномен встречается всего лишь по одному разу и только в комедиях авторов из центральных и южных регионов:

Messer Giannino. <...> *bene che loro mi potessero fare.* [Piccolomini, 1912: 12] / Мессер Джаннино. <...> хорошо, что **они** смогли мне сделать.

Gioan Bernardo. <...> *non per che loro si curino di questo, ma per far la cosa più verisimile.* [Bruno, 1863: 115] / Джованни Бернардо. <...> не потому, что **они** заботятся об этом, но для того, чтобы сделать нечто наиболее правдоподобное.

Squadra. <...> *se l'inganno che han fatto è tanto verisimile, che loro lo tengono per più che vero?* [Fornaris, 1607: 79] / Скуадра. <...> а если совершенный ими обман настолько правдоподобен, что **они** принимают его за чистую монету?

Faustina. <...> *non si curano di promesse, che loro habbino fatto.* [Lanci, 1582: 11] / Фаустина. <...> они не держат обещания, которые **они** дали.

Timoteo. <...> *io mi rimarrò in chiesa, e loro, per l'uscio del fianco, se n'andranno a casa.* [Machiavelli, 1959: 58] / Тимотео. <...> я останусь в церкви, а **они** через соседнюю дверь уйдут домой.

Значение личного местоимения 3 лица множественного числа выражается формой *essi*, которая употребляется в комедии Пикколомини и де Форнариса дважды, Бруно – трижды и ни разу у Ланчи и Макиавелли.

Любопытно, что Макиавелли передаёт значение множественного лица сочетанием местоимений *lui* и *lei*:

Callimaco. <...> *la voglia che lui e lei hanno di avere figliuoli...* [Machiavelli, 1959: 12] / Каллимако. <...> желание, которым **он и она** обладают, – иметь детей...

3.1.4. Употребление личного местоимения 2-ого лица

Другое явление, нашедшее отражение в текстах комедий XVI века, – использование *te* вместо *tu* в качестве подлежащего не только в контекстах типа «*io e te*». Это созвучно тенденции нейтрализовать оппозицию между подлежащим и дополнением в *italiano neostandard*:

Valerio. Oh sventurata madre! Te morrai di subito, come saprai questa nuova. [Dolce, 1912: 269] / Валерио. О несчастная мать! **Ты** умрёшь сразу же, как узнаешь эту новость.

Prudenzio. Me par bene che non sai che te parli. [Belo, 1912: 96] / Пруденцио. Сдаётся мне, ты не знаешь, о чём **ты** говоришь.

Curzio. Che hai? di che te ridi? [Belo, 1912: 118]/Курцио. Что такое? Над чем **ты** смеёшься?

При этом следует отметить, что контексты, содержащие данную тенденцию, не превышают 1% от общего числа рассмотренных примеров и пока не встречаются в комедиях южных авторов, употребляясь единожды лишь в комедии римлянина Ф. Бело и венецианца Л. Дольче (для сравнения – *tu* в данной синтаксической функции используется порядка 127 раз в тексте Бело и 187 раз в комедии Дольче).

3.1.5. Датив

Отдельного внимания заслуживает датив. В XIII-XIV веках клитическая форма датива 3 лица для обоих родов и чисел передаётся вариантами *li/gli/le/glie/gne* [Алисова, 2009: 46]. Однако постепенно грань между родом и числом стирается, входит в активное употребление местоимения *gli*, заменяющее все возможные формы 3 лица [Жолудева, 2018: 11].

В «учёных комедиях» встречается использование безударного косвенного местоимения *gli* в значении косвенного дополнения 3 лица женского и мужского рода единственного и множественного числа, то есть способного заменять конструкции *a lui*, *a lei* и *a loro*:

Messer Giannino. <...> E, se trovi lo Sguazza, gli dirai dove io sia. [Piccolomini, 1912: 13] / Мессер Джаннино. <...> И, если найдешь Сгуацца, скажи **ему**, где я.

Essandro. Mi scuopre ch'era innamorata di lui e che la sua pena era indicibile, e mi priega che gli porti alcuni presentucci... [Della Porta, 1597: 10] / Эссандро. Она открывает мне, что была в него влюблена и что страдание её невыразимо, и просит меня, чтобы я приносил **ему** дары...

Nepita. Ma Fioretta lavora tanto gagliardo che Cleria gli cede e si dá per vinta. [Della Porta, 1597: 29] / Нэпита. Но Фьоретта работает так рьяно, что Клерия **ей** уступает и сдаётся.

Rufino. Se io gli prometto ciò ch'ella vole, noi stiam concì! [Belo, 1912: 91] / Руфино. Если я пообещаю **ей** то, чего она хочет, мы будем держаться вместе!

Ciacco. Ma voi mi parete uno di quelli che aspetta che il confessore gli addimandi i peccati. [Piccolomini, 1912: 214] / Чакко. Но вы мне кажетесь из таких, кто ждёт, когда исповедник начнёт **их** спрашивать о грехах.

Причем *gli* может употребляться не только в качестве самостоятельной формы, но и как местоименный клитик (присоединяться к повелительному наклонению или к инфинитиву), имея при этом такой же широкий спектр значений:

Curzio. <...> Caminiamo: ch'io voglio che tu vada poi insino a casa di Filippa e che concludi el tutto. E promettegli ciò ch'ella vuole. [Belo, 1912: 91] / Курцио. <...> Пойдёмте: я хочу, чтобы ты дошёл до дома Филиппы и всё закончил. И пообещай **ей** то, что она хочет.

Santina. Vo' cavargli gli occhi e troncarli il naso con i denti [Della Porta, 1597: 71] / Сантина. Я хочу выколоть **ему** глаза и откусить зубами нос.

Bonifacio. <...> Non voglio aver occasione di parlargli. [Bruno, 1863: 34] / Бонифачо. <...> Я не хочу иметь возможность беседовать **с ними**.

Нередко употребляется двойной дательный (*doppio dativo*), а именно – сочетание ударной и безударной форм косвенного местоимения вроде *a me mi*. Такую конструкцию можно рассматривать в качестве одного из видов эмфатической конструкции вынос влево или вправо (*dislocazione a destra/a sinistra*), которая заключается в изменении порядка слов, сопровождающемся местоименной репризой для эмфазы повторяемого элемента:

Sguazza. <...> Che diavolo mi fa, a me, questo? [Piccolomini, 1912: 53] / Сгуацца. <...> Что, чёрт возьми, это **со мной** делает?

Lucia. <...> Vi vo' contare a voi uomini... [Piccolomini, 1912: 74] / Лучиа. <...> Хочу рассчитывать **на вас**, мужчины...

Malfatto. <...> Te voglio bene io a te, veh! [Belo, 1912: 103] / Мальфатто. <...> Я же **тебя** люблю!

Anassira. <...> Et a me me ne fe prima provar dieci. [De Fornaris, 1607: 79] / Анассира. <...> И **мне** дал их сначала попробовать десяток.

3.1.6. Функционирование дейктических местоимений

Дейктические местоимения содержат в значении отсылку к участникам коммуникативного акта или же к речевой ситуации. Чаще всего в функции дейктических употребляются указательные местоимения, отсылающие к объекту, о котором идёт речь и на который указывает говорящий (не всегда физически, достаточно часто когнитивно) [Майтинская, 1969: 51; Селиверстова, 1988: 30].

Этот подразряд местоимений, как и личные, довольно долгое время не отличался единообразием в первую очередь по региональным причинам: с эпохи Данте и вплоть до объединения Италии в центральных регионах сохранялась трёхчастная система дейктических местоимений, характерная для Тосканы.

Кроме того, в ранних источниках итальянского языка (например, в Счётных книгах флорентийских банкиров или в жизнеописаниях святых) в функции указательного прилагательного активно употреблялось причастие «detto», означая «сказанный»/«вышеупомянутый» [Алисова, 2009: 37].

В «учёных комедиях» XVI века эти феномены гораздо менее распространены, однако среди указательных местоимений встречаются частотные на современном этапе итальянского *questo*, *quello*, *tale*, *esso*, *stesso*, *medesimo*, употребление которых в сочетании друг с другом или с личным местоимением является плеонастическим. Вероятно, экспрессивность личных местоимений ослабевает, поэтому перечисленные указательные местоимения выполняют роль усилителей. Причём в текстах комедий XVI века их использование характерно для представителей всех сословий:

bisogneria che mandassi se stesso a lui medesimo... [Della Porta, 1597: 11] / *надо бы, чтобы я сам к нему самому и отправился;*

Non si potrà scoprire, se non la scopriamo noi stessi. [De Fornaris, 1607: 69] / *Не получится обнаружить, не раскрыв нас самих;*

Quanto mi fanno doler la testa queste tali filastrocche! [Piccolomini, 1912: 53] / *Как у меня голова болит от вот этих вот детских стишков!*

Ch'in animo havessi: e hora la benivolentia mia essendo verso tè quella medesima... [Ariosto, 1540: 34] / *то, что у меня в душе, и сейчас это расположение к тебе самой...*

Встречаются примеры употребления усечённых форм указательных местоимений 'sto/'sta, которые получили широкое распространение на современной стадии развития языка:

voio andare de sto mistro... [Belo, 1912: 125] / я хочу пойти и говорить с **этим** господином;

Amor, e la mia troppo fideltae m'ha fatto vegnir à sto passo... [Calmo, 1600: 18] / Любовь и моя чрезмерная преданность заставили меня пойти на **этот** шаг...

Mi sé tanto innamorao in sta donna mia vicina... [Belo, 1912: 149] / Я так сильно влюбился в **эту** женщину рядом со мной...

Guasparri uscì sta mane di casa in quella benedetta ora, che non voglio dire altramente... [Varchi, 1858: 18] / Гаспари вышел **этим** утром из дома в такой благословенный час, что иначе и не скажешь...

Можно выделить контексты, в которых происходит усиление указательных местоимений наречием *qui*:

Calandro. <...> In fede mia, la non è dessa: m'ingannavo. La è questa qui. [Dovizi, 1912: 60] / Каландро. <...> Как мне кажется, это не правда: я ошибался. Это **вот** здесь.

Mercurio. <...> Questa qui è Bologna. [Ricchi, 1912: 172] / Меркурио. <...> **Здесь** **вот** Болонья.

Характерная для Тосканы трёхчастная система указательных местоимений (*questo//quello//cod(t)esto*) сохраняется только в комедиях сиенского комедиографа Алессандро Пикколомини и флорентийского политика Лоренцино Медичи, а в остальных комедиях упрощается:

Corsetto. Che buone nuove ci sono questa mattina. [Piccolomini, 1912: 42] / Корсетто. Какие хорошие новости **этим** утром.

Panzana. <...> Che maladetta sia quella parola ch'io n'entenda, di tutto quel che voi avete detto! [Piccolomini, 1912: 66] / Панцана. <...> Будь проклято **то** слово, которое я поняла из всего того, что вы наговорили!

Sguazza. Siate certo, messer Guglielmo, che altro stimolo che di verginità gli fece fare cotesta domanda. [Piccolomini, 1912: 22] / Сгуацца. Будьте уверены, господин Гульельмо, что иная причина, а не только непорочность, заставила его задать **этот** вопрос.

Lucido. Perché cotesta casa è piena di diavoli [Medici, 1912: 148] / Лучидо. Потому что **этот** дом полон дьяволов.

Однако при этом наблюдается вариативность в орфографии. Так, в комедии Пикколомини встречается как минимум три варианта написания местоимения «questo», причем даже в репликах одного и того же персонажа (впрочем, это тоже является средством речевой характеристики, поскольку подчёркивает мнимую учёность поэта и разоблачает его якобы благородное происхождение):

*Messer Giannino. <...> E pur io, dal mio canto, non ho mai, ch'io sappi, fatto cosa che meriti **questo**.* [Piccolomini, 1912: 9] / И всё же я, со своей стороны, никогда, насколько мне известно, не сделал ничего, заслуживающего бы **этого**.

*Messer Ligdonio. De **chesti** non importa.* [Piccolomini, 1912: 15] / А **это** значения не имеет.

*Messer Ligdonio. **Quisto** è no gran secreto.* [Piccolomini, 1912: 16] / **Это** не большой секрет.

Кроме того, пока ещё отсутствует парадигма указательного местоимения *quello*, характерная для современного этапа развития итальянского, где формы местоимения зависят от начальной буквы последующего существительного и во многом совпадают с формами артикля (так, например, если существительное мужского рода в форме множественного числа начинается с гласной, то указательное местоимение непременно должно употребляться в форме «quegli» и ни в какой другой):

*Ippolito. <...> allhora, che prigion di **quegli** arrabbiati Mori mi ritrovai in Tunisi.* [Parabosco, 1546: 13] / Ипполито. <...> итак, я оказался пленником **тех** разгневанных мавров в Тунисе.

*Messer Giannino. <...> spendere tutti **quegli** anni che mi restano per amor suo...* [Piccolomini, 1912: 25] / Мессер Джаннино. <...> потратить все **те** годы, которые мне остаются, ради её любви...

*Messer Giannino. Mio padre, recatevi alla memoria **quelli** anni vostri più giovani e m'avrete per iscusato.* [Piccolomini, 1912: 108] / Мессер Джаннино. Отец мой, воскреси в памяти **те** годы, когда ты был молод, и ты меня простишь.

*Ippolito. <...> e per **quelli** intrichi che in simili casi sogliono sempre avvenire.* [Parabosco, 1546: 50] / Ипполито. <...> и за **те** интриги, которые в таких случаях привычно случаются.

Как на современном этапе развития языка, так и в репликах героев комедий XVI века местоимение *ciò* в конструкциях вроде «*tutto ciò*» довольно активно заменяется указательными местоимениями *questo/quello* (в полных и усеченных формах):

Coccolina. <...> *E voglio fare tutto quello, che vuoi...* [Lanci, 1583: 60] / Кокколина.

И я хочу делать **всё то**, что хочешь ты.

Mastica. <...> *vuò la parte di tutto quel che si porta à tavola...* [De Fornaris, 1607, 60]

/ Мастика. Хочет **всего**, что подаётся к столу.

Lattanzio. *Qui, signor capitano, è gittato tutto quel che si parla de accordo...*

[Piccolomini, 1912: 103] / Латтанцио. Здесь, господин Капитан, не учитывается **всё то**, что говорится о договоре.

Вывод по разделу 3.1.

Таким образом, рассмотренные и систематизированные контексты дают основание полагать, что проанализированные явления, касающиеся использования личных и дейктических местоимений (употребление *lui, lei* и *loro* в синтаксической роли подлежащего; использование *te* вместо *tu*; двойной дательный; безударное косвенное местоимение *gli*, способное заменять ударные конструкции с личными местоимениями мужского и женского рода единственного и множественного числа *a lui, a lei, a loro*; упрощение трёхчастной системы указательных местоимений; замена местоимения *ciò* указательными *questo/quello* и распространение усечённых форм *'sta* и *'sto*), не являются инновативными для современного этапа развития итальянского языка, но описываются уже в первых грамматиках итальянского языка, а также активно употребляются в текстах комедий, имитирующих спонтанную устную речь

Нельзя не отметить неоднородность проанализированных явлений, обусловленную региональными особенностями. Нагляднее всего это наблюдается при рассмотрении феномена, наиболее прочно вошедшего в итальянский язык на современном этапе (а именно – использования местоимений *lui, lei* и *loro* в функции подлежащего): так, в комедиях северных авторов этот феномен практически не

наблюдается – в 100% случаев подлежащим выступает *ella* вместо *lei*, а процент использования *lui* в заявленной функции не превышает 5% в комедиях Азиани и Парабоско. Комедиографы с юга и из центра обращаются к *lui* и *lei* в роли подлежащего значительно чаще: от 19% (как у Бруно) до 33% (как у де Форнариса) для *lui* и от 17% (как у Бело) до 44% (как у Бруно) для *lei*. Любопытно, что у римлянина Франческо Бело и неаполитанца Джордано Бруно употребление *lui* и вовсе превалирует над *egli*, составляя более 60% контекстов от общего количества случаев выражения значения 3 лица единственного числа мужского рода при помощи местоимения.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что рассмотренные диалектальные черты являются субстандартом по отношению к итальянскому языку не только в синхронии (то есть при рассмотрении языковой системы комплексно, но без учёта изменений во времени – в том состоянии, в котором язык представлен в отдельно взятый исторический период), но и в диахронии (то есть при рассмотрении языка или при анализе функционирования отдельно взятого явления в динамике, в процессе исторического развития итальянского языка).

3.2. Инновации в глагольной системе¹⁰

Помимо изменений в системе местоимений, на современном этапе итальянского языка также отмечается ряд инноваций в глагольной системе, в частности, это феномен временной транспозиции, а именно – использование одной языковой формы в функции другой.

Данное явление становится возможным из-за того, что грамматическая форма обладает не только исходным генетическим значением, но и функциональным, приобретаемым в процессе речевого употребления. Транспозицией является использование грамматической формы в функциональном значении, отступающем от генетического. При этом в случае, когда функциональное значение никак не соотносится с генетическим, транспозиция достигает предельной степени. Именно предельная временная транспозиция активно проникает в современный итальянский язык в ситуациях повседневного общения, постепенно приближаясь к нормативному закреплению.

В ситуациях повседневной коммуникации употребляются преимущественно настоящее время (*Presente Indicativo*), простой (*Passato Remoto*) или сложный (*Passato Prossimo Indicativo*) перфект, имперфект (*Imperfetto Indicativo*) или же предпрошедшее время (*Trapassato Prossimo Indicativo*) [Berruto, 2017: 41]. Эта тенденция приводит к тому, что спектр функций каждого из перечисленных времён расширяется по причине необходимости замещения всего ряда глагольных форм, которым обладает *italiano standard*. Однако аналогичные контексты реализации вторичных функций глагольных времён частотны уже в текстах комедий XVI века.

3.2.1. Настоящее время

Так, *Presente* постепенно вытесняет *Futuro*, начиная употребляться в значении ближайшего будущего времени, которое с высокой долей вероятности произойдёт:

¹⁰ Часть материалов данного параграфа была использована при подготовке статьи Кутеко Д.А. Реализация вторичных функций времён в комедиях итальянских авторов XVI века // СибСкрипт. 2023. №26 (4). С. 500-508.

Prudenzio. Andiamo all'ospizio, idest in domo... <...> Malfatto. Ecco, io vengo [Belo, 1912: 108] / Пруденцио. Пойдём в убежище, то есть в дом... <...> Мальфатто. Точно, я **пойду**.

Trappolino. Oh patrone! Perdonateme; adesso vengo [Belo, 1912: 100] / Трапполино. О хозяин! Простите меня; сейчас **я приду**.

Fulvia. Buon giorno e buon anno. Che dici tu, Rita, adesso? [Belo, 1912: 101] / Фульвия. Хороший день и хороший год. А что ты **теперь скажешь**, Рита?

Rufino. Adesso vengono a aprire. [Belo, 1912: 144] / Руфино. Сейчас **придут** открыть.

Pilastrino. <...> Non uscir di casa. Torno con lui stasera. [Ricchi, 1912: 185] / Пиластрино. <...> Не выходи из дома. **Я вернусь** с ним сегодня вечером.

Часто подобное употребление сопровождается прагматикой повелительного наклонения и такими временными маркерами, как *poi* (потом) или *subito* (немедленно):

Pedante. Flamminio, due verbicule; e poi ti do plenaria licenzia... [Dolce, 1912: 219] / Педант. Фламминьо, два глагольчика; а **потом** я дам тебе полную свободу...

Lattanzio. <...> Com'io son nella via di San Martino, subito mi spari dinanzi [Piccolomini, 1912: 86] / Латтанцио. <...> Как я буду на улице Сан Мартино, ты **сразу** в меня выстрелишь.

Кроме того, крайне употребительно использование настоящего времени для обозначения прошедшего с целью актуализации уже случившихся фактов: так называемое «прошедшее аффекта», служащее для эмоциональной актуализации выражения оттенков чувств (в первую очередь – удивления или раздражения).

Aridosio. Oimè! Che sento io? Che cosa è questa? [Medici, 1912: 148] / Аридозьо. Боже! Что же я **слышу/услышал**? Что же это?

Girifalco. Uimei! Che sento? E mi bisognerà mettere ai piedi i ferri con i chiodi? [Ricchi, 1912: 210] / Ах, что я **слышу/услышал**? И мне придётся обуть туфли с гвоздями?

Степень смысловой и фактической связи настоящего времени с прошедшим является довольно высокой, поэтому *Presente* может также указывать на действие, начавшееся в прошлом, но завершаемое непосредственно в момент речи, и в этом случае называется «*presente inclusivo*» (дословно «настоящее включённое»):

Pasquella. Oh! Buon dì, Giglio. Io vengo dalla messa. E tu dove vai? [Accademia degli Intronati, 1912: 340] / Паскуэлла. О! Доброго дня, Джильо. Я **иду** со службы. А ты куда идёшь?

Lucido. Tuo padre viene e sarà adesso adesso qui. [Medici, 1912: 146] / Лучидо. Твой отец **идёт** и будет вот-вот здесь.

К важным функциям *Presente* относится нейтрализация: немаркированная форма времени употребляется для общеизвестных сентенций, характеризующихся безотносительностью к какому-либо временному промежутку и остающихся актуальными как в прошлом, так и в настоящем или в будущем. Нередко подобное употребление встречается в афоризмах, в философских (или псевдофилософских) рассуждениях:

Frulla. Ed io mi maraveglia di voi, gentiluomini. Quando c'è de la robba assai, l'uomo può mangiar quel poco o quel molto che gli piace; il che del poco non accade. Poi, come l'uomo comincia, l'appetito cresce e bisogna empirsi il corpo di pane. [Accademia degli Intronati, 1912: 357] / Фрулла. Я поражаюсь вам, благородные господа. Если еды в достатке, человек **может съесть** много или мало – сколько ему **хочется**, чего **не происходит**, когда еды мало. И потом, как человек **начинает**, аппетит его **растёт**, и **нужно наполнять** желудок хлебом.

Можно заключить, что *Presente Indicativo* как в *italiano neostandard*, так и в текстах комедий XVI века употребляется в значении не только настоящего, но и прошедшего и будущего времён, а также с целью нейтрализации для указания на безотносительные к какому-либо временному периоду действия.

3.2.2. Будущее время

Синтетическая форма будущего времени в итальянском языке, как и во многих других романских языках, произошла от латинской перифразы «*habeo+infinito*» (то есть «*avere (da) infinito*»), которая в вульгарной латыни начала заменять существовавшие синтетические формы. Изначально перифраза имела модальное деонтическое значение и указывала на необходимость, обязательство, долженствование выполнения какого-либо действия [Алисова, 2005: 33]. Возможно, переосмысление основного значения этого времени, происходящее на данном этапе, в большей или меньшей степени обязано своим появлением именно первоначальной функции перифразы, которое в процессе развития языка, безусловно, стало значительно шире.

Так, в примерах с Futuro из текстов «учёных комедий» возникает оттенок предположения, неуверенности:

Spela. Questa non sarà febbre, ma scemamento di cervello... [Accademia degli Intronati, 1912: 330] / Спэла. **Должно быть**, это не лихорадка, а помутнение рассудка...

Le brache saran pur le sue [Accademia degli Intronati, 1912: 338] / Штаны-то её **будут**;

Capitano. Non ho ancor aperta la lettera, ma che ti pensi, sarà qualcheduno, che non ritrova strada... [Asiani, 1588: 22] / Капитан. Я ещё письмо не открыл, но что ты думаешь, **вероятно, будет кто-нибудь**, кто не находит дорогу...

Futuro употребляется для указания на действие или факт, в достоверности которого есть сомнения, и, таким образом, у времени появляется эпистемическая модальность, что особенно применительно к Futuro Anteriore:

Pilastrino. <...> penso che questo sarà stato medicina a farli uscir l'amor da le calcagna [Ricchi, 1912: 250] / Пиластрино. <...> **думаю**, избавило его от любви-то, **наверное**, лекарство.

Аналогичное значение сохраняется не только в активном, но и в пассивном залоге и усиливается лексическими маркерами вроде «forse» (может быть):

Marco. <...> Risposi: saranno forse segnate, che voi le conoscerete [Bruno, 1863: 70] / Марко. <...> Ответил: **возможно, они будут помечены**, так вы их узнаете.

Кроме того, у будущего времени нередко появляются дополнительные оттенки значения. Это может быть:

- уступка (futuro concessivo):

Aridosio. Mi pagheranno pure e' danni che m'hanno fatti in casa; e non arò andar drieto a lor promesse. [Medici, 1912: 167] / Аридозо. Пусть они мне и **заплатят** за ущерб, который причинили моему дому, но я не буду выполнять обещания.

- волеизъявление и желание (futuro volitivo):

Marcantonio. Qui sta el punto. Tu sai che gli è più fatica cavar danari di mano a Aridosio che tórre la clava a Ercole. Pure proverrò, oggi che io ho buona mano a far parentadi. [Medici, 1912: 197] / Маркантонио. Так вот в чём дело. Ты знаешь, что у Аридозо отобрать деньги сложнее, чем дубинку у Геркулеса. И всё же **я попробую**, тем более что сегодня мне везёт.

- вежливость, психологическая дистанцированность (futuro attenuativo):

Giulio. I' vi dirò il vero, Fazio: io dubito che vo' non siate in voi. [D'Ambra, 1912: 411] / Джулио. **Скажу честно**, Фацио: сомневаюсь, что хочу, чтобы вы были таким.

Часто Futuro Semplice заменяет повелительное наклонение, выражая достаточно категоричный приказ (futuro deontico), таким образом, Futuro продолжает выражать долженствование, как происходило в исходном значении перифразы, от которой образовалась данная глагольная форма:

Agnoletta. Tu non verrai, poi. [Piccolomini, 1912: 60] / Аньолетта. И потом, **ты не пойдёшь**.

Agnoletta. Ne la mia cantina non verrete voi più; né mai avere' stimato ricever questo da voi. [Piccolomini, 1912: 29] / Аньолетта. Ко мне **вы больше не придёте**, да и никогда мне этого от вас и не надо было.

Lucido. Venite adesso a mangiare. Poi li farete bandire, dire in pergamo, all'altare. [Medici, 1912: 176] / Лучидо. А сейчас идите есть. Потом вы **загоните** их, скажем, на кафедру, к алтарю.

Но наметившиеся тенденции пока не отличаются регулярностью: например, по-прежнему встречаются контексты, где Futuro употребляется в своём основном значении для выражения действия, которое должно произойти в будущем (независимо от степени уверенности в его реализации):

Lidio femina <...> Or che farò io, meschina Santilla? <...> Se io sposo costei, subito conoscerà che io femina e non maschio sono [Dovizi, 1912: 35] / Лидио-женщина <...> Что же сейчас мне делать, бедняжке Сантилле? <...> Если я женюсь на ней, она сразу же **узнает**, что я не мужчина, а женщина.

Кроме того, переосмысляются способы передачи значения процессуальности: перифраза «stare+герундий», активно употребляющаяся сейчас в ситуациях неформального общения, ещё не существовала в XVI веке, но её функции выполняли конструкции «stare+a+infinito» и «andare+gerundio», довольно часто встречающиеся в текстах комедий:

Rufino. State a udire [Belo, 1912: 121] / Руфино. **Приготовьтесь слушать**.

Ascanio. <...> Ma che sto a perder tempo? [Castelletti, 1585: 52] / Асканио. <...> Но разве **я собираюсь терять время?**

Stragualcia. <...> Che diavolo andate intrigando? [Accademia degli Intronati, 1912: 358] / Страгуалча. <...> Какого дьявола вы тут **затеваете?**

Timoteo. Che andate voi facendo? [Machiavelli, 1959: 28] / Тимотео. Что **вы делаете?**

Основываясь на проанализированных контекстах, можно сделать вывод, что простое будущее время, образованное из латинской перифразы, уже в комедиях XVI века обладает достаточно широким рядом дополнительных функций: прежде всего, приобретает значение эпистемической модальности, способствуя выражению неуверенности, кроме того, *Futuro Semplice* употребляется со значениями уступки, волеизъявления, психологической дистанцированности, и, конечно, в соответствии с исходным значением перифразы, долженствования.

3.2.3. Прошедшее время

В глагольной системе прошедшего времени явление транспозиции коснулось имперфекта (*Imperfetto Indicativo*) и сложного перфекта (*Passato Prossimo Indicativo*), поскольку именно эти времена активнее всего употребляются в ситуациях неформальной коммуникации.

Следует отметить особое положение простого перфекта (*Passato Remoto*), использование которого характерно для южных диалектов, однако как в *italiano standard*, так и в *italiano neostandard* и в ситуациях повседневного общения, и в более высоких речевых регистрах заменяется сложным перфектом. В связи с чем практически не употребляется и *Trapassato Remoto*, обозначающее предшествование действию, выраженному *Passato Remoto*, а значение плюсквамперфекта передаёт *Trapassato Prossimo* или же, как будет указано далее, *Imperfetto Indicativo*.

Среди прошедших времён наиболее радикальное переосмысление функций происходит именно применительно к *Imperfetto Indicativo*, поскольку у имперфекта появляется довольно много дополнительных значений.

Imperfetto начинает использоваться при вежливой просьбе (так называемый *imperfetto di cortesia* – имперфект вежливости):

Malfatto. Volevo toccare un po' qua dentro [Belo, 1912: 103] / Мальфатто. **Я бы хотел** потрогать немного тут внутри.

Malfatto. Volevo stare con tecc abbracciato [Belo, 1912: 135] / Мальфатто. **Я хотел бы**, чтобы меня обняли.

- в условных периодах 3 типа, замещаая Congiuntivo Trapassato и Condizionale Composto:

Agnoletta. <...> Ma ti so ben dire che noi donne, se non ci veniva il marchese a fargli andar via, a longo andare ci capitavamo male [Piccolomini, 1912: 119] / Аньолетта. <...> Но я могу тебе точно сказать, что **мы**, женщины, **если бы не пришел** маркиз и не прогнал нас, явно **бы не поладили**.

Valerio. <...> se io la prendeva per te, mi poteva render sicuro che, succedendo lo effeto, ne sarebbero derivati molti beni, fra li quali quello del matrimonio non mi pare il minore. [Dolce, 1912: 224] / Валерио. <...> **сделай я** это для тебя, **был бы уверен**, что в случае, если это подействует, принесёт множество благ, среди которых свадьба не последнее.

- при выражении будущего времени в прошедшем (эту функцию в italiano standard имеет Condizionale Composto):

Marchetto. <...> E subito cominciò, con tante bravarie, con tanti squartamenti, a minacciare che voleva venire a liberare e' prigionieri... [Piccolomini, 1912: 85] / Маркетто. <...> И тотчас же начал так рьяно угрожать, что **придёт освободит** тюрьмы.

- и даже для выражения желательности в будущем времени:

Clemenzia. Son più di quindici giorni. Oggi volevo andarla a vedere. [Accademia degli Intronati, 1912: 321] / Клеменция. Я здесь более пятнадцати дней. Сегодня **я хотела пойти увидеть её**.

Заслуживающей внимания представляется также передача с помощью Imperfetto Indicativo значений, близких к плюсквамперфекту, обозначающих предшествование по отношению к другим действиям в прошлом. Данный феномен в большей степени характерен для предельных глагольных предикатов, а именно – таких глаголов, в семантику которых входит указание на завершение процесса, после чего становится невозможным его развитие или же продолжение ситуации, что следует учитывать при переводе, выбирая между совершенным и несовершенным видом глагола в русском языке:

Tiberio. <...> Se tu sapessi el dispiacere ch'io avevo quando io sentivo la voce d'Aridosio! Avevo quasi più paura di lui che lui di noi. [Medici, 1912: 165] / Тиберио. <...> Если бы ты знал разочарование, которое я испытал, когда **услышал** голос Аридозо! Я боялся его почти что больше, чем он нас.

Таким образом, помимо своего основного инфективного значения, Imperfetto обладает рядом прагматических значений, проявляющих себя контекстуально. Так, имперфект передаёт дополнительный оттенок вежливости, заменяет Congiuntivo Trapassato и Condizionale Passato в условных периодах третьего типа, выражает значение будущего в прошедшем, модальное значение желательности в будущем времени и в некоторых контекстах оказывается тождественен плюсквамперфекту.

Если сравнивать с Imperfetto, в употреблении Passato Prossimo произошло значительно меньше изменений, однако можно отметить, что в ситуациях повседневного бытового общения Passato Prossimo Indicativo замещает Futuro Anteriore:

Fulvia. Raccomandagli questa cosa. E torna presto.

Samia. Subito che l'ho trovato. [Dovizi, 1912: 53] /

Фульвия. Посоветуй ему это. И возвращайся скорее.

Самиа. Сразу же, как только его найду.

3.2.4. Сослагательное наклонение

В использовании наклонений, конечно, особое место занимает сослагательное наклонение: необходимость употребления Congiuntivo и по сей день вызывает полемику, а порой трудности даже у носителей итальянского языка. Единое представление о правильном и неправильном употреблении (или неупотреблении) конъюнктива в речи отсутствует. Так, обозреватель газеты «Corriere della sera» Джорджо де Риенцо называет Congiuntivo «крестом и наслаждением», а лингвист Франко Фоки – «сокровищем глагольной системы». Любопытно сравнение конъюнктива с «вилкой для устриц»: с одной стороны, это очень изысканная форма языка, доступная немногим, однако, с другой стороны, «даже любители устриц теперь обходятся самой обычной вилкой» [Титова, 2007: 104].

В латыни конъюнктив оказался перегруженным по причине широкого спектра значений, выражаемых этим наклонением, поэтому в романских языках появился кондиционал. Однако на данном этапе развития итальянского языка не

подлежит сомнению общая тенденция замещения и вытеснения конъюнктива индикативом, воспринимаемая ранее исключительно как южная черта. Выбор наклонения, как правило, обусловлен прагматикой высказывания: чем выше степень уверенности говорящего в сообщаемой информации, тем вероятнее использование индикатива [Cerruti, Crocco, Marzo, 2017: 212]. Аналогичный вывод можно сделать и применительно к комедиям XVI века.

Так, вместо *Congiuntivo* в придаточных, выражающих личное мнение и вводимых союзом «*che*» после глаголов субъективного восприятия (таких, как «*credere*» (полагать), «*pensare*» (думать), «*bastare*» (быть достаточным), «*sperare*» (надеяться), «*dubitare*» (сомневаться) и т.д.), начинают использоваться почти все времена *Indicativo*.

- *Presente Indicativo*:

Giovanni Bernardo. Olà, olà, ritiratevi, ritiratevi! chè credo, che messer Bonifacio viene [Bruno, 1863: 110] / Джованни Бернардо. Ну же, эй, отступайте, отступайте! Потому что, думаю, что господин Бонифачо идёт.

Fabrizio. Basta che questa terra mi piace assai [Accademia degli Intronati, 1912: 354] / Фабрицио. Достаточно того, что это место мне нравится.

- *Imperfetto Indicativo*:

Sguazza. <...> Basta che la conclusione era che tutta la colpa rivolta adosso a Lucrezia [Piccolomini, 1912: 24] / Сгуацца. <...> Достаточно того, что решением было возложить всю вину на Лукрецию.

- *Futuro Anteriore Indicativo*:

Vergilio. Se gli è così, dubito che cotesto Lorenzino ci arà fatto su disegno per sé [Piccolomini, 1912: 50] / Вергилио. Если так, то сомневаюсь, будто бы этот Лоренцино сделал по рисунку для себя.

- и даже *Passato Remoto*:

Messer Ligdonio. <...> ma no importa: basta che fu una de quille dello tempo antico de' romani [Piccolomini, 1912: 66] / Мессер Лигдонио. <...> но неважно: достаточно, что она была одной из тех, кто жил в древнеримские времена.

Значения будущего времени в такого рода дополнительных придаточных чаще всего выражаются с помощью *Futuro*:

Grappa Parasito. E poi ti pensi, che le genti hormai di ciò avvertite, vorranno, come tu dici gettarli i presenti nelle spalle? [Asiani, 1588: 20] / Граппа Парасит. И потом ты думаешь, что люди, которые уже предупреждены об этом, захотят, как ты говоришь, взвалить присутствующих на плечи?

Scaramure. Signor no; se V.S. ascolta, spero che mi esaudirà [Bruno, 1863: 128] / Скарамурэ. Господин, нет; если Ваша Светлость послушает, надеюсь, что меня услышит.

Fessenio. <...> sì che temo che a Santilla oggi andar non potrai [Dovizi, 1912: 24] / Фессенио. <...> да, боюсь, что сегодня пойти к Сантиле не сможешь.

Нередко для выражения неуверенности в подобных случаях использования индикатива появляются лексические маркеры (например, «forse»):

Fannio. Non te disperare, ché forse e' cieli non te abbandoneranno [Dovizi, 1912: 36] / Фаннио. Не отчаивайся, так что, возможно, небеса тебя не оставят.

Иногда это сопровождается плеонастическим союзом «che», не вводящим придаточное предложение, но выполняющим эмфатическую функцию и роль текстового коннектора (данный феномен получил название «che polivalente», подробнее он будет рассмотрен в разделе 3.3.2.):

Messer Cesare. Forse che la mia somma disgrazie sarà finita in somma ventura... [Dolce, 1912: 284] / Мессер Чезаре. Возможно, что моё величайшее несчастье обернётся величайшей удачей.

Аналогичным образом индикатив вместо конъюнктива употребляется при косвенном вопросе (по правилам italiano standard, подобные контексты требуют Congiuntivo):

Pedante. Ditemi, di grazia, come la cosa sta [Accademia degli Intronati, 1912: 386] / Педант. Скажите мне, ради Бога, как обстоят дела.

Polinico. <...> E sai tu come ell'è? [Dovizi, 1912: 17] / Полинико. <...> А ты знаешь, какая она?

Lelia. <...> Flamminio mi voltò gli occhi adosso e molto cortesemente mi domandò se alcuna cosa domandavo e d'onde io era. [Piccolomini, 1912: 327] / Лелия. <...> Фламминию посмотрел на меня и очень любезно спросил, не задавала ли я вопросов и откуда я.

Lucido. A dirvi il vero, mi mandava a saper s'ella voleva niente. [Medici, 1912: 133] / Лучидо. Сказать по правде, меня отправили узнать, не хочет ли она чего-нибудь.

и при инверсии:

Fessenio. <...> Ma, trovato che è una fanciulla, tutti si sono rasserenati [Dovizi, 1912: 17] / Фессенио. <...> Но, обнаружив, что она девочка, все успокоились.

Впрочем, примеры с использованием *Congiuntivo* тоже встречаются. Независимо от периода написания комедии и родного автору региона, все времена наклонения активно употребляются в придаточных, вводимых союзом «*che*» после глаголов чувственного восприятия и волеизъявления – таких, как «*temere*» (бояться), «*volere*» (хотеть), «*desiderare*» (желать) и др.

Congiuntivo Presente:

Siro. <...> Ma non voglio che mai per mezzo mio faccia tal roffiana [Ricchi, 1912: 187] / Сиро. <...> Но я не хочу, чтобы с моей помощью так шутили.

Ruffo. <...> Non voglio che con voi mi veda [Dovizi, 1912: 64] / Руффо. <...> Я не хочу, чтобы с вами меня видели.

Congiuntivo Passato Prossimo:

Messer Giannino. Perch'io dubito che questo vecchiaccio non abbia sempre avuto in animo di godersi Lucrezia lui [Piccolomini, 1912: 82] / Мессер Джаннино. Потому что я сомневаюсь, что тот старик в глубине души не хотел всегда сам насладиться Лукрецией.

Congiuntivo Imperfetto:

Malfatto. Be', io volevo che facessi l'imbasciata a quel compagno [Belo, 1912: 147] / Мальфатто. Ну, я хотел, чтобы ты нанёс визит тому товарищу.

Ed io, per questo solo, desiderava che pigliassi seco pratica... [Ricchi, 1912: 240] / И мне лишь поэтому хотелось, чтобы ты со мной поднаторел.

Congiuntivo Trapassato Prossimo:

Filocrate. <...> Dio volesse che non ci avesse visto! [Ricchi, 1912: 195] / Филократ. <...> Дай Бог, чтобы он нас не увидел!

Исключительно сослагательное наклонение (при этом важны времена – только *Congiuntivo Imperfetto* или *Congiuntivo Trapassato Prossimo*) используется в модальных придаточных после союза «*come se*»:

Scatizza. <...> tutte si facevan beffe del fatto mio, come se io fusse stato un zugo melato [Accademia degli Intronati, 1912: 333] / Скатицца. <...> Все высмеивали мои дела, будто я дурак набитый.

Caterina sola. <...> *Egli mi vorrà isquartare: come se io n'avessi tutta la colpa, di questo fatto!* [Dolce, 1912: 259] / Катерина одна. <...> Он меня четвертовать захочет: **будто бы** на мне все вина в этом.

Fessenio. <...> *Come se noi non cognoscessimo questo ipocrito poltrone!* [Dovizi, 1912: 17] / Фессенио. <...> **Будто мы не знали** этого лицемера!

и во временных придаточных после союза «prima che»:

Valerio. <...> *Ritorna, prima che il tuo padre se ne accorga...* [Dolce, 1912: 262] / Валерио. <...> Возвращайся, **прежде чем** это заметит твой отец.

Fileno. <...> *A te verrà come al villanel suole, che, per cogliere il mele ai nidi d'api, si ferma sì che, prima che si parta, guasto n'ha malamente gli occhi e 'l volto* [Ricchi, 1912: 294] / Филено. <...> Он придёт к тебе, как и бывает с крестьяночкой, которая останавливается, чтобы собрать мёд из ульев, так что, **прежде чем она уйдет**, её глаза и лицо искусаны.

Ruffo. <...> *Ed in casa sua me n'entro prima che qui arrivi colui che in qua viene* [Dovizi, 1912: 22] / Руффо. <...> И я войду в дом, **прежде чем придёт** тот, кто туда направляется.

Однако это наклонение в гораздо большей степени встречается в речи представителей высших слоёв общества, имеющих образование, и почти не употребляется слугами – разве что изредка в беседах со знатью. Таким образом, использование конъюнктива или индикатива говорит об уровне образованности персонажа и является ярким средством речевой характеристики героев комедий.

Как и на современном этапе, в Periodo Ipotetico II типа продолжает использоваться Congiuntivo Imperfetto наряду с Condizionale Presente:

Sanguino. <...> *Tu sei qualche ignorante: se fussi dotto, non saresti mariuolo* [Bruno, 1863: 101] / Сангуино. <...> Неуч ты какой-то: будь ты образованным, не был бы злодеем.

Кроме того, условный период III типа пока ещё гораздо более употребим с Congiuntivo Trapassato Prossimo в придаточном предложении и Condizionale Composto в главном (несмотря на наличие примеров с использованием Imperfetto Indicativo в обеих частях, которые приведены выше):

Barro. *Se lei avesse detto una volta no, io non arei più parlato, facendo rimaner la cosa così* [Bruno, 1863: 55] / Барро. **Если бы она** хоть раз сказала нет, **я бы** больше не заговорил, оставив всё как есть.

Pilastrino. <...> Chi non gli avesse fatto un tale scherzo, non avria mai imparato in questo mondo come si vive, quell'uomo di legno [Ricchi, 1912: 250] / **Не пошутит** так над ним, **он** никогда **бы не научился**, как жить в этом мире, глупец.

В связи с чем наиболее близкой реальному состоянию итальянского языка на данный момент представляется точка зрения Гаэтано Берруто, который не пишет ни о так называемой «смерти» сослагательного наклонения и движении к полному его исчезновению, ни о его широком распространении в придаточных предложениях, но отмечает опциональность употребления *Congiuntivo*. Это значит, что обязательность его употребления сменяется индивидуальным выбором говорящего, самостоятельно принимающего решение об использовании или не использовании наклонения в речи, ориентируясь на собственный вкус и степень субъективности высказывания: чем она выше, тем выше вероятность появления глагольных форм в *Congiuntivo* [Berruto, 2017: 42].

3.2.5. Залог

В современном итальянском языке намечается тенденция замещения пассивного залога активным. В проанализированных комедиях происходит то же самое, пассивный залог практически не используется, однако частотны контексты употребления *si passivante* (то есть конструкции с *si* и переходным глаголом, позволяющей образовать неопределённо-личное предложение):

Gherardo. Fa' adunque, Virginio, se desideri in questa cosa farmi piacere, come hai detto, che quanto più presto sia possibile si facciano queste benedette nozze [Accademia degli Intronati, 1912: 317] / Герардо. Так сделай же так, Вирджинию, чтобы эта благословенная свадьба **состоялась** как можно быстрее, если, как ты сказал, хочешь угодить мне в этом деле.

Messer Consalvo. <...> Vediam più presto di mandar per qualche medico e vedere se si trovasse rimedio alla bevanda [Piccolomini, 1912: 113] / Мессер Консальво. <...> Постараемся как можно скорее послать за каким-нибудь доктором и посмотрим, **есть ли** лекарство от напитка.

а также *si impersonale* (а именно – конструкции с *si*, позволяющей построить «безличное предложение с глаголом любого структурного типа, помимо безактантных – *piovere, nevicare* и т.п.):

Marchetto. Mi par che, la prima cosa, si debbi dare spaccio a quei prigioni [Piccolomini, 1912: 85] / Маркетто. Мне кажется, что первым делом **нужно** освободить тех узников.

3.2.6. Согласование по смыслу

Другая тенденция, получившая широкое распространение на современном этапе и нашедшая отражение в текстах итальянских комедий XVI века, – так называемое согласование по смыслу, которое заключается в рассогласовании субъекта и предиката по числу. Иными словами, согласование по смыслу заключается в нарушении грамматических правил, которые регулируют согласование изменяемых частей речи: важнее становится не синтаксическое построение предложения, а лексическое значение (смысл). Этот феномен не входит в норму *italiano standard*, однако характеризует итальянский разговорный язык на текущей стадии развития. Можно выделить две основные разновидности согласования по смыслу в зависимости от того, какой член предложения становится смысловым ядром и требует согласования зависимых членов.

Во-первых, при наличии подлежащего в форме единственного числа и составного именного сказуемого, в состав которого входит местоимение или существительное в форме множественного числа, от которого зависит определительное придаточное. В случае согласования по смыслу глагол в придаточной части согласуется не с местоимением или существительным, от которого фактически зависит, но с логическим субъектом — подлежащим; то есть в примере *Mirella è una di quelle che sanno sempre come cavarsela* (Мирелла — одна из тех девушек, которые всегда умеют выкрутиться) происходит грамматическое согласование, а в примере *Mirella è una di quelle che sa sempre come cavarsela* (Мирелла — одна из тех, кто всегда умеет выкрутиться) происходит согласование по смыслу.

Во-вторых, при наличии собирательного существительного в форме единственного числа (например, *la maggioranza* — большинство, *un gruppo* — группа, *un centinaio* — сотня и т.д.), у которого есть зависимое слово в форме множественного числа, возможно согласование по смыслу не с фактическим подлежащим (т.е. собирательным существительным), но с логическим субъектом (т.е. зависимым существительным в форме множественного числа). Таким образом, в примере *Al matrimonio c'era un centinaio di invitati* (На свадьбе **была сотня приглашенных**) происходит грамматическое согласование, а в примере *Al matrimonio c'erano un centinaio di invitati* (На свадьбе **были сотня приглашенных**) — согласование по смыслу.

Исследователи отмечают, что такая разновидность согласования частотна в журналистике [Berruto, 2017: 45], что свидетельствует о постепенном проникновении данного феномена в норму современного итальянского языка. Впрочем, следует отметить длительную историю бытования согласования по смыслу в итальянском языке: так, подобные примеры можно обнаружить в текстах «учёных комедий». В рассмотренных текстах данный феномен чаще всего проявляется в употреблении глаголов в форме 3 лица единственного числа в значении множественного числа:

Pasquella. <...> **quanti ne venne mai di Spagna!** [Accademia degli Intronati, 1912: 394] / Паскуэлла. <...> уж **сколько их приезжало** из Испании!

Pasquella. <...> mi **mancherà delle corone**... [Accademia degli Intronati, 1912: 395] / Паскуэлла. <...> мне **будет не хватать венков**...

Вывод по разделу 3.2.

Таким образом, в комедиях XVI века можно выделить контексты, в которых происходит временная транспозиция, что созвучно тенденции к упрощению глагольной системы на современной стадии развития итальянского языка: многие времена и наклонения (например, Passato Remoto или все времена Congiuntivo), как это отмечает Г. Берруто, оказываются практически неупотребительными в

ситуациях повседневной коммуникации или же выполняют функцию стилистически не нейтральных маркеров, характеризующих формальные речевые регистры. В то же время потребность выражать традиционно передаваемые ими значения остаётся, что приводит к расширению спектра функций других, более употребительных в ситуациях неформального общения, времён. Следствием данного процесса в конечном итоге вполне вероятно может стать переосмысление временных значений и полная замена одних глагольных форм другими во всех речевых регистрах.

Проведённый анализ текстов комедий итальянских авторов XVI века подтверждает, что говорить об инновативном статусе этой тенденции не вполне корректно, поскольку речь персонажей комедий уже изобилует примерами реализации вторичных функций времён, которые полностью соответствуют происходящим на нынешнем этапе процессам: настоящее время всё чаще употребляется в значении ближайшего будущего, заменяя *Futuro*; ряд функций *Futuro Semplice* и *Futuro Anteriore* сужается до выражения неуверенности в возможности совершения действия; имперфект используется наравне с *Condizionale* в вежливых просьбах, а также в условных предложениях 3 типа (зачастую вместе с *Congiuntivo Trapassato*, начиная употребляться в обеих частях предложения); индикатив постепенно занимает место конъюнктива в дополнительных придаточных, при косвенном вопросе и инверсии главной и придаточной частей; намечается общая тенденция использования активного залога вместо пассивного; встречаются контексты употребления согласования по смыслу.

Тем не менее, отсутствие систематичности проанализированных феноменов в комедиях авторов южной, центральной и северной Италии даёт основание говорить скорее о наметившихся тенденциях (хотя, как можно судить ретроспективно, впоследствии и получивших развитие), нежели о регулярных явлениях. Причём реплики, в которых они содержатся, принадлежат преимущественно представителям низших сословий (или же представителям высших сословий, однако только в ситуациях общения со слугами!), являясь

средством речевой характеристики персонажей: «неправильным», отличным от нормативного, использованием времени или наклонения подчёркивается минимальный уровень или отсутствие образования героя. Слуги и паразиты коммуницируют, максимально упрощая свою речь, зачастую пренебрегая согласованием по времени или числу и избегая сложных конструкций.

3.3. Особенности употребления служебных частей речи

Служебными частями речи являются слова и группы слов, у которых нет самостоятельного лексического значения, их функция – связывать слова и части предложения или же передавать эмоциональные и смысловые оттенки. Они не изменяются, не являются членами предложения, к ним невозможно задать вопросы. Перечисленные характеристики данного класса слов делают их особенно употребительными в ситуациях повседневной коммуникации, а потому анализ их функционирования представляется важным в контексте проводимого исследования.

К служебным частям речи в итальянской традиции относят артикли, предлоги и союзы. Предлоги в романских языках по сравнению с латынью изменились преимущественно фонетически, не претерпев других серьёзных изменений. Подобным образом инновативные для *italiano neostandard* тенденции не затронули эту часть речи, поэтому контексты с предлогами и предложными конструкциями в комедиях XVI века не стали предметом исследования.

Следует особо отметить, что, несмотря на наличие термина «*particella grammaticale*», в итальянском языке среди частей речи отсутствует частица. *Ci* и *ne*, о которых пойдёт речь в данной главе, будет правильнее относить к местоимениям или наречиям в зависимости от их контекстуального значения. Однако для облегчения понимания и во избежание громоздкости формулировок вслед за авторами многих учебников (в частности, Т. Буэно и Е. Грушевской [Буэно, Грушевская, 2014: 110]) здесь и далее *ci* и *ne* будут называться частицами.

Следующие параграфы будут посвящены функционированию союзов и местоименных частиц *ci* и *ne* – именно они обеспечивают логику коммуникации, способны изменять эмоциональную окраску высказывания, а также отсылать к контексту. Перечисленные задачи чаще всего возникают в ситуациях неформального общения, а потому союзы и частицы являются чрезвычайно употребительными в *italiano neostandard* классами слов. Отдельного внимания заслуживает феномен «*che polivalente*», о котором пойдёт речь в параграфе 3.3.2.: кажется, что на современной стадии общения нет такой функции, которую был бы не способен выполнять этот союз, в связи с чем намечается тенденция вытеснения остальных союзов многофункциональным и поливалентным «*che*». Кроме того, будет проанализировано употребление артикля – в языке XVI века наблюдается высокая степень вариативности в функционировании этой части речи.

3.3.1. Употребление союзов

В отличие от сочинительных союзов, большинство из которых, как и предлоги, в несколько видоизмененном состоянии перешли в итальянский язык из латыни (например, такие усечения, как «*e*» от «*et*» или «*ma*» от «*magis*»), большинство подчинительных союзов не имеют латинских этимонов и появились в средневековых канцеляриях из сочетаний союза «*che*» с другими частями речи или даже целыми предложениями (ярким примером этому послужит такой многокомпонентный союз, как *con ciò sia così che*, означающий «потому что»/«хотя») [Sobreiro, 1993: 112].

В языке Данте и Боккаччо тенденция к чрезмерному формальному обеспечению логической связности текста с помощью причинно-следственных союзов часто затрудняет понимание [Алисова, 2009: 53]. Вероятно, с целью облегчения понимания смысла в процессе эволюции итальянского языка уже к XVI веку намечается тенденция к упрощению подчинительных союзов, которая получит большее развитие в *italiano neostandard*.

В первую очередь это тенденция замещения союзов, требующих сослагательного наклонения, на синонимы, допускающие изъявительное наклонение. Например, условный союз «se» вместо «purché» или «a condizione che»:

Vergilio. <...> Se queste nozze gli riescono, non passano quattro mesi che si pente de tutto 'l fatto [Piccolomini, 1912: 13] / Верджилио. <...> **Если** эта свадьба ему удастся, не пройдёт и четырех месяцев, как он об этом пожалеет.

Также у союзов начинают появляться дополнительные оттенки смысла. Так, нередко «mentre» употребляется в противительном значении:

*Falsetta. Oime, tu sei felice: ma odi **mentre** io me lo ricordo* [Parabosco, 1546: 30] / Фальсетта. Ты ведь счастлив: но ты слышишь, **а я-то** помню.

*No restituito al soldato i suoi scudi, **mentre** il mio padron vecchio m'ha sforzato a tenere quegli che gli tolse il figliuolo* [Aretino, 1956: 76] / Я вернул солдату его щиты, **а** мой старый хозяин заставил меня оставить себе то, что отобрал у него его сын.

Намечается тенденция замены вопросительного союза «perché» на выражения с союзом «come» - «come mai» или «come è»/«com'è»:

*Gerasto. **Come** è così impedito della lingua, Narticoforo caro? come così sconcio della faccia?* [Della Porta, 1597: 35] / Джерасто. **Почему** он так косноязычен, дорогой Нартикофоро? Откуда такое грязное лицо?

Но союз продолжает использоваться в другом значении – целевом (в этом случае требует сослагательного наклонения):

*Fulvia. <...> E così ti meno, come tu sei degno, sozzo cane, per svergognarti e **perché ognuno prenda** compassione di me che tanti oltraggi da te sopporto, ingrato!* [Dovizi, 1912: 51] / Фульвия. <...> И вот я обращаюсь с тобой так, как ты того достоин, грязный пёс, **чтобы** пристыдить тебя и **чтобы все пожалели** меня за то, что я терплю от тебя, благодарного, столько оскорблений!

Причем довольно часто усекаясь до формы «ché»:

*Minio. Caminiato, **ché non ci veda fermati**...* [Belo, 1912: 92] / Миньо. Пойдём, **чтобы не увидели**, что мы остановились...

Таким образом, подобно процессам в глагольной системе, количество союзов, используемых в повседневной коммуникации сокращается (например, выходят из употребления чересчур многокомпонентные союзы, характерные для

бюрократического стиля, а также союзы, требующие сослагательного наклонения, такие как «a condizione che» или «a patto che»), из-за чего у ряда союзов появляются дополнительные смысловые оттенки: так, «mentre» нередко употребляется в противительном значении, а «perché» – в целевом, зачастую сокращаясь до союза «che», о котором пойдёт речь в следующем разделе.

3.3.2. Феномен «che polivalente»

В ситуациях неформального общения союз «che» может выполнять очень широкий ряд функций, заменяя большое количество союзов, союзных слов и даже конструкций с предлогами – этот феномен принято называть «che polivalente», иными словами – многофункциональный союз «что» [Berruto, 2017: 43].

Вероятно, «che» обязан своей многозначностью объединению нескольких созвучных союзных слов в латинском языке, которые впоследствии послужили основой для итальянских союзов с более узкими значениями, однако сохранившими в своём составе элемент «che»: например, «perché», «benché», «affinché» и некоторых других [Messina, 2006: 446].

Можно предположить, что после возникновения союзов-«спецификаторов» популярность союза «che» постепенно сошла на нет, однако в разговорной речи произошёл противоположный процесс: «che» вобрал в себя значение множества союзов, а потому способен их заменять, что довольно активно происходит как в текстах комедий XVI века, так и на современном этапе [De Blasi, 2014: 67].

Изначально этот феномен рассматривался как просторечная черта, характерная для сниженного стиля [Alisova, 1967: 233], однако уже с восьмидесятых годов прошлого века его причисляют к характеристикам *italiano neostandard* [Berruto 1987, 2014: 78-79; Sabatini, 1985: 165]. Семантика данного союза крайне широка, на современном этапе, как уже было сказано выше, он может в той или иной степени замещать практически все остальные союзы, хотя по функциям он ближе к сочинительным, а не подчинительным союзам: «che, подобно e, вводит дополнительную информацию, которая помогает прояснить содержание

предшествующей фразы, не имея конкретного antecedenta-существительного» [Alisova, 1967: 235]. Проанализируем, в каких значениях он встречается в текстах комедий.

Прежде всего он выступает в своей основной функции, вводя изъяснительное придаточное предложение:

Fulvia. <...> **spero che** la ragione che mi assicura a chiedergli le cose giuste e oneste la farà discendere ai voti miei [Belo, 1912: 93] / Фульвия. <...> я **надеюсь, что** причина, убеждающая меня просить у него о правильных и честных вещах, заставит его снизить до меня.

Fessenio. <...> **E spesso anco avviene che**, per inavvertenzia o per malizia, l'uno piglia el membro dell'altro... [Dovizi, 1912: 32] / Фессенио. <...> А ещё часто **случается, что** по неосторожности или по злему умыслу один бьёт другого...

Изъяснительные придаточные предложения, вводимые союзом «che», могут иметь дополнительное значение причины:

Curzio. <...> **Ma non curare, che** gli trattano bene! [Belo, 1912: 91] / Курцио. <...> Но не беспокойтесь, **потому что** с ним хорошо обращаются!

Rufino. **Voi avete il torto, ché** le cose belle piacciono a tutti [Belo, 1912: 91] / Руфино. Вы не правы, **поскольку** красивые вещи нравятся всем,

Certo che mi è caro, ché m'affliggeva il cuore veder patire quella povera figlia [Della Porta, 1597: 10] / Конечно, мне это дорого, **потому что** моё сердце сжалось, когда я увидел, как страдает та бедняжка;

- цели:

Essandro. **Entratevene, che** vostro padre non vi vegga [Della Porta, 1597: 13] / Эссандро. Входите же, **чтобы** ваш отец вас не увидел.

Samia. <...> **Che vuo' tu che** io le dica? [Dovizi, 1912: 26] / Самия. <...> И что ты хочешь, **чтобы** я ей сказала?

- образа действия:

Sanguino. **Strengile bene, che** non scappino [Bruno, 1863: 107] / Сангуино. Держи их крепче, **так, чтобы** не убежали.

Dimodio. **Andiamo in casa che** piu adagio ragionaremo [Parabosco, 1546: 24] / Димодио. Пойдём в дом, **так** поразмышляем спокойнее.

- меры и степени:

Cleria. <...> *Mi sento tanto intenerita da' vostri prieghi **che** non posso negarvi cosa che vi piaccia.* [Della Porta, 1597: 21] / Клерия. Я так тронута вашими молитвами, **что** не могу отказать вам в том, что вам нравится.

Кроме того, союз нередко вводит определительные придаточные:

Vergilio. *Quand'io penso, messer Giannino, quanto, dal primo giorno **che** poneste il pie fuor di casa vostra...* [Piccolomini, 1912: 10] / Вергилио. Когда я думаю, мессер Джаннино, сколько прошло **с того дня, когда** Вы ступили за порог своего дома...

Ascanio. <...> *Ho udito dire, che un certo censore de l'opre di Giove, **che** si chiama Momo...* [Bruno, 1863: 134] / Асканио. <...> Я слышал, будто некий цензор работ Юпитера, **которого** зовут Момо...

Cleria. <...> *Cosí tu conoscessi l'amor **che** porto a tuo fratello...* [Della Porta, 1597: 12] / Клерия. <...> Так тебе стало бы известно о любви, **которую** я питаю к твоему брату...

Fessenio. *O Fessenio, che è questo **che** tu veduto hai?* [Dovizi, 1912: 52] / Фессенио. О Фессенио, и что же **то, что** ты увидел?

Отдельного внимания заслуживает использование «che» в придаточном предложении, зависимом от главного с глаголом в повелительном наклонении, поскольку это употребление оказалось наиболее частотным:

Prudenzio. <...> *Fa' **che** stii cheto e non amplius loqui. E basta* [Belo, 1912: 97] / Пруденцио. <...> **Сделай так, чтобы** ты молчал и ничегошеньки не говорил. И всё.

Agnoletta. *Eh! Non toccate, **ché** staremo poi troppo a raccontarlo* [Piccolomini, 1912: 71] / Аньолетта. Ох! Лучше и **не начинайте, а то** будем говорить об этом слишком долго.

Ruffo. *Cotesto non dir tu: **ché** mia sei, e non sua* [Medici, 1912: 135] / Руффо. А этого **ты не говори, ведь** ты моя, а не его.

Corcovizzo. <...> *Venete, **che** vi vogliamo donar allogiamento questa sera* [Bruno, 1863: 99] / **Приходите, потому что** мы хотим дать вам ночлег на этот вечер.

Giovanni Bernardo. *Perdonatemi, Madonna, **ché** è impossibile che io faccia passar questa cosa cossí di leggiero* [Bruno, 1863: 113] / Джованни Бернардо. **Простите меня, Мадонна, ведь** невозможно, чтобы я дал пройти этому делу так легкомысленно.

Alessio. <...> *sol fate **che** non vi abbi a cercare* [Della Porta, 1597: 22] / Алесслио. <...> только **сделайте так, чтобы** он вас не искал.

Sabatina <...> *Ma andianne hora, **che** noi non fussimo tardi* [Grazzini, 1582: 31] / Сабатина <...> Но **пойдём сейчас, пока** не стало слишком поздно.

Возможно появление «che» в независимых предложениях, причём чаще всего в составе или непосредственно после восклицательных предложений:

Guglielmo. Ah Dio! Che troppo forte e troppo potente composizione fece far maestro Guicciardo! [Piccolomini, 1912: 113] / Гульельмо. **О Боже! До чего же** сильное и мощное дело затеял господин Гуичхардо!

Giovanni Bernardo. <...> Oh, che mal viaggio facciamo! [Bruno, 1863: 109] / Джованни Бернардо. <...> **Ох, какую** плохую поездку затевают!

Также союз употребляется в эмфатической конструкции «adesso sì che», подчёркивающей соотнесённость действия с настоящим:

Rita. Adesso sí che ti vego [Belo, 1912: 110] / Рита. **Вот теперь** я тебя вижу.

Malfatto. <...> Adesso sí che voglio achiamar quello che lui me disse che sta qua dentro [Belo, 1912: 135] / Мальфатто. **Вот теперь** я хочу позвать того, про кого он мне сказал, будто он там, внутри.

Tiberio. Adesso sí che mi piace el burlare! [Medici, 1912: 165] / Тиберо. **Вот теперь-то** мне нравится хитрить!

Нередко «che» употребляется в контекстах, где отсутствие коннектора и с точки зрения структуры, и с точки зрения смысла было бы совершенно оправданным [Гуревич, Жолудева, 2015: 627]. Вероятно, это ближе всего к его прагматической функции, при которой «che» появляется в предложениях с бессоюзной связью [Жолудева, 2015: 275]. В подобных контекстах употребление союза является плеонастическим – che служит текстовым коннектором, не обладая при этом каким-либо конкретным значением:

Falsetta. Onde avviene adunque, che tu che sei buono... [Parabosco, 1546: 18] / Фальсетта. Так и получается, ты **ведь** добрый.

Его семантика в подобных контекстах становится ещё более размытой, «che» выступает в роли полифункционального союза, вводящего придаточные разного типа, а также заменяющего конструкции с предлогами. Например, в текстах XVI века он используется вместо предлога «di» при сравнении существительных:

Dimodio. Io ti dico che un giovane naturalmente è più geloso che un vecchio [Parabosco, 1546: 41] / Димодио. Говорю тебе, что **молодой человек** по природе своей **ревнивей** старика.

Важно отметить упрощение конструкции «*che cosa*» до «*che*». Причём «*che*» и «*cosa*» по-прежнему конкурируют: изначально «*che*» считалось более характерным для юга, а «*cosa*» – для севера, однако и в *italiano neostandard*, и в текстах комедий (независимо от родного автору региона) чаще используется «*che*»:

Curzio. Ma che? Ché non parli? Che vuoi dire? [Belo, 1912: 90] / Курцио. Но что? Почему ты не говоришь? **Что** ты хочешь сказать?

Meretrice. Che vi è dentro? [Dovizi, 1912: 40] / Меретриче. **Что** там внутри?

Кроме того, «*che*» нередко употребляется в качестве относительного местоимения вместо конструкции «определённый артикль+*quale*», которая характеризует дискурс более высокого стилистического регистра:

Calonide. <...> Cerco una donna che sia ricca e nobile di costumi e virtù. [Ricchi, 1912: 272] / Калониде. <...> Я ищу женщины, **которая** была бы богата и благородна и в привычках, и в добродетелях.

Таким образом, феномен «*che polivalente*» несомненно обладает особым статусом среди других итальянских союзов и текстовых коннекторов. Его главной особенностью является то, что основная функция любого союза (связующая) становится в случае с «*che*» второстепенной. Гораздо большее значение приобретают его прагматика (указание на логическую взаимосвязь явлений) и стилистика (разговорная маркированность). Зачастую тип придаточного предложения оказывается непросто определить из-за размытости семантики, являющейся одной из отличительных черт *che polivalente* [Жолудева, 2015: 273], поэтому при анализе контекстов с «*che polivalente*» оказывается принципиально важным принимать во внимание прагматическую направленность предложений, содержащих данное явление. Во всех примерах, приведённых в данном разделе, интерпретация типа придаточного предложения обусловлена контекстом: наличие коннектора «*che*» лишь указывает на наличие определённой связи внутри фразы, значение которой читатель или слушатель должен определить и достроить самостоятельно.

Стоит также отметить, что по причине своего широкого функционала «*che*» является одним из самых употребительных союзов в каждой из комедий: только у

Джордано Бруно он встречается порядка 700 раз. Тот факт, что *che polivalente* и на данном этапе развития итальянского языка характеризует неформальный узус, говорит о преемственности тенденций разговорной речи XVI века (безусловно, в том виде, в котором она сохранилась до наших дней) и современного узуса.

3.3.3. Употребление местоименных частиц *ci* и *ne*

Частица является служебной и неизменяемой частью речи, представленной, как правило, односложным и безударным словом. Частицы употребляются для обеспечения логической связи в предложении или же выражения отношения говорящего к сообщаемому и отнесенности сообщения к действительности [Виноградов, 1990: 77]. Следовательно, основная функция частиц – передача разнообразных коммуникативных характеристик сообщения. Частицы нередко получают значение только в контексте по причине, с одной стороны, лишённости собственного денотата, а, с другой стороны, из-за чрезмерного количества значений и оттенков значений, по-разному проявляющих себя в ситуативных контекстах.

Как уже было сказано выше, в итальянском языке отсутствует данная часть речи, однако в учебниках и пособиях по итальянскому языку, составленных на русском языке, принято называть *ci* и *ne* частицами: они оказываются крайне употребительными и нагруженными в смысловом отношении. В процессе использования у них появляются новые значения и контексты употребления, считающиеся инновативными: например, использование частиц в составе прономинальных глаголов (сам по себе феномен «местоименных» глаголов принято относить к инновациям *italiano neostandard*), плеонастическое употребление *ne* или же местоименный актуализатор *ci*, о чём более подробно пойдёт речь в следующих параграфах работы.

3.3.3.1. Частица *ne*

В современном итальянском языке частотно употребление *ne* в составе прономинальных глаголов. Аналогичные примеры встречаются уже в текстах комедий:

Ceca. <...> *El bello è che poi se ne vanno come se gli fosse un grande onore* [Belo, 1912: 95] / Чека. <...> Прекрасно, что они **уходят** так, будто для них это великая честь.

Nastagia Ruffiana. <...> *e avisalo che egli se ne parta...* [Parabosco, 1546: 12] / Настаджа Руффиана. <...> и предупреди его, чтобы он отсюда **уходил**.

Другая функция *ne*, считающаяся инновативной на современном этапе, – так называемая *ne ridondante*, которая заключается в плеонастическом использовании данной частица (зачастую не несущем дополнительной экспрессии или эмпазы):

Ruffo. <...> *Ma di questo ne son io piú sicuro che s'io avessi el pegno.* [De Medici, 1912:169] / И **в этом** я даже больше уверен, чем если бы была у меня гарантия.

Noferi. <...> *e di questo ne son buon testimonio io.* [D'Ambra, 1912: 436] / Нофери. <...> и **тому** я свидетель.

Ciacco. <...> *di questo ne lascio l'incarico a voi.* [Dolce, 1912: 236] / Чакко. <...> а поручение **об этом** оставляю вам.

Curzio. *Di questo ne sei cagione tu.* [Belo, 1912: 134] / Курцио. А **в этом** ты прав.

Впрочем, в каждой из приведённых пьес это явление пока не очень частотно и встречается лишь однократно.

Также в текстах комедий наблюдаются конструкции с двумя однородными сказуемыми с разным управлением, используемые в спонтанной разговорной речи. Как правило, для них также характерно наличие частицы *ne*, однако эта тенденция не получила развития на современном этапе:

Eh! Lidio, tu te ne ridi e sprezzì le parole mie? [Dovizi, 1912: 17] / Эй! Лидио, ты **над ними** насмехаешься и **их** ни во что не ставишь, **мои слова**?

3.3.3.2. Частица *ci*

Ещё более распространена частица *ci*. Она не только выступает в своих основных функциях, заменяя конструкции с предлогом *a*:

Ceca. <...> *E me delibero che non me ci coglia piú* [Belo, 1912: 97] / Чека. <...> И клянусь, что больше не попадусь **на это**!

и обладая локативным значением:

Malfatto. Vedi ch'io non ci voglio venire [Belo, 1912: 98] / Мальфатто. Видишь, что я не хочу **туда** идти.

Baila. <...> Se egli non ci andasse, bisognarebbe ch'io trovassi modo di farglielo andare [Parabosco, 1546: 46] / Байла. <...> А если бы он **туда** не пошёл, мне пришлось бы найти способ заставить его пойти.

Но также употребляется как часть прономинальных глаголов:

Mochione. <...> e ci vorrà di tempo e moneta [Bruno, 1863: 107] / Мокьоне. <...> **потребуется** время и деньги.

Essandro. Altro ci vuole [Della Porta, 1597: 36] / Эссандро. **Требуется** другое.

Panurgo. Troppo tempo ci vuole [Della Porta, 1597: 39] / Панурго. **Нужно** слишком много времени.

и функционирует в качестве местоименного актуализатора – как и *che polivalente*, она десемантизируется, подчёркивает связь сообщения с текущим моментом и повышает степень эмоциональной вовлеченности, что особенно употребительно в ситуациях неформальной бытовой коммуникации на современном итальянском языке:

Rita. Che non ci possi invecchiare! [Belo, 1912: 111] / Рита. Стареть **же** нельзя!

Granchio. Che colpa ci ho a questo io? [Della Porta, 1597: 42] / Гранкио. А **в чём** тут моя вина?

Guglielmo. <...> E mi ci ho acquistata, come vedete, la lingua vostra. [Piccolomini, 1912: 32] / Гульельмо. <...> и освоил **же** я, как видите, ваш язык.

Pasquella. <...> in su l'orto non ce ne abbiam, de' rosai. [Accademia degli Intronati, 1912: 381] / Паскуэлла. <...> **их, роз**, у нас в саду нет.

Франческо Сабатини, выделяя это явление в качестве одной из характеристик разговорного итальянского языка, называет его «*ci attualizzante*» и отмечает, что частица в таком значении теряет свои исходные значения: локативное, тождественное наречию места «*qui*» («здесь», «тут»), а также косвенного и прямого дополнений 1 лица множественного числа («нам», «нас») [Sabatini, 1985: 158]. Таким образом, частица больше не имеет собственного конкретного наполнения, однако при этом преобразует семантику глагола, с которым сочетается.

3.3.4. Употребление артиклей¹¹

Артикль в итальянском языке является служебным словом, которое стоит в препозиции к имени (или именной группе) и служит для выражения категории определённости и неопределённости. В связи с чем выделяют определённый, неопределённый и партитивный артикли [Виноградов, 1990: 45].

Как известно, личное местоимение 3-го лица и определённый артикль во всех романских языках имеют общий этимон – латинское указательное местоимение *ille* (*illi, illus*). Общность этимологии объясняется тем, что первоначально их объединяла функция повторной номинации (анафоры) [Алисова, 2007: 301].

Определённый артикль в итальянском языке согласуется с существительным по роду и числу, а также его выбор обусловлен фонетически. Так, мужскому роду соответствуют формы *il, lo* и *l'* в единственном числе и *i* и *gli* во множественном. Перед существительными женского рода используются артикли *la* и *l'* в единственном числе, а *le* во множественном. Перечисленный ряд словоформ и значений не претерпел значительных изменений в процессе развития итальянского языка. Кроме того, среди черт *italiano neostandard* отсутствуют характеристики, касающиеся определённого артикля.

В текстах комедий XVI века можно отметить разве что высокую степень вариативности в использовании определённых артиклей: например, перед существительными, начинающимися на букву «l», артикль часто ассимилируется, или же наблюдается дублетность артикля мужского рода единственного числа – между собой конкурируют формы «il» и «el» даже в пределах монолога одного и того же героя перед одним и тем же словом:

Messer Ligdonio. <...> Se la mia sensitiva avesse unquanco de aggradevole eloquenzia, a mal grado de' limati denti, le mie soventissime parole transeriano sempre nelle vostre bianchissime orecchie... [Piccolomini, 1912: 66] / Мессер Лигдонио. <...> Если б мои чувства были сладостно красноречивы, то, преодолев **преграду** из зубов, слова чудесные влились бы в ваши уши...

¹¹ Часть материалов данного параграфа была использована при подготовке статьи Кутеко Д.А. Особенности функционирования артикля в комедиях итальянских авторов XVI века // *Litera*. 2023. №9. С. 1-8.

*Messer Giannino. <...> Aimè! che grave passione è questa! avere **il male certo** e non trovar modo d'essere creduto!* [Piccolomini, 1912: 25] / Мессер Джаннино. <...> Увы! какое это тяжкое бремя! сносить **подобные муки**, но не находить средства, чтобы тебе поверили!

*Messer Giannino. <...> Che via posso imaginare per farli credere **el mal mio**?* [Piccolomini, 1912: 25] / Какой способ могу я придумать, чтобы она поверила в **моё страдание**?

Также следует обратить внимание на использование определённого артикля в конструкции «притяжательное местоимение + член семьи», требующей опущения артикля на современном этапе:

*Lucrezia. Perch'io dubitavo che quel mio zio non me l'avesse creduto senza 'l testimonio **del mio marito**...* [Piccolomini, 1912: 111] / Лукреция. Потому что я сомневалась, что тот мой дядя поверит мне, не представь я в свидетели **моего мужа**.

*Fulvia. <...> Quando arò io tempo andarlo a trovare, come al presente, che egli è in casa e che **il mio marito** è di fuori?* [Dovizi, 1912: 47] / Фульвия. <...> Когда же я успею навестить его, как сейчас, пока он дома, а **муж мой** нет?

При этом конструкция «притяжательное местоимение+именование члена семьи с оценочным суффиксом», которая сейчас используется с артиклем, в текстах XVI века употребляется без него:

*Nepita. <...> tra Cleria **mia figliana** e uno Essandro suo parente* [Della Porta, 1597: 7] / Непита. <...> между Клерией, **моей доченькой**, и её родственником Эссандро.

*Guglielmo. <...> Sorte crudelissima, che, in un medesimo giorno, m'ha fatto ritrovar **mia figliuola** e ammazzarla!* [Piccolomini, 1912: 112] / Гульельмо. <...> Жестокая судьба, что в одночасье вернула мне **мою дочурку** и моими же руками убила её!

Неопределённый артикль в романских языках восходит к десемантизированному латинскому числительному *unus/una* (один/одна), которое уже в латыни начало употребляться в данной функции — для презентации или же выделения из класса подобных предметов [Алисова, 2007: 316].

В процессе эволюции итальянского языка ни формы, ни значение неопределённого артикля, подобно определённому, не претерпели значительных изменений. На современном этапе неопределённый артикль чаще всего вводит существительное, обозначающее новое для читателя или слушателя понятие, и в

зависимости от начальной буквы существительного имеет формы *un* и *uno* для существительных мужского рода и *un'* и *una* для существительных женского рода единственного числа. Аналогичный ряд для передачи тех же значений присутствует в текстах итальянских авторов XVI века:

Panzana. <...> State a udire: ch'io credo che noi aremo un bel piacere. [Piccolomini, 1912: 91] / Панцана. <...> Послушайте-ка, я думаю, что мы получим удовольствие.

Samia. Ha uno spirito favellario. [Dovizi, 1912: 21] / Самия. У него есть говорящий дух.

Valerio. Pensi tu che io sia una bestia? [Dolce, 1912: 224] / Валерио. Ты думаешь, что я зверь?

Samia. Tu non sai già un'altra cosa. [Dovizi, 1912: 21] / Самия. Ты не знаешь кое-чего другого.

Формы неопределённого артикля множественного числа получаются путём слияния предлога *di* с формами определённого артикля *i*, *gli*, *le*, в результате чего образуются формы *dei*, *degli* или *delle*. Однако есть и другая точка зрения, согласно которой у неопределённого артикля отсутствует оппозиция по числу, а перечисленные выше в данном абзаце формы скорее соответствуют партитивному, или же частичному, артиклю, главной функцией которого является выражение идеи некоторого неопределённого и неуточняемого количества. Терминология в данном вопросе представляет собой проблемную область, однако на практике рассмотренные точки зрения не противоречат друг другу.

Внимание привлекает конструкция «предлог + партитивный артикль», выделяемая Франческо Сабатини в качестве одной из характеристик *italiano dell'uso medio* [Sabatini, 1985: 162]. Соответственно, употребление частичного артикля с предлогом (например, в предложениях типа *Ho dipinto la mia stanza con dei colori sgargianti/Я покрасил(а) свою комнату в [какие-то, некоторые] яркие цвета* или *L'esame era su degli argomenti che non conoscevo/Экзамен был по [каким-то, некоторым] темам, которые я не знал(а))* воспринимается как инновативная черта, поскольку атрибуируется современному итальянскому разговорному языку.

Однако подобные примеры содержатся уже в «учёных комедиях» (хотя и только в работах тосканских авторов):

Agnoletta. <...> *E io ancora ho avuto pratica con degli altri, e so quanto pesano a ponto a ponto.* [Piccolomini, 1912: 28] / Аньолетта. <...> А я со всякими водилась и знаю, до чего они в печёнках сидят.

Artemona. <...> *Voglio tre o quattro de le tuoi camicie piú belle per lavarle; e con degli altri panni le stenderò ne la sua altana.* [Ricchi, 1912: 212] / Артемона. <...> Я хочу три-четыре твои самые красивые рубашки, чтобы постирать их; и с кое-каким другим бельём я развешу их на террасе на крыше.

В текстах XVI века частотно также использование партитивного артикля с предлогом в связке с местоимением (из-за того, что для языка той эпохи характерны словоформы *tesco* и *teco*, заменяющие предложные конструкции *con te* и *con te*). Причём данный феномен снова наблюдается только в комедиях Тосканы:

Pilastrino. <...> *So dir che sei persona d'aver teco de' topi e de le mosche in compagnia.* [Ricchi, 1912: 182] / Пиластрино. <...> Могу сказать, что ты человек, в компании с которым мыши да мухи.

Ferrante. <...> *Ora il tempo è venuto e Dio mi sia testimonio come non per altro ero uscito adesso fuori se non per trovarti e conferirti la cosa e consigliarmi teco del tutto.* [Piccolomini, 1912: 43] / Ферранте. <...> Теперь пришло время, и, видит Бог, я вышел из дома, только лишь чтобы увидиться с тобой, поведать тебе кое-что и посоветоваться с тобой обо всём.

Таким образом, приведённые примеры демонстрируют, что в проанализированных текстах система определённого и неопределённого артикля в общем и целом совпадает с современной, а употребление партитивного артикля с предлогом нельзя считать инновацией на современной стадии развития итальянского языка, поскольку данную конструкцию (пусть пока и не повсеместно, как в XXI веке, а только в текстах авторов из Тосканы) можно встретить уже в репликах героев «учёных комедий» XVI века.

Вывод по разделу 3.3.

Таким образом, наличие рассмотренных феноменов (а именно – появление дополнительных значений у союзов *mentre* и *perché*; замена требующих Congiuntivo союзов на синонимы, допускающие изъявительное наклонение, или же

употребление после таких союзов индикатива; многофункциональный союз *che*; активное использование частиц *ci* и *ne* вместо предложных конструкций; появление новой функции местоименного актуализатора у частицы *ci*; употребление партитивного артикля в предложных конструкциях) в текстах комедий итальянских авторов XVI века дает основание заключить, что эти явления, ставшие отличительной чертой живого разговорного языка в современную эпоху, уже встречались с подобной стилистической окраской в узусе XVI века.

В настоящее время в словарных статьях наблюдается пополнение списка значений союзов *mentre* и *che*, так же, как и местоименных частиц *ci* и *ne*, что внешне выглядит как инновация, но на самом деле является проникновением в стандарт активно используемых социально маркированных элементов разговорного стиля, зафиксированных в языке комедий в разных регионах Италии уже в XVI веке.

Выводы по главе III

Таким образом, в текстах «учёных комедий» XVI века было обнаружено довольно много (свыше 30) морфологических тенденций, считающихся инновативными на современной стадии развития итальянского языка, особенно в системе местоимений. В частности, употребление личных местоимений *lui/lei/loro* в синтаксической функции подлежащего; замена личного местоимения *tu* на *te* не только в контекстах типа *io e te* (что созвучно тенденции нейтрализации оппозиции между подлежащим и дополнением в *italiano neostandard*); употребление местоимения *gli* в функции косвенного дополнения 3 лица женского и мужского рода единственного и множественного числа; двойной дательный; плеонастическое использование и усеченные формы указательных местоимений *'sto* и *'sta*; упрощение характерной для Тосканы трехчастной системы указательных местоимений; замена конструкции *tutto ciò* на *tutto questo/quello*.

Кроме того, произошло упрощение системы глагольных времён, которое привело к временной транспозиции. В текстах комедий можно обнаружить использование *Presente* в функции ближайшего будущего времени, в значении повелительного наклонения и *presente storico*, а также с целью нейтрализации сообщения для выражения безотносительности сообщаемой информации к какому-либо временному промежутку; появление у *Futuro* эпистемической и деонтической модальности и таких дополнительных оттенков значения, как уступка, волеизъявление, вежливость и психологическая дистанцированность; «имперфект вежливости»; употребление *Imperfetto* в обеих частях условного периода 3 типа, при выражении будущего в прошедшем и для передачи значений плюсквамперфекта; использование *Passato Prossimo* вместо *Futuro Anteriore*; опциональность употребления сослагательного наклонения, замена пассивной диатезы активной.

Было отмечено также упрощение системы союзов (замена многокомпонентных союзов на более простые, а также замена союзов, требующих

сослагательного наклонения, на допускающие индикатив), феномен *che polivalente*, использование партитивного артикля с предлогами, появление новых значений у частиц *ci* и *ne*, в частности, их активное употребление в составе прономинальных глаголов и в эмфатических конструкциях, десемантизация и феномен *ci attualizzante*.

Все перечисленные и проанализированные явления объединяет следующая особенность: они характеризуют в первую очередь речь персонажей низшего сословия, зачастую вовсе не имеющих образования: слуг, паразитов, кормилиц. Если же их используют представители более высоких социальных слоев, то не в процессе общения между собой, но в коммуникации со слугами (вероятно, намеренно переходя на более низкий речевой регистр, чтобы сделать свою речь понятнее).

Другая общая черта — отсутствие регулярности рассматриваемых феноменов и высокая степень полиморфии. Зачастую даже в пределах одного диалога или монолога встречается несколько форм, выражающих один и тот же эфимон, в связи с чем выбор той или иной формы не представляется мотивированным, а лишь говорит о сосуществовании нескольких равнозначных вариантов.

Таким образом, основываясь на проанализированных в III главе контекстах, можно прийти к выводу, что рассматриваемые феномены не являются инновативными на современной стадии развития языка, однако в ситуациях повседневной коммуникации XVI века присутствовали лишь как наметившиеся тенденции, наряду с формами, которые сейчас считаются устаревшими.

ГЛАВА IV. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИТАЛЬЯНСКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА В КОМЕДИЯХ XVI ВЕКА

По мнению Гаэтано Берруто, «*список основных явлений, утративших свой характер «субстандартного», «плохого», итальянского, должен включать в первую очередь особенности, связанные с синтаксическими структурами*»¹² [Berruto, 1986: 39]. В современном итальянском разговорном языке действительно очень активно, широко и разнообразно употребляются эмфатические синтаксические средства: как прагматически маркированные изменения порядка слов, так и выделительные конструкции. Вероятно, это связано с тем, что экспрессивные возможности синтаксиса шире, чем у морфологии, поскольку «*он напрямую связан с мыслью и имеет большой арсенал выразительных средств*» [Пелевина, 1985: 125].

Синтаксические структуры, о которых пойдёт речь далее (а именно – эмфатические конструкции вынос вправо и влево; клефтинг; инверсия) в ряде работ упоминаются как свойственные *italiano neostandard* [Berruto, 2014: 11], а значит, в том или ином смысле инновативные. Однако, подобно выделенным в III главе морфологическим особенностям, с большей или меньшей частотностью они могут быть обнаружены уже в анализируемых текстах XVI века.

4.1. Эмфатические конструкции¹³

Эмфатические конструкции можно отнести к одним из главных средств выразительности и экспрессивности на синтаксическом уровне – вероятно, этим обусловлено их активное употребление в неформальном дискурсе. Согласно лингвистическому энциклопедическому словарю, эмфазой является «выделение

¹² «A list of the major phenomena that have lost their character of sub-standard, «not good Italian», must include, most importantly, features involving syntactic structures» (*перевод мой. – Д.К.*).

¹³ Часть материалов данного параграфа была использована при подготовке статьи *Кутеко Д.А.* Эмфатические конструкции *dislocazione a destra* и *dislocazione a sinistra* в комедиях тосканских авторов XVI века // Вестник Удмуртского университета, том 32, №5, с. 978-983.

важной части высказывания, обеспечивающее экспрессивность речи» [Ярцева, 1990: 592], под эмфатическими конструкциями же принято понимать синтаксические конструкции, служащие для выделения того или иного члена предложения.

В итальянском языке к эмфатическим относят прежде всего структуры, получившие названия «вынос влево» (*dislocazione a sinistra*) и «вынос вправо»¹⁴ (*dislocazione a destra*). Данные конструкции представляют собой примеры коммуникативно значимых изменений порядка слов, сопровождающиеся обязательной (в случае выноса влево) или факультативной (в случае выноса вправо, также называемого изоляцией справа [Berruto, 2014]) местоименной репризой. Для репризы дополнения, обстоятельства или подлежащего используются частицы «*ci*» и «*ne*», а также прямые и косвенные формы личных местоимений.

На данный момент существуют исследования, свидетельствующие, что конструкции выноса вправо и влево были редкими в староитальянском языке, где порядок слов был более гибким, и вынос, к примеру, прямого дополнения влево не требовал местоименной репризы [Vanelli, 1986: 266]. Согласно исследованию П. Д'Акилле [D'Achille, 1990], вынос влево начинает регулярно появляться в текстах с рубежа XIII-XIV вв., а с XVI в. частотность данной конструкции, а также выноса вправо, начинает зависеть от стилистики текста: чем менее она формальная, тем чаще встречается вынос вправо и влево. Нашей целью было проверить гипотезу П. Д'Акилле на материале текстов неформального стиля – комедий.

4.1.1. *Dislocazione a destra* (эмфатическая конструкция «вынос вправо»)

Принято считать, что эмфатическая конструкция «вынос вправо» употребляется в современном итальянском языке реже по сравнению с «выносом влево». Например, об этом свидетельствуют работы Г. Берруто [Berruto, 1986] и Боццоне Коста Р. [Bozzone Costa, 1991: 151]. Однако наряду с данной точкой зрения

¹⁴ Подразумевается, прежде всего, вынос дополнения, прямого или косвенного, в нейтральном случае занимающего позицию после глагола (кроме случаев, когда дополнение выражено местоименной клитикой). Впрочем, возможен и вынос / изоляция других элементов высказывания, например, обстоятельства места (*E se a Milano ci fosse il mare?*) или подлежащего (*Sono uomo tranquillo, io*).

есть и другие наблюдения: так, Ф. Росси [Rossi, 1999: 160] и С. Мессина [Messina, 2007: 210-212], анализируя итальянский язык на материале кинофильмов и телевизионных передач, отмечают, что в этих источниках *dislocazione a destra* заметно превалирует. Таким образом, существуют различные мнения по данному вопросу, которые, тем не менее, не противоречат утверждению, что эмфатическая конструкция «вынос вправо» характерна для современного итальянского разговорного языка и активно в нём используется. В связи с чем проанализируем типы и частотность феномена *dislocazione a destra* в текстах комедий XVI века.

Во-первых, к «выносу вправо» можно отнести конструкции с выделением прямого дополнения:

Agnoletta. <...> ...e come le vorresti le donne, voi? [Piccolomini, 1912: 27] /
Аньолетта. <...> ...и какими же **их, женщин**, вы бы хотели?

Во-вторых, выделяемым элементом нередко является косвенное дополнение и другие виды предложных дополнений:

Messer Ligdonio. <...> Dimme: credi le piacerá a Margarita? [Piccolomini, 1912: 18] /
Мессер Лигдонио. <...> Скажи мне: думаешь, **Маргарите, ей** понравится?

Messer Ligdonio. <...> Ma sai, Panzana, chello che me ne piace chiù de queste parole? [Piccolomini, 1912: 66] / Мессер Лигдонио. <...> Но знаешь, Пандзана, то, что мне **из них, из этих слов**, нравится больше?

Panzana. <...> Non ve ne fidate mai, donne, di quelli che scompuzzan tutta una veglia [Piccolomini, 1912: 68] / Пандзана. <...> Никогда не верьте **тем, женщины, тем, кто** портит все часы бодрствования.

Curzio. Io so che vò dire, adesso. I' non ne ho paura di costui. Ma che certezze ne hai tu di questo? [Belo, 1912: 91] / Курцио. Я знаю то, что ты сейчас хочешь сказать. **Этого-то, его** я не боюсь. Но какие у тебя уверенности во всём этом?

Fulvia. Che ne credi tu di questo mio pensiero? [Belo, 1912: 101] / Фульвия. А ты что думаешь **о ней, об этой** моей мысли?

В-третьих, в качестве отдельной группы следует выделить эмфазу с использованием партитива:

Clemenzia. <...> Io ne voglio un poco di pastura [Accademia degli Intronati, 1912: 329] / Клеменция. <...> Я её, **то есть еды**, хочу немного.

Pasquella. Cercatevene pure altrove; ché in su l'orto non ce ne abbiám, de' rosai [Accademia degli Intronati, 1912: 381] / Паскуэлла. Ищите же лучше в другом месте, поскольку у нас в саду **их, каких-либо роз**, не имеется.

Guglielmo. Quanto del non essere prete, mi piace, se ben tu ne avesse due milia de li scudi... [Piccolomini, 1912: 108] / Гульельмо. Ну а не быть священником, так мне нравится, если бы ещё **денег, их** было тысячи две...

И, наконец, особого внимания заслуживает также выделение выражения из нескольких элементов или целого придаточного предложения в качестве отдельной единицы:

Crisaulo. L'ho pensato sempre, in questa intrinsechezza, che a la fine li mostrerei quel ch'è l'impacciarsi con Pilastrini. [Ricchi, 1912: 250] / Я всегда **об этом** думал, в глубине души, **о том, что** в конце концов я покажу им, как связываться с Пиластрини.

Agnoletta. <...> E ne sanno piú, oggidí, le monache de le cose de mondo e d'amore che altra generazione [Piccolomini, 1912: 71] / Аньолетта. <...> И в наши дни **в этом** разбираются лучше кого бы то ни было монахини, **в вопросах миропорядка и любви**.

Marchetto. Io non lo credo, ch'ella non era niente piú pietosa innanzi che costui venisse in casa [Piccolomini, 1912: 50] / Маркетто. Я не верю **в это** – **в то, что она больше не была печальной, прежде чем он пришёл в дом**.

Virginio. Né io non lo posso credere che non la conosca per donna [Accademia degli Intronati, 1912: 360] / Вирджинио. И я **в это** не могу поверить, **в то, что женщиной я её не знаю**.

4.1.2. Dislocazione a sinistra (эмфатическая конструкция «вынос влево»)

В эмфатической конструкции «вынос влево» по сравнению с «выносом вправо» меняется только положение выделяемого элемента: он либо смещается в препозицию по сравнению со своим нейтральным употреблением, либо предшествует той единице, которая его дублирует. Кроме того, при смещении влево топиализации способствует также интонация предложения: так, обеспечивается пауза между темой и остальной фразой. Однако выделяются те же самые синтаксические члены, что и при «dislocazione a destra».

Прямое дополнение:

Pilastrino. <...> Streppiti e calderoni, ch'io li ho impegnati. [Ricchi, 1912: 230] /

Пиластрино. <...> Шум и сумятица, которыми **как раз** я и воспользовался.

Косвенное дополнение:

Vergilio. Di questo ve ne potrete consigliar poi [Piccolomini, 1912: 58] / Верджилио. А об этом, вы сможете справиться об этом позже.

Tranguggia. <...> delle donne io ne son sicuro... [Parabosco, 1546: 47] / Трангуджа. <...> В женщинах, в них-то я уверен.

Curzio. <...> e reverite mediante i buoni effetti che da loro ne seguono [Belo, 1912: 143] / Курцио. <...> и почитаемые за благотворные эффекты, которые из них следуют.

Обстоятельство:

Orsù! Va' inanzi; fermati all'uscio: e io, così, di drieto a te ne vengo [Dovizi, 1912: 44] / Ну же! Иди вперёд; остановись у выхода: и так, сзади, я к тебе и подойду.

Целое выражение или предложение:

Belcolore. Di che ve ne ridete voi? [Dolce, 1912: 275] / Бельколоре. Ну над чем, над чем же вы смеетесь?

Встречается и эмфаза с использованием партитива:

Clemenzia. Oh! De' par vostri se ne trovan pochi [Accademia degli Intronati, 1912: 321] / Клеменция. О! Равных вам, их найдётся мало.

К данной эмфатической конструкции можно отнести выделение обстоятельства времени, происходящее не с помощью его повтора частицей или местоимением, но благодаря изменению порядка слов и выноса обстоятельства в стилистически маркированную позицию начала фразы вместо нейтральной и немаркированной постпозиции конца предложения:

Panzana. Oh buono! Mai sentii meglio [Piccolomini, 1912: 18] / Панцана. Ох, хорошо! Никогда не было ощущений лучше.

Agnoletta. <...> A ogn'ora, sta piena la casa di persone che lo vengono a visitare [Piccolomini, 1912: 31] / Аньолетта. <...> В любое время дом полон людей, которые приходят его проведать.

Agnoletta. <...> Mai parlo con essa che non me ne facci venire una vogliarella ancor a me [Piccolomini, 1912: 72] / Аньолетта. <...> Никогда я с ней не говорю, поскольку и у меня нет на это желания.

Fessenio. Bene è vero che l'uomo mai un disegno non fa che la Fortuna un altro non ne faccia [Dovizi, 1912: 11] / Фессенио. Что ж, это правда, что **никогда** человек не делает того, на что у Судьбы были бы другие планы.

Gherardo. <...> E mai non l'ho potuta vedere [Accademia degli Intronati, 1912: 318] / Герардо. <...> **И никогда** не смог я её увидеть.

4.1.3. Frase scissa

Феномен «frase scissa» (иными словами – клефтинг, или же «рванный синтаксис», или же «расщеплённое/сегментированное предложение») является ещё одной разновидностью эмфатической конструкции. Данная структура присутствует не только в итальянском, но и в других языках. Однако, если, например, в английском или французском подобные конструкции относят к языковой норме, в итальянском языке их приписывают особенностям italiano neostandard, тем самым обозначая, что сфера употребления (возможно, лишь пока) ограничена лишь неформальным регистром [D'Achille, Proietti, Viviani, 2003: 250]. В частности, Г. Берруто и Ф. Сабатини отмечают, что грамматисты обошли вниманием это явление. Сейчас же повсеместное распространение данного феномена в ситуациях неформальной коммуникации приписывают подражанию французскому [D'Acchile, Proietti, Viviani, 2003: 250].

При клефтинге может происходить выделение различных членов предложения. Например, подлежащего благодаря глаголу «essere» и союзу «che» («Paolo è che abita qui»), однако, как справедливо отмечает Паоло Д'Акилле, данная конструкция характерна только для устного дискурса.

Corsetto. <...> Gli è esso che esce fuori e mi par molto più allegro del solito. [Piccolomini, 1912: 41] / Он тот, кто выходит на улицу и кажется гораздо более весёлым, чем обычно.

Trappolino. Chi sei tu che hai bussato? [Belo, 1912: 145] / Трапполино. **Кто же ты, тот, кто** стучал?

Характерен исключительно для итальянского языка так называемый «имплицитный клефтинг», образуемый при помощи предлога «a» и инфинитива и допускающий инверсию. Например, «È Luigi ad abitare qui» или «Ad abitare qui è

Luigi» [D'Achille, Proietti, Viviani, 2003: 257]. Примечательно, что в анализируемых материалах в данной конструкции участвует предлог «da»:

Caterina. <...> E non è egli da tardare. [Dolce, 1912: 257] / Катерина. <...>
Опаздывает-то не он.

Таким образом, данная эмфатическая конструкция заключается в выделении подлежащего или иного члена предложения с помощью изменения порядка слов, глагола «essere» (который согласуется с подлежащим, в отличие от французского аналога конструкции) и придаточного предложения, вводимого союзом «che». Клефтинг позволяет превратить любую информацию в предложении в ремю, что, как правило, сопровождается интонационным выделением и имеет эмоциональную окраску. По этой причине употребление сегментации характерно для представителей всех слоёв населения в зависимости от степени эмоциональности сообщаемой ими информации.

4.1.4. C'è presentativo

Глагол «esserci» крайне употребителен в итальянском языке и имеет широкий спектр значений. Рассуждая о конструкции «с'è», Г. Берруто выделяет пять её разновидностей:

- 1). *C'è esistenziale*, или же «с'è существования». В этом случае структура употребляется для указания на наличие какого-либо объекта и может быть заменена глаголом «esistere» (например, *C'è la provvidenza / Судьба существует*).
- 2). *C'è locativo-deittico*, или же «с'è с локативно-дейктическим значением», когда конструкция указывает на положение объекта в пространстве и синонимична глаголам «stare» (быть) или «trovarsi» (находиться). Как правило, в этом случае конструкции предшествует обстоятельство места, например, *Al Polo Nord ci sono gli orsi bianchi/На Северном полюсе есть белые медведи*.
- 3). *C'è presentativo*, а именно «с'è с репрезентативным значением». Данная структура служит для введения и эмфазы подлежащего, сопровождается союзом «che», употребляющимся в постпозиции по отношению к самой конструкции и подлежащему, и может быть заменена такими дискурсивными маркерами, как

«ессо» (вот), «ti dico» (говорю тебе), «guarda» (смотри), «senti» (слушай). Например, *C'è un signore che vuole parlare con te / Вот господин, который хочет поговорить с тобой.*

4). *C'è eventivo*, иными словами «с'è со значением событийности», заменяемая глаголами «accade» (бывает), «succede» (случается), «avviene» (происходит), «ha luogo» (имеет место быть, совершается). Например, *Ci fu una disgrazia / Стучилось несчастье.*

5). *C'è di presenza, datità, circostanziale*. Иначе данную конструкцию можно назвать «с'è присутствия, данных, обстоятельств», она помогает выразить данные научного исследования, представить положения гипотезы, поэтому очень широко используется в научном дискурсе и может заменяться на «si dà» (дано), «abbiamo» (мы имеем, у нас есть), «è presente» (это очевидно, ясно). Например, *Ci sono due nuovi professioni in questo settore / В этой отрасли есть две новые профессии.*

Все перечисленные структуры активно используются в современном итальянском языке и в той или иной степени имеют функцию «представления» новой информации, однако к инновациям разговорного дискурса относится именно «с'è presentativo». Если уточнять понятие, представленное выше, данная конструкция представляет собой полирематическое предложение, разделённое на два монорематических блока с эмфазой на первый. Иными словами, феномен заключается в делении фразы на две части, первая из которых вводится конструкциями «с'è» или «ci sono», вторая же с помощью союза «che» присоединяет псевдоопределятельное придаточное предложение («C'è Mario che ti aspetta») [De Cesare, 2007: 135]. По мнению Г. Берруто, основной функцией данной конструкции является противопоставление выделенного элемента группе слов, к которой он относится [Berruto, 1987].

«C'è presentativo» присутствует и в текстах «учёных комедий», однако преимущественно с отрицательной частицей «non»:

Balia. <...> Non ci è altra persona che lo sappia. [De Fornaris, 1607: 12] / Нет никого другого, кто умел бы это.

Essandro. <...> e non ci è altro di vivo che il core, pieno d'infiniti dolori. [Della Porta, 1597: 80] / и нет ничего живого, кроме сердца, полного бесконечных мук.

Pilastrino. <...> Non ci è peggio che essere, in questo mondo, pover'uomo; che'ognun ti fugge. [Ricchi, 1912: 287] / И нет ничего хуже, чем быть в этом мире беднягой, от которого всякий бежит.

Frulla. <...> Non c'è persona che vada a torno che non alloggi a questa insegna. [Accademia degli Intronati, 1912: 358] / Нет никого, кто ходил бы кругом и не остановился у этой вывески.

Кроме того, частица «ci» в XVI веке в большинстве случаев пока ещё не апострофируется и не сливается с последующей формой глагола «essere». Однако даже в пределах одной комедии может отсутствовать единообразие в орфографии:

M.Rimedio <...> Non c'è alcuno, che t'habbia a fare ingiuria. [D'Ambra, 1912: 78] / Нет никого, кто должен причинить тебе вред.

Cambio. Mai ci è altro, che far, che 'l capo. [D'Ambra, 1912: 23] / Всегда делать нечего, кроме как руководить.

Вывод по разделу 4.1.

Проанализированные в разделе контексты дают основание полагать, что уже в неформальной коммуникации XVI века довольно активно использовались различные эмфатические конструкции, что в целом неудивительно, учитывая эмоциональный накал интриги комедий. К употребительным как на современном этапе, так и в текстах пятивековой давности конструкциям можно отнести так называемые «вынос вправо» (*dislocazione a destra*) и «вынос влево» (*dislocazione a sinistra*), клефтинг (*frase scissa*) и «с'è с репрезентативным значением» (*c'è presentativo*).

Перечисленные конструкции следует рассматривать в качестве одного из способов создания речевой характеристики персонажей, поскольку их употребление (как и в случае с морфологическими инновациями) характерно для персонажей из непривилегированных социальных слоев или же в речи представителей более престижных слоёв населения в ситуациях общения со слугами.

Кроме того, эмфатические конструкции призваны сделать язык комедии более разговорным, живым, и естественным, добавляя во фразу коннотации эмоциональности или экспрессивности. Таким образом, заранее написанный текст становится ближе к повседневной коммуникации.

4.2. Дискурсивные маркеры ¹⁵

Согласно статье Н.Д. Арутюновой в Большой российской энциклопедии, дискурс является многозначным и многоаспектным понятием, одним из определением которого служит «связный текст в совокупности с социокультурными, психологическими и другими факторами» или же «речь, погружённая в жизнь». Термин «дискурсивные слова» (или же «дискурсивные маркеры») был впервые введён в книге под редакцией О. Дюкро «Дискурсивные слова» («Les mots du discours», 1980) [Хачатурян, 2000: 8]. Объект исследования определяется в труде как слова, которые «выполняют важную функцию связности в сообщении»¹⁶ [Ducrot, 1980: 24]. Впоследствии сфера употребления дискурсивных маркеров расширилась (и продолжает расти), и сейчас принято считать, что дискурсивные маркеры являются полифункциональными прагматическими единицами (словами или целыми выражениями), которые разграничивают и структурируют отдельные части дискурса, вводят дополнительную информацию, выражают отношение говорящего и способствуют обеспечению логической внутритекстовой связи [Жолудева, 2019: 160; Шугаева, 2020: 1]. Широкое употребление дискурсивов является важнейшей характеристикой организации сообщения любого речевого регистра, однако особенно активно подобные маркеры используются в ситуациях неформальной коммуникации [Bazzanella, 2001: 80].

Наличие дискурсивных маркеров может быть отнесено к синтаксическим особенностям комедий, поскольку их использование приводит к сегментации предложений, которая также является одной из черт современного итальянского разговорного языка [Nitti, 2016].

Выделение дискурсивных слов происходит не по лексическому или морфологическому принципу, но в зависимости от их семантики и функций

¹⁵ Часть материалов данного параграфа была использована при подготовке статьи *Кутеко Д.А.* Дискурсивные маркеры в комедиях итальянских авторов XVI века в сопоставлении с феноменами italiano neostandard // Вестник филологических наук. 2023. Том 3. №3. С. 73 – 78.

¹⁶ В оригинале: «remplissent une fonction essentielle de cohésion argumentative dans un enchaînement discursif»

[Molinelli, 2017: 122]. Трудности классификации возникают преимущественно из-за полифункциональности и очень размытого значения, а также в связи с десемантизацией, в результате которой значение маркера практически сливается с контекстом. Эти два признака – полифункциональность и десемантизация – в большинстве работ и относят к основным критериям выделения дискурсивов [Жолудева, 2019: 160].

В итальянском языке присутствие таких дискурсивных маркеров, как «*diciamo*» (скажем), «*sì*» (да), «*bene*» (хорошо, ладно), «*esso*» (вот), «*per esempio*» (например), «*cioè*» (то есть), «*guarda*» (смотри), «*ascolta*», «*sentì*» (слушай, послушай), «*dico*» (говорю) и т.п. связывают с феноменом современного итальянского разговорного языка.

С точки зрения порядка слов позиция дискурсивов свободная: они могут находиться как в начале, так и в середине или конце высказывания:

Adunque, io sarò la serva [Dovizi, 1912: 57] / **Что же**, я буду служанкой

O camina, adunque; e torna tosto [Belo, 1912: 122] / **Ну, иди же**, и возвращайся скорее

Ché non lo dici, adunque? [Belo, 1912: 127] / **Почему же ты тогда этого не скажешь, ну?**

Как в современном итальянском разговорном языке, так и в текстах комедий итальянских авторов XVI века дискурсивные маркеры могут быть выражены союзами:

Ma che ce di' tu? [Dovizi, 1912: 27] / **Но что скажешь ты?**

- междометиями:

Ah lingue viperee, defloratore de l'onor nostro! [Belo, 1912: 122] / **О**, змеиные языки, осквернившие нашу честь!

- наречиями:

Va', poi, impracciati con pazzi, tu! [Dovizi, 1912: 42] / **Иди же**, возись с дураками сам!
ch'è più d'un mese ch'io veggio, appunto come or veggio te, una gran fame [Ricchi, 1912: 305] / вот уже больше месяца я вижу, **ровно так**, как сейчас вижу тебя, ужасающий голод.

- глагольными формами:

Ma guarda che tu non lo dica, poi [Dovizi, 1912: 56] / Но **смотри же**, не разболтай этого потом...

- и целыми выражениями:

A dirvi il vero, per ingannare la brigata [Dovizi, 1912: 42] / **Сказать по правде**, чтобы одурачить шайку.

Этот класс слов не вносит существенного вклада в информационную ценность и смысловую нагрузку высказывания и всегда соотнесен с коммуникативной ситуацией, что особенно ярко проявляется в тех случаях, когда в роли дискурсивных маркеров выступают глаголы в форме настоящего времени:

Fora. Pigliate i vostri denari, pigliategli, dico [Aretino, 1956: 52] / Фора. Возьмите свои деньги, возьмите же их, **говорю вам**.

Narticoforo. Ascolta, che non so come puoi tu vivere senza saper questo [Della Porta, 1597: 51] / Нартикофоро. **Послушай**, я не знаю, как ты живёшь, не ведая этого.

Впрочем, эта группа дискурсивных маркеров в текстах итальянских комедий XVI века пока ещё является самой немногочисленной.

Существует множество классификаций дискурсивных маркеров, выполненных в различные периоды и применительно к разным языкам. Поскольку в данном исследовании проводится анализ источников на итальянском языке, в качестве методологической базы была выбрана классификация дискурсивных маркеров итальянского филолога Карлы Бадзанеллы [Bazzanella, 2006: 455], в которой маркеры разделены на три группы: дискурсивы взаимодействия (*funzione interazionale*), метатекстовые дискурсивы (*funzione metatestuale*) и когнитивные дискурсивы (*funzione cognitiva*). В рамках каждой из групп можно выделить дополнительные подгруппы в зависимости от функции и оттенка значения дискурсива.

4.2.1. Дискурсивы взаимодействия

Дискурсивные маркеры первой группы, которую выделяет Бадзанелла, подчёркивают дейктическую привязку высказывания к месту, времени или субъектам, связанным с высказыванием. Так, например, собеседник может

прерывать говорящего или же пояснять сообщение дискурсивами вроде «cioè» (то есть), повторно представляя мысль другими словами:

Prudenzio. Dite pur, ché ve promettemo una bona bibalia. Repetitore. Cioè, una buona mancia [Belo, 1912: 158] / Пруденцио. Говорите же, ведь мы обещаем вам щедрую плату. Репетитор. **То есть** щедрые чаевые.

Ответом на дискурсивы говорящего (*Fulvia. O il cielo o il peccato mio o la malignità dello spirito che stato si sia, non so...* [Dovizi, 1912: 62] / Фульвия. То ли воля небес, то ли грех мой, то ли злонравие, **я не знаю...**) являются сигналы обратной связи (back-channels) со стороны собеседника. Они служат для того, чтобы подчеркнуть вовлечённость собеседника в процесс коммуникации и подтвердить сохранение внимания. Дискурсивы-фатизмы (то есть те, которые связаны с установлением или поддержанием контакта) из уст как говорящего, так и собеседника нередко подчёркивают общие (или же считаемые таковыми) знания участников коммуникации:

Sanguino. <...> Li errori bisogna che si castigano, sai tu? [Bruno, 1863: 130] / Сангуино. За ошибки нужно наказывать, **ты же знаешь?**

Lidio femina. <...> per ciò che, credendosi Perillo, come sapete, che io maschio sia, me ama tanto che vuol darmi per moglie Verginia... [Dovizi, 1912: 25] / Лидио женщина. Поскольку Перилло, думая, **как вы знаете**, будто я мужчина, любит меня так сильно, что хочет отдать мне в жёны Верджинию...

Отдельно в этой группе следует выделить дискурсивы, выражающие согласие или подтверждение. Как правило, они включают в себя дополнительный оценочный элемент эмоционального наполнения (подбадривание, сочувствие, одобрение и т.д.):

Bonifacio. Eh, messer Scaramurè, vedete dove sono io? [Bruno, 1863: 123] / Бонифачо. **Ну же**, господин Скарамуре, видите, где я?

Samia. Eh! Lidio, tu vuoi straziarmi, sí? [Dovizi, 1912: 26] / Самия. **Ох**, Лидио, ты хочешь помучить меня, **да?**

Samia. Discretamente fai, certo [Dovizi, 1912: 26] / Самия. Сделай осторожно, **конечно.**

4.2.2. Метатекстовые дискурсивы

Метатекстовые дискурсивные маркеры можно разделить на три подгруппы. Во-первых, демаркативы, служащие для разграничения частей текста и отступлений:

Marta. <...> **Poi**, non so che si borbotasse, guardando le casce e voltando il viso ascrigni [Bruno, 1863: 39] / Марта. **И потом**, я не знаю, что он пробормотал, глядя на сундуки и отворачиваясь.

Pontio. <...> **a proposito** del tuo padrone, che disse: aspettami, Scrocca [Aretino, 1956: 23] / Понтио. **Кстати, насчёт** твоего хозяина, который сказал: подожди меня, Скрокка.

а также заключения и подведения итога:

Manfurio. **Dunque**, poca stima fate di mio Marte e di mia Minerva [Bruno, 1863: 45] / Манфурио. **Итак**, не больно-то высоко оцениваете мои Марс и Минерву.

Pitio. <...> **insomma** la indole de la sua mansuetudine [Aretino, 1956: 25] / Питио. **В общем**, природа его кротости.

Во-вторых, фокализаторы, с помощью которых выделяется тот или иной элемент:

Malfatto. **Ecco**, io vengo [Belo, 1912: 116] / Мальфатто. **Ну вот**, я иду.

Orfinio. <...> **ella è proprio** soggetto da punire le mie colpe [Aretino, 1956: 30] / Орфинио. Её **действительно** следует наказать за мою вину.

Причем в комедиях частица «ecco» особенно часто используется для отсылки к новому персонажу [Марченко, 2019: 198]:

Panurgo. **Ecco** il servo, che ho mandato [Della Porta, 1597: 27] / Панурго. **Вот** слуга, которого я послал.

и нередко употребляется вместе с объектным местоимением:

Cornacchia. <...> **ma eccolo** a punto che vien fuor di casa [Parabosco, 1546: 33] / Корнаккиа. **Вот он как раз** выходит из дома.

Timoteo. <...> **Ed eccola** con la madre. [Machiavelli, 1959: 33] / Тимотео. <...> **И вот она** с матерью.

Pontio. **Eccovi** il templum pacis [Aretino, 1956: 11] / Понтио. **Вот вам** и templum pacis.

Gualtieri. **Eccomi** qui prontissimo a tutti i servigi e comandamenti vostri. [Varchi, 1858: 10] / Гуалтьери. **И вот он я**, наиготовейший, ко всем вашим услугам и приказам.

В-третьих, индикаторы перефразирования, к которым в итальянском языке чаще всего относится *altrimenti* (но, впрочем, пока ещё почти не употребляется в текстах анализируемых комедий):

Crisaulo. <...> Altrimenti ti dico che 'l maggiore nimico ch'abbi a aver voglio esser io.
[Ricchi, 1912: 276] / **Иными словами**, я говорю тебе, что хочу быть самым злейшим врагом, который у тебя только есть.

4.2.3. Когнитивные дискурсивы

В рамках когнитивных дискурсивных маркеров также можно выделить три подгруппы: процессуальные дискурсивы, служащие для процессуального оформления речи, идентифицирующие эмоциональное состояние говорящего и временную соотнесённость сообщения, эпистемические маркеры, выражающие большую или меньшую степень уверенности говорящего (*Calandro. Certo, no, ch'io non la veggo* [Dovizi, 1912: 44] / Каландро. **Конечно**, нет, не вижу), и дискурсивы-усилители (*Prudenziio. Dite pur, ché ve prometteremo una buona bibalia* [Belo, 1912: 86] / Пруденцио. Скажите **же**, что мы вам обещаем хорошую награду). В функции процессуальных маркеров может использоваться полифункциональное слово «*allora*»:

Marta. <...> Allora giocavamo... [Bruno, 1863: 91] / Марта. <...> Мы **тогда** играли...
Впрочем, основной функцией маркера «*allora*» является хезитативная – этот дискурсив употребляется для заполнения пауз в речи, выражения нерешительности и раздумья:

Calonide. Io te lo dissi, allora, che non s'è fatto nulla di Filocrate né s'è per far... [Ricchi, 1912: 260] / Калониде. А я тебе говорил, **ну вот**, Филократ ничего не сделал и не собирается.

Вывод по разделу 4.2.

Дискурсивные маркеры имеют длительную историю и широко употреблялись в ситуациях неформальной коммуникации уже в XVI веке. Их присутствие в равной степени характерно для всей территории Италии, независимо от региона. Вероятнее всего выбор тех или иных дискурсивов обусловлен

стилистическими предпочтениями автора текста. Так, даже в пределах Тосканы дискурсив «*appuntamento*» встречается (и причём довольно часто) только в комедии Агостино Рикки, аналогичным образом практически не используется наречие «*altrimenti*».

Конечно, на современном этапе развития итальянского количество лексем, употребляемых в роли дискурсивов, увеличилось (стало больше отглагольных дискурсивных маркеров вроде *capisci*, *dici* или *guarda*), расширилось значение некоторых дискурсивов (так, *allora* может употребляться в каждой из функций, выделенных Карлой Бадзанеллой), но в целом в текстах комедий XVI века уже прослеживаются все тенденции, получившие развитие в современном итальянском разговорном языке: и на текущем этапе, и пять веков назад дискурсивные маркеры обладают высокой степенью полифункциональности; выражаются союзами, междометиями, наречиями, глаголами и словосочетаниями; употребляются в предложении независимо от позиции: в начале, в середине или в конце.

Отдельного внимания заслуживают производные от глаголов речи дискурсивные слова (*i segnali del dire*). Как правило, они имеют функцию усилителя, маркера возврата к затронутой ранее теме или же фокализатора. В исследованиях, посвящённых функционированию подобных дискурсивов, принято считать, что «*dico*» не употребляется в данной роли ранее XVII века и форма впервые встречается в качестве дискурсива в протокольных записях спонтанной речи [Bazzanella, 2001: 90]. Однако, на наш взгляд, в комедиях XVI века уже наблюдается это явление (хотя пока ещё нерегулярно и несистематично) – таким образом, едва ли может считаться инновативным.

Причём в комическом театре обилие дискурсивных слов характерно скорее для речи героев более низкого социального происхождения (слуг, кормилиц, паразитов), являясь, таким образом, ярким средством речевой характеристики персонажей. Это наблюдение очень важно, поскольку позволяет сделать вывод о том, что на современном этапе в норму входят явления, изначально очень далёкие от нормативных.

Выводы по главе IV

Приведённые в IV главе контексты (отметим, что было рассмотрено порядка 70 примеров) показывают, что в текстах комедий XVI века можно обнаружить множество синтаксических особенностей, характерных для современного итальянского разговорного языка, а именно — эмфатические конструкции «вынос вправо» и «вынос влево», клефтинг (в том числе ложный), конструкция «с'è» с репрезентативным значением и различные группы дискурсивных маркеров (дискурсивы взаимодействия, метатекстовые и когнитивные дискурсивы), отличающиеся полифункциональностью и многозначностью.

Их анализ подтверждает результаты, полученные в предыдущей главе применительно к морфологическим особенностям «учёных комедий»: использование перечисленных синтаксических структур характерно преимущественно для представителей более низких слоев населения и пока не является регулярным.

Таким образом, можно говорить о тенденциях, которые прослеживаются уже в неформальном общении в XVI веке, однако считаются отклонением от нормы и характеризуют речь представителей тех социальных классов, которые традиционно не обладают высоким уровнем образования.

Не вызывает сомнений более частотное по сравнению с текстами XVI века наличие дискурсивных маркеров в современных ситуациях неформального общения, а также увеличение количества лексем, способных выступать в роли дискурсивов. Однако результаты анализа показывают, что некоторые маркеры старше, чем их принято считать: так, уже в комедиях XVI века используется производное от глагола речи дискурсивное слово *dico*, начало употребления которого в данной функции принято датировать XVII веком.

Нельзя сказать, что какие-либо из проанализированных структур являются характерными для конкретных регионов и не наблюдаются в других, речь идёт скорее об общеитальянских феноменах, характерных в равной степени для неформального общения как в центральных, так и в северных и южных регионах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в рамках данной работы было рассмотрено более 350 примеров из текстов комедий итальянских авторов XVI века, которые содержат морфологические и синтаксические особенности современного итальянского разговорного языка.

Среди морфологических тенденций можно отметить инновации в системе местоимений (употребление личных форм *lui*, *lei* и *loro* в синтаксической функции подлежащего; использование местоимения *gli* в качестве косвенного местоимения женского и мужского рода единственного и множественного числа; практически полное исчезновение характерной для Тосканы трёхчастной системы указательных местоимений; двойной дательный и др.), изменения в глагольной системе (временную транспозицию и вариативность в использовании сослагательного наклонения) и упрощение системы служебных частей речи (замещение союзов, требующих сослагательного наклонения, на союзы, допускающие индикатив; феномен *che polivalente*; появление новых значений у частиц *ci* и *ne*, их активное использование в составе прономинальных глаголов и т.д.).

К синтаксическим особенностям относятся многочисленные эмфатические конструкции (так называемые «вынос вправо» и «вынос влево», клефтинг, *c'è* с репрезентативным значением), а также сегментация предложений в силу использования прагматически маркированных дискурсивных маркеров.

Как уже было отмечено в выводах к каждому из практических разделов исследования, данные феномены встречаются преимущественно в речи персонажей, не отличающихся высоким уровнем образования, – слуг, кормилиц, паразитов, и являются средством речевой характеристики и показателем социальной принадлежности говорящего, а также способом приблизить реплики героев к разговорными и сделать их более естественными.

Из чего можно заключить, что перечисленные конструкции не являются инновативными на современной стадии развития итальянского языка, однако

меняют свой статус и становятся нормативными из-за специфики итальянской социолингвистической ситуации: норма сближается с узусом, постепенно превращаясь из прескриптивной, то есть предписывающей, в дескриптивную, то есть описательную. Таким образом, итальянский язык в данный момент скорее не вырабатывает инновации, но претерпевает процесс рестандартизации, при котором черты, считавшиеся характерными для просторечного или сниженного стиля, меняют своё положение и становятся нормативными.

Следует подчеркнуть неоднородность проанализированных явлений, обусловленную в ряде случаев региональными особенностями (впрочем, и на современном этапе диалектологи нередко используют образные выражения, подчеркивающие отсутствие регулярности описываемых явлений: например, «*a macchia di leopardo*», то есть «леопардовыми пятнами», применительно к распространению той или иной черты [Челышева, 2019: 122]). Так, например, в комедиях северных авторов местоимения *lui*, *lei* и *loro* ещё не употребляются в синтаксической функции подлежащего – в 100% случаев подлежащим выступает *ella* вместо *lei*, а процент использования *lui* в заявленной функции не превышает 5%. Однако в комедиях римских и неаполитанских авторов употребление *lui* превалирует над *egli* и составляет более 60% контекстов от общего количества случаев выражения значения 3 лица единственного числа мужского рода при помощи местоимения. Из чего можно заключить, что диалектные черты являются субстандартом по отношению к итальянскому языку не только в синхронии, но и в диахронии.

Подобная неоднородность, высокая степень полиморфии и отсутствие систематичности дают основание говорить лишь о наметившихся тенденциях (хотя, как можно судить ретроспективно, впоследствии получивших развитие), а не о регулярных явлениях, однако сам факт их наличия в текстах XVI века позволяет по-новому осмыслить происходящие в современном итальянском языке процессы.

Проблематика данного исследования связана не только с попыткой более глубокого понимания современного состояния итальянского языка, но и с

изучением истоков и времени ранней фиксации итальянского разговорного языка. Проведённый анализ может послужить основанием для опровержения общепринятой точки зрения, согласно которой до момента объединения Италии в конце XIX века повседневная коммуникация происходила исключительно на диалектах. Однако для подтверждения приведённой гипотезы необходимо привлечение большего количества источников. Особое внимание предлагается уделить текстам авторов из северных и южных регионов, хранящихся в итальянских библиотеках: в рамках данного исследования сначала в силу эпидемиологических, а затем геополитических причин работа велась преимущественно с оцифрованным корпусом комедий.

Возможно, настоящая работа послужит первым шагом и импульсом для изучения истории итальянского разговорного языка, а также привлечёт внимание коллектива итальянистов к поставленной проблеме, к лингвистическому анализу текстов комедий итальянских авторов и к продолжению исследований в обозначенном направлении.

Источники

1. *Accademia degli Intronati Gl'Ingannati* // *Commedie del Cinquecento*. /A cura di I. Sanesi. Vol. I. Bari: Laterza, 1912. pp. 311-399.
2. *Aretino P.* Filosofo. Gabriel Giolito de Ferrari, Venezia, 1549.
3. *Aretino P.* La Cortigiana. Bidoni, Venezia, 1550.
4. *Aretino P.* La Talanta. Rizzoli, 1956.
5. *Ariosto L.* Il Negromante // *Commedie*. A cura di Andrea Gareffi. Vol. II. 1540.
6. *Asiani G.* Pronuba. Francesco Osanna, Mantova, 1588.
7. *Belo F.* Il Pedante // *Commedie del Cinquecento*. /A cura di I. Sanesi. Vol. I. Bari: Laterza, 1912, pp. 83-163.
8. *Bruno G.* Il Candelaio. G. Daelli e Comp., Milano, 1863.
9. *Calmo A.* La Fiorina. Appresso Fabritio Zanetti, Trivigi, 1600.
10. *Castelletti C.* I torti amorosi. Gio. Battista Sessa e Fratelli. Venezia, 1585.
11. *D'Ambra F.* I Bernardi // *Commedie del Cinquecento*. /A cura di I. Sanesi. Vol. II. Bari: Laterza, 1912, pp. 295-443.
12. *De' Medici L.* L'Aridosia // *Commedie del Cinquecento*. /A cura di I. Sanesi. Vol. II. Bari: Laterza, 1912, pp. 125-205
13. *De Fornaris F.* L'Angelica. Venetia: Francesco Bariletti, 1607.
14. *Della Porta G.* La Fantesca. Sessa, Venezia, 1597.
15. *Dolce L.* Il Ragazzo // *Commedie del Cinquecento*. /A cura di I. Sanesi. Vol. II. Bari: Laterza, 1912, pp. 205-295.
16. *Dovizi B. (Bibbiena)* La Calandria // *Commedie del Cinquecento*. /A cura di I. Sanesi. Vol. I. Bari: Laterza, 1912. pp. 1-82.
17. *Grazzini A.F.* La Strega. Presso Bernardo Giunti e Fratelli. Venezia, 1582.
18. *Lanci C.* Mestola. Giorgio Marescotti, Firenze, 1583.
19. *Machiavelli N.* La mandragola. Clizia. Milano: Rizzoli, 1959.
20. *Parabosco G.* La Notte. Tomaso Botietta, Venetia, 1546.

21. *Piccolomini A.* L'Amor costante // *Commedie del Cinquecento.* /A cura di I. Sanesi. Vol. II. Bari: Laterza, 1912, pp. 1-125.
22. *Ricchi A.* I tre tiranni // *Commedie del Cinquecento.* /A cura di I. Sanesi. Vol. I. Bari: Laterza, 1912, pp. 163-311.
23. *Varchi B.* La Suocera. Sezione letterario-artistica del Lloyd Austriaco. Trieste, 1858.

Список литературы

1. *Алисова Т., Чельшьева И.* История итальянского языка от первых памятников до XVI века. Москва: Издательство Московского университета, 2009. 440 с.
2. *Алисова Т.Б.* Введение в романскую филологию. 3-е изд, испр. и доп. – М. Высш. шк., 2007. 453 с.
3. *Алисова Т.Б.* Некоторые синтаксические особенности староитальянской (флорентийской) прозы // *Вопросы иберо-романского языкознания. Сборник статей к 80-летию В.С. Виноградова.* Вып. 7, 2005. С. 31-37.
4. *Алисова Т.Б.* Особенности становления норм итальянского письменно-литературного языка в XVI в. // *Вопросы формирования и развития национальных языков. Труды Института языкознания, Т. X. М.: АН СССР. 1960. С. 177-203.*
5. *Алисова Т.Б.* Очерки синтаксиса современного итальянского языка. М.: URSS, 2009 (1-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1971). 296 с.
6. *Алпатов В.М.* История лингвистических учений: Учеб. пособие. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 368 с.
7. *Амирова Т.А., Ольховиков Б.А., Рождественский Ю.В.* История языкознания. Под ред. С.Ф. Гончаренко. - 2-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2005.
8. *Андреев М.Л.* История литературы Италии, т. II кн. 1 – М.: ИМЛИ РАН, 2007. – 720 с.
9. *Андреев М.Л.* История литературы Италии, т. II кн. 2 – М.: ИМЛИ РАН, 2010. – 720 с.

10. *Андреев М.Л., Хлодовский Р.И.* Итальянская литература зрелого и позднего Возрождения. Москва: Наука, 1988. – 296 с.
11. *Аникст А.А.* Теория драмы от Аристотеля до Лессинга. – Москва: Наука, 1967. – 454 с.
12. *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка / Пер. с фр. – М.: Изд-во иностр. Лит., 1955. – 416 с.
13. *Балли Ш.* Французская стилистика / Пер. с фр. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.
14. *Бахтин М.М.* Творчество Ф. Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. М., Художественная литература, 1990. (1-е изд. – 1965) – 543 с.
15. *Бембо П.* Рассуждения в прозе о народном языке // Литературные манифесты западноевропейских классицистов. М., 1980. С. 33-49.
16. *Бояджиев Г.Н.* Итальянские тетради. — М.: Искусство, 1968. — 168 с.
17. *Бояджиев Г.Н.* От Софокла до Брехта за сорок театральных вечеров. – М.: Просвещение, 1981. — 336 с.
18. *Бояджиев Г.Н., Дживелегов А.К.* История западноевропейского театра от возникновения до 1789 года. – Москва; Ленинград: государственное издательство «Искусство», 1941. – 615 с.
19. *Буэно Т., Грушевская Е.Г.* Грамматика итальянского языка. – Москва: АСТ, 2014. – 318 с.
20. *Буэно Т.* Проблема нормирования и стандартизации языка в итальянской лингвистике. Дисс. ...к.ф.н. Москва, 2003. 262 с.
21. *Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю // Звегинцев В.А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть II. Гос. Учебно-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР. Москва, 1960. С. 440-457.
22. *Виноградов В.В.* Проблемы литературных языков и закономерностей их образования и развития. М., 1967. – 132 с.
23. *Виноградов В.А.* Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

24. *Виноградов В.А., Коваль А.И., Порхомовский В.Я.* Социолингвистическая типология. Западная Африка. – М.: 1984. – 128 с.
25. *Вольф Е.М.* Нормализация и кодификация: первые трактаты и грамматики по иберо-романским языкам // *Языковая норма. Типология нормализационных процессов.* М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 105-127.
26. *Гаспаро А.* История итальянской литературы. Пер. с итал. К. Бальмонта. М., 1897. Т. 1. – 540 с.
27. *Гельгардт Р.Р.* О языковой норме. // *Вопросы культуры речи.* М., 1961. С. 21-37.
28. *Горбачевич К.С.* Вариативность слова и языковая норма. М., 1978. – 237 с.
29. *Гуревич Д.Л., Жолудева Л.И.* Полифункциональность союза *que/che* в португальском и итальянском языках // *Древняя и Новая Романия.* Т. 15, №1, 2015. С. 625-634.
30. *Гухман М.М.* Некоторые общие закономерности формирования и развития национальных языков // *Вопросы формирования и развития национальных языков. Труды института языкознания АН СССР.* Т. X. М.: Наука, 1960. С. 295-307.
31. *Дживелегов А.К.* Итальянская народная комедия. *Commedia dell'arte.* Москва: Изд-во Академии наук СССР, 1954. 296 с.
32. *Дживелегов А.К.* Очерки итальянского Возрождения (под ред. Л.М. Суриса). – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 230 с.
33. *Жолудева Л.И.* Дискурсивный маркер *dico* в итальянском языке XVI века. // *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание.* 2019. Т. 18 № 1. С. 159-169.
34. *Жолудева Л.И.* К вопросу о понятии *italiano neostandard.* // *Вестник Кемеровского государственного университета,* 2020, 22(2), с. 499-506.
35. *Жолудева Л.И.* Проблемы языкового нормирования в ранних итальянских и португальских лингвистических сочинениях: территориальная и

- функциональная основы нормы. // Ученые записки Орловского государственного университета. №1 (57), 2014. С. 231-238.
36. Жолудева Л.И. Спор о названии языка в лингвистических трудах Чинквеченто как отражение проблем формирования итальянской идентичности // Древняя и Новая Романия. Т. 12, №2, 2013. с. 36-48.
37. Жолудева Л.И. Функционирование местоименной формы *gli* в итальянском языке XVI века // Вестник Томского государственного педагогического университета. Т. 194, №5, 2018. С. 9-14.
38. Жолудева Л.И. Функционирование союза *che* в языке итальянских комедий XVI века // “Язык, культура, речевое общение”: Материалы международной конференции, посвященной 90-летию профессора Марка Яковлевича Блоха. Т. 1. Москва: Издательство МГПУ, 2015. С. 271-278.
39. Жолудева Л.И. Черты диалектов Тосканы в пьесах итальянских комедиографов XVI века // Stephanos. Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва. Т. 4, №18, 2016. С. 105-116.
40. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. – М., 1963. – Вып. 3. – С. 143-343.
41. Крысин Л.П. Очерки по социолингвистике. – Москва: ФЛИНТА, 2021. – 360 с.
42. Кузнецов П.С. Комментарии // Вандриес Ж. Язык. М., 1937. – С. 335-391.
43. Кутеко Д.А. Дискурсивные маркеры в комедиях итальянских авторов XVI века в сопоставлении с феноменами *italiano neostandard* // Вестник филологических наук. 2023. №3 (3). С. 73 – 78.
44. Кутеко Д.А. Итальянская «учёная комедия» в социокультурном и лингвистическом контексте XVI века // Litera. 2023. №8. С. 1-16.
45. Кутеко Д.А. Особенности употребления личных и дейктических местоимений в комедиях итальянских авторов XVI века // Вестн. Моск. ун-та. Серия. 9. Филология. 2023. № 3. С. 45-53.
46. Кутеко Д.А. Особенности функционирования артикля в комедиях итальянских авторов XVI века // Litera. 2023. №9. С. 1-8.

47. Кутеко Д.А. Реализация вторичных функций времён в комедиях итальянских авторов XVI века // СибСкрипт. 2023. №26 (4). С. 500-508.
48. Кутеко Д.А. Эмфатические конструкции *dislocazione a destra* и *dislocazione a sinistra* в комедиях тосканских авторов XVI века. // Вестник Удмуртского университета. 2022. №32 (5). С. 978-983.
49. Лабов У. О механизме языковых изменений // Новое в лингвистике. М.: Прогресс, 1975. Вып. VII. Социолингвистика.
50. Лободанов А.П. Избранные труды. Т. 1. История ранней итальянской лексикографии: из истории филологической мысли и практики эпохи Возрождения. 3-е изд. М., 2020. – 364 с.
51. Лободанов А.П. Синтаксис и стиль местоимений. Главы из исторической грамматики итальянского языка. – М.: БОС. 2015. – 448 с.
52. Майтинская К.Е. Местоимение в языках разных систем. М.: Наука, 1969. 309 с.
53. Марченко Е.Г. Имитация спонтанной устной речи в пьесах сиенских комедиографов XVI века // Stephanos. 2019. №4. С. 197-203.
54. Михайлова Е.Н. Французская национальная грамматическая традиция XVI века как отражение языкового самосознания эпохи Возрождения. // Вестник Нижневартского государственного университета. 2008. №4. С. 17-24.
55. Михальченко В.Ю. Словарь социолингвистических терминов. Институт языкознания РАН. М., 2006. 312 с.
56. Молодцова М.М. Комедия дель арте (История и современная судьба). Л., 1990. 219 с.
57. Пелевина Н.Ф. Стилистический анализ художественного текста. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1985. 272 с.
58. Пуришев Б.И. Литература эпохи Возрождения. Идея «универсального человека». Курс лекций. – М.: Высш. Шк., 1996. – 366 с.
59. Семенюк Н.Н. Некоторые вопросы изучения вариативности. ВЯ, 1965, №1. – С. 48-55.

60. *Семенюк Н.Н.* Норма // *Общее языкознание.* / Под ред. Б.А. Серебренникова. М.: Наука, 1970. С. 549-595.
61. *Семенюк Н.Н.* Формирование литературных норм и типы кодификационных процессов // *Языковая норма. Типология нормализационных процессов.* М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 23-44.
62. *Селиверстова О.Н.* Местоимения в языке и речи. М.: Наука, 1988. 151 с.
63. *Соссюр Ф. де* Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999. 1-е изд. 1915. 425 с.
64. *Степанов Г.В.* Типология языковых состояний и ситуаций в странах романской речи. М.: Наука, 1976. 224 с.
65. *Степанова Л.Г.* Из истории первых итальянских грамматик: неизданные заметки современника на полях трактата Пьетро Бембо «Беседы о народном языке» (1525, кн. III). СПб.: Наука, 2005. 275 с.
66. *Степанова Л.Г.* Итальянская лингвистическая мысль XIV-XVI веков (от Данте до позднего Возрождения). СПб.: Изд-во РХГИ, 2000. 504 с.
67. *Титова Т.Р.* Социолингвистический аспект употребления конъюнктива в итальянском языке. / Т.Р. Титова // *Филологические науки в МГИМО. Сборник науч. Трудов.* №25 (40). – М.: МГИМО-Университет, 2007. – С. 104-116.
68. *Хачатурян Е.В.* Семантика и синтактика дискурсивных слов глагольного происхождения в современном итальянском языке. Дисс. ... к.ф.н. М.: 2000. 172 с.
69. *Челышева И.И.* Становление литературного языка Италии: к типологии формирования романских литературных языков. Научный доклад по опубликованным трудам, представленный к защите на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1998. 66 с.
70. *Челышева И.И.* Теория и практика процесса языкового нормирования в Италии XVI в. // *Языковая норма. Типология нормализационных процессов.* М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. С. 128-153.

71. *Челышева И.И.* Формирование романских литературных языков: Итальянский язык. М.: Наука, 1990. 213 с.
72. *Челышева И.И.* Язык Италии: Взгляд российского лингвиста // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. №10 (826). 2019. С. 119-129.
73. *Швейцер А.Д.* Современная социолингвистика. Теория, проблемы, методы. М., 1977.
74. *Шиммарев В.Ф.* Очерк истории итальянского языка: от истоков до XIX столетия. Изд. стереотип. – М.: ЛЕНАНД, 2022. – 152 с.
75. *Шугаева А.С.* Дискурсивные маркеры как механизм текстопостроения [Электронный ресурс] // Огарёв-Online. – 2020. – №6. – URL: <https://journal.mrsu.ru/arts/diskursivnye-markery-kak-mexanizm-tekstopostroeniya> (дата обращения: 10.08.2023)
76. *Ярцева В.Н.* Лингвистический энциклопедический словарь / Глав. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 685 с.
77. *Alisova T.* Strutture semantiche e sintattiche della proposizione semplice in italiano. Sansoni, Firenze, 1972. 286 p.
78. *Alonge R.* Il teatro dei Rozzi di Siena. Firenze, 1967. 71 p.
79. *Ammon U.* Explikation der Begriffe “Standardvarietät” und “Standardsprache” auf normtheoretischer Grundlage, in Sprach-licher Substandard, hrsg. von G. Holtus & E. Radtke, Tübingen, Niemeyer, 1986-1990, 3 voll., vol. 1. P. 1-62.
80. *Ammon U.* On the social forces that determine what is standard in a language and on conditions of successful implementation. Sociolinguistica, volume 17. 2003. P. 1-10.
81. *Antonelli G.* L’italiano nella società della comunicazione. Il Mulino, 2007. 272 p.
82. *Ayres-Bennett W.* Socio-historical linguistics and the history of French. Journal of French Language Studies 11, 2001, p. 159-177.
83. *Bally Ch.* La pensée et la langue // Bull. de la Soc. de linguistique de Paris. – P., 1922. – T. 23. – P. 117-137.
84. *Barrato M.* Realtà e stile nel Decameron. Vicenza, 1974. 420 p.

85. *Bazzanella C.* Segnali discorsivi nel parlato e nello scritto // Scritto e parlato. Metodi, testi e contesti / M. Dardano [et al.] (eds.) Roma: Casa editrice Aracne. 2001. P. 79-97.
86. *Bazzanella C.* Discourse markers in Italian: towards a “compositional” meaning, in *Approaches to discourse particles*, edited by K. Fischer, Amsterdam, Elsevier, 2006. P. 449-464.
87. *Beccaria G.* Spagnolo e spagnoli in Italia. Riflessi ispanici sulla lingua italiana del Cinque e del Seicento. Torino: Giappichelli, 1968. 373 p.
88. *Bernabei F.* Dolce, Ludovico // *The dictionary of art*. New York: Grove’s Dictionaries, 1996. T. 9. 938 p.
89. *Berruto G.* Le dislocazioni a destra in italiano, in H. Stammerjohann (ed.), *Tema-Rema in Italiano/Theme-Rheme in Italian/Thema-Rhema im Italienischen*, Tübingen: Gunter Narr, 1986. P. 55-69.
90. *Berruto G.* Per una caratterizzazione del parlato // *Gesprochenes Italienisch in Geschichte und Gegenwart* / Günter Holtus; Edgar Radtke (Hrsg.). – Tübingen: Narr, 1985. P. 120-154.
91. *Berruto G.* Sociolinguistica dell’italiano contemporaneo. Roma: Carocci, 2014. 278 p. (1-е изд. 1987)
92. *Berruto G.* Un tratto sintattico dell’italiano parlato: il c’è presentativo, in Klaus Lichem, *Parallela 2. Aspetti della sintassi dell’italiano contemporaneo*, Tübingen, Narr, 1986. P. 61-73.
93. *Berruto G.* What is changing in Italian today? Phenomena of restandardization in syntax and morphology: an overview // Cerruti M., Crocco C., Marzo S. (eds.) *Towards a New Standard: Theoretical and Empirical Studies on the Restandardization of Italian*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2017. P. 31-60.
94. *Bozzone Costa R.* Tratti substandard nell’italiano di giovani adulti, in C. Lavinio and A.A. Sobrero (eds.), *La lingua degli studenti universitari*, Firenze: La Nuova Italia, 1991. P. 123-163.

95. *Cadeddu M.E.* Scritture di una società plurilingue: note sugli atti parlamentari sardi di epoca moderna // Krefeld T., Oesterreicher W., Schwägerl-Melchior V. (eds.) *Reperti di plurilinguismo nell'Italia spagnola (sec. XVI-XVII)*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. P. 13-26.
96. *Calaresu E.* Quando lo scritto si finge parlato. La pressione del parlato sullo scritto e i generi scritti più esposti: il caso della narrativa // *Aspetti dell'italiano parlato*. Münster: Lit-Verlag, 2005. P. 65-92.
97. *Canello U.A.* Storia della letteratura italiana del secolo XVI ("L'Italia", ed. F. Vallardi). Milano, 1880. 646 p.
98. *Castellani A.* Grammatica storica della lingua italiana. Bologna, Mulino, 2000. 618 p.
99. *Castellani A.* Italiano e fiorentino argenteo // *Studi linguistici italiani*. №7, 1970. P. 3-19.
100. *Cerruti M.* Strutture dell'italiano regionale: morfosintassi di una varietà diatopica in prospettiva sociolinguistica. – Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. – 308 p.
101. *Cerruti M., Crocco C., Marzo S. (eds).* Towards to a New Standard: Theoretical and Empirical Studies on the Restandardization of Italian. Berlin, Boston: De Gruyter, 2017. 378 p.
102. *Chalupinski B.* L'Italiano Neostandard: un'analisi linguistica attraverso la stampa sportiva. [Электронный ресурс]. – URL: <https://etheses.bham.ac.uk/id/eprint/4839/1/Chalupinski14PhD.pdf> (дата обращения: 10.08.2023)
103. *Contini G.* Letteratura italiana delle origini. Firenze, 1970. 1043 p.
104. *Coletti V.* Storia dell'italiano letterario. Torino, 1993. 485 p.
105. *Coseriu E.* La geografia lingüística. Montevideo: Universidad de la República, 1956. 48 p.
106. *Croce B.* Filosofia, poesia, storia. Pagine tratte da tutte le opera. Milano, Napoli: Riccardo Ricciardi Editore, 1951. P. 355-364.
107. *D'Achille P.* L'italiano contemporaneo. Bologna: Mulino, 2018. 290 p.

108. *D'Achille P.* Sintassi del parlato e tradizione scritta della lingua italiana. Roma: Aracne, 1990. 388 p.
109. *D'Achille P., Proietti D., Viviani A.* La frase scissa in italiano: aspetti e problemi. Tipologia linguistica e società. A cura di Iorn Korzen e Paolo D'Achille. Franco Cesati Editore, 2003. P. 249-279.
110. *D'Onghia L.* Da quanto tempo gli italiani parlano italiano? Riflessioni sparse sulla questione dell'italofonia preunitaria // *Fiorentino G., Ricci C. e Siekiera A. (a cura di)* Trasversalità delle lingue e dell'analisi linguistica. Firenze: Cesati, 2018. P. 35-48.
111. *D'Onghia L.* Drammaturgia // Storia dell'italiano scritto. Vol. 2 Prosa letteraria. A cura di G. Antonelli, M. Motolese, L. Tomasin. Roma: Carocci, 2014. P. 153-202.
112. *D'Ovidio F.* Le correzioni ai Promessi Sposi e la questione della lingua. Napoli, Alfredo Guida editore, 1933. 246 p.
113. *Dardano M., Trifone P.* Grammatica italiana con nozioni di linguistica. Terza edizione. Bologna, 1996. 789 p.
114. *De Blasi N.* Geografia e storia dell'italiano regionale. Il Mulino, Bologna, 2014. 247 p.
115. *De Cesare A.-M.* Sul cosiddetto "c'è presentativo". Forme e funzioni. // Lessico, grammatica, testualità a cura di Anna-Maria De Cesare e Angela Ferrari. Università di Basilea, 2007. P. 127-153.
116. *De Mauro T.* Storia linguistica dell'Italia unita. Roma, Bari: Laterza, 1991. 573 p.
117. *De Sanctis F.* Storia della letteratura italiana. Milano: BUR, 1994. 1033 p.
118. Dizionario Biografico degli Italiani <https://www.treccani.it/biografico/index.html>
[дата последнего обращения 10.08.2023]
119. *Ducrot O.* Les mots du discours. Paris, Minuit, 1980. 240 p.
120. *Febvre L., Martin H.* La nascita del libro. Roma-Bari: Laterza, 2001. 478 p.
121. *Fernández González T.* La koinè cancelleresca nella corte sabauda nel primo Cinquecento. Tesi di dottorato. Santiago de Compostela: Universidade de Santiago de Compostela, 2012. 1033 p.

122. *Flydal L.* Remarques sur certains rapports entre le style et l'état de langue // Norsk tidsskrift for sprogvidenskap. Vol. 16, 1951. P. 241-258.
123. *Fòffano F.* Prose filologiche, La questione della lingua (Biblioteca scolastica di classici italiani). Firenze, 1908. 186 p.
124. *Ghirlanda D., Collarile L.* Parabosco, Girolamo // Dizionario biografico degli italiani, vol. 81, Roma, Istituti dell'Enciclopedia Italiana, 2014.
125. *Gioberti V.* Del primato morale e civile degli italiani, Introduzione e note di G. Balsamo Crivelli, 3 voll., Torino, UTET, 1925, Vol. I, p. 262
126. *Gruber T.* 'Nuestra lengua Romance Castellana que ellos llaman española' – Valoraciones y estereotipos en la reflexión sobre el papel del español en el Reino de Nápoles // *Krefeld T., Oesterreicher W., Schwägerl-Melchior V. (eds.)* Reperti di plurilinguismo nell'Italia spagnola (sec. XVI-XVII). Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. P. 281-299.
127. *Labov W.* Principles of linguistic change. Vol. 1: Internal factors. Oxford: Blackwell, 2010 (1st ed. 1994). 641 p.
128. *Labov W.* Principles of linguistic change. Vol. 2: Social factors. Oxford: Blackwell, 2010 (1st ed. 2001). 572 p.
129. *Labov W.* Sociolinguistic patterns. Philadelphia: University of Pennsylvania press, 1991 (1st ed. 1972). 344 p.
130. *Langella G., Frare P., Gresti P., Motta U.* I classici. [Электронный ресурс] Volume 1 – L'Umanesimo e il Rinascimento, Edizioni Scolastiche Bruno Mondadori, 2015. URL: https://www.pearson.it/letteraturapuntoit/contents/files/ario_sintesi.pdf (дата обращения 03.06.2023)
131. *Leopardi G.* Zibaldone di pensieri, a cura di G. Pacella, 3 voll., Milano, Garzanti, 1991, vol. I. 1607 p.
132. *Loporcaro M.* Profilo linguistico dei dialetti italiani. Roma-Bari, Laterza, 2009. 268 p.
133. *Lowry M.* The World of Aldus Manutius: Business and Scholarship in Renaissance Venice. Oxford: Blackwell, 1979. 350 p.

134. *Lubello S.* Cancelleria e burocrazia // Antonelli G., Motolese M., eds. Storia dell'italiano scritto. Vol. III Italiano dell'uso. Roma: Carrocci, 2014. P. 225-259.
135. *Machiavelli N.* Discorso o dialogo intorno alla nostra lingua. Torino: Einaudi, 1976. 132 p.
136. *Maiden M.* Storia linguistica dell'italiano. Bologna: Mulino, 1995. 307 p.
137. *Manni P.* La lingua di Dante. Il Mulino, 2013. – 200 p.
138. *Marazzini C.* Il secondo Cinquecento e il Seicento. Storia della lingua italiana. Bologna: Mulino, 1993. 416 p.
139. *Marcucci M.* Accademia Senese degli Intronati // Accademie e istituzioni culturali in Toscana. Florence, Leo S. Olschki, 1988. 454 p.
140. *Messina S.* Il *che* truffatore. // A cura di E. Cresti. Prospettive nello studio del lessico italiano. Atti SILFI 2006. Vol. II. – Firenze: FUP, 2006. P. 445-453.
141. *Messina S.* L'“italiano vero-simile”: la mimesi dell'italiano parlato nella fiction televisiva, in *A. Elia and A. Landi (eds.)*, La testualità. Testo Materia Forme, Roma: Carocci. 2007. P. 187-228.
142. *Migliorini B.* La questione della lingua // Questioni e correnti di Storia letteraria. Milano: Calo Marzorati, 1994. P. 1-72.
143. *Migliorini B.* Storia della lingua italiana. Firenze: Sansoni, 1963. 841 p.
144. *Mioni A.* Italiano tendenzionale: osservazioni su alcuni aspetti della standardizzazione // *Benincà P. et al. (a cura di)* Scritti linguistici in onore di Giovan Battista Pellegrini. Vol. 2. 1983. P. 495-517.
145. *Mioni A.* Sociolinguistica. // Aspetti linguistici della comunicazione. – Padova: La Garangola, 1983. 159 p.
146. *Molinelli P.* Segnali discorsivi e segnali pragmatici: sensibilità al mutamento e alla variazione sociolinguistica // *Linguistica e Filologia*. Vol. 37. 2017. P. 121-155.
147. *Nencioni G.* La lingua di Manzoni: avviamento alle prose manzoniane. Storia della lingua italiana. Bologna: Mulino, 1999. 398 p.
148. *Nencioni G.* Di scritto e di parlato. Discorsi linguistici. Bologna: Zanichelli, 1983. 288 p.

149. *Nevalainen T., Raumolin-Brunberg H.* Historical Sociolinguistics: Language Change in Tudor and Stuart England. Routledge, 1998. 288 p.
150. *Nitti P.* I cambiamenti nella lingua usata a scuola. [Электронный ресурс] // La Ricerca. – 2016. – URL: <https://laricerca.loescher.it/i-cambiamenti-nella-lingua-usata-a-scuola/> (дата обращения: 10.08.2023)
151. *Orioles V.* Italiano dell'uso medio o Italiano Neostandard [Электронный ресурс] URL: <http://www.orioles.it/materiali/pn/Neostandard.pdf> (дата обращения: 10.08.2023)
152. *Pozzi M.* Lingua, cultura, società: saggi sulla letteratura italiana del Cinquecento. Alessandria: Edizioni dell'Orso, 1989. 338 p.
153. *Procacci G.* Storia degli italiani. Roma, Bari: Laterza, 1991. 580 p.
154. *Promis C.* Biografie di ingegneri militari italiano dal secolo XIV alla metà del XVII. Fratelli Bocca, 1874. 858 p.
155. *Rohfls G.* Grammatica storica della lingua italiana e dei suoi dialetti. – Torino: Einaudi, 1966-1970. 3 vols. 520 p., 399 p., 575 p.
156. *Romaine S.* Socio-Historical Linguistics: Its Status and Methodology. Cambridge University Press, 1982. 315 p.
157. *Rossi F.* Non lo sai che ora è? Alcune considerazioni sull'intonazione e sul valore pragmatico degli enunciati con dislocazione a destra. Studi di grammatica italiana, 1999, 18, pp. 144-193.
158. *Sabatini F.* L'italiano dell'uso medio: una realtà tra le varietà linguistiche italiane // Holtus G., Radtke E. (eds.) *Gesprochenes italienisch in Geschichte und Gegenwart.* Tübingen: Narr, 1985. P. 154-184.
159. *Sarpi P.* "Istoria del Concilio Tridentino", seguita dalla "Vita di Padre Paolo" di Fulgenzio Micanzio. A cura di Corrado Vivanti. Torino: Einaudi, 1974. 2 vol. 745 p.
160. *Serianni L.* Il problema della norma linguistica dell'italiano // Gli annali della Università per stranieri. Perugia, 1986. P. 47-69.
161. *Serianni L. Trifone P., eds.* Storia della lingua italiana. Vols. I-III. Torino: Einaudi, 1993-1994. 820 p., 910 p., 1051 p.

162. *Soares da Silva D.* La coalescenza dei volgari nelle documentazioni giuridiche del Regno di Sicilia (sec. XVI) – riapertura di questioni archiviate // Krefeld T., Oesterreicher W., Schwägerl-Melchior V. (eds.) *Reperti di plurilinguismo nell'Italia spagnola (sec. XVI-XVII)*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2013, pp. 85-105.
163. *Sobrero A.* Introduzione all'italiano contemporaneo. Editori Laterza, Roma-Bari, 1993. 250 p.
164. *Tavoni M.* Il Quattrocento. Storia della lingua italiana. Bologna: Mulino, 1992. 452 p.
165. *Telve S.* Il parlato trascritto. // *Storia dell'italiano scritto*. Vol. 3 Italiano dell'uso. Roma: Carocci, 2014. P. 15-57.
166. *Tomasin L.* Tracce napoletane nella lessicografia veneziana // *Saggi di linguistica e storia della lingua italiana per Rita Librandi*. D. *D'Aguanno*, M. *Fortunato*, R. *Piro*, C. *Tarallo*, *Cesati* (eds.) Franco Cesati, 2022. P. 345-352.
167. *Trifone P.* (a cura di) *Lingua e identità. Una storia sociale dell'italiano*. Roma: Carocci, 2006. 383 p.
168. *Trifone P.* L'italiano a teatro // *Serianni L., Trifone P.* (eds.) *Storia della lingua italiana*. Vol. II. Torino: Einaudi, 1994. P. 81-161.
169. *Trovato P.* Il primo Cinquecento. Storia della lingua italiana. Bologna: Mulino, 1994. 476 p.
170. *Vanelli L.* Strutture tematiche in italiano antico // in H. Stammerjohann (ed.), *Tema-Rema in Italiano/Theme-Rheme in Italian/Thema-Rhema im Italienischen*, Tübingen: Gunter Narr, 1986. P. 249-273.
171. *Varchi B.* L'Ercolano. Milano: Società tipografica del' classici italiani, 1804.
172. *Venez G.H.* Intimità o segreto? L'uso del catalano nei documenti bilingui del Codice Aragonese (1458-1460) // Krefeld T., Oesterreicher W., Scwägerl-Melchior V. (eds.) *Reperti di plurilinguismo nell'Italia spagnola (sec. XVI-XVII)*. Berlin, Boston: De Gruyter, 2013. P. 177-198.
173. *Vitale M.* La questione della lingua. Palermo: Palumbo, 1978. 381 p.